

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Общая тетрадь

Москва 2009

Общественно-политическое издание
Выходит раз в квартал
Наш электронный адрес:
e-mail: msps@msps.su
http: //www.msp.s.ru

Содержание

№ 1 (47) 2009

Редакционный совет:

А.Н. Архангельский
Е.В. Барабанов
Р. Брейтвейт (Великобритания)
И.М. Бусыгина
С.А. Васильев
М. Мертез (ФРГ)
Б.Н. Миронов
С.В. Мошкин
Е.М. Немировская
Д. Пинто (Франция)
Б. Рубл (США)
В.А. Рыжков
Ю.П. Сенокосов
Л.П. Скопцов
А.Ю. Согомонов
А. Хиль-Роблес (Испания)
Дж. Хоскинг (Великобритания)

Главный редактор: *Ю.П. Сенокосов*
Ответственный секретарь *С.А. Максимов*
Художественный редактор: *Людмила Иванова*
Корректор: *Людмила Бусуек*
Верстка: *Ольга Козак*
Фото: *В. Иванов, О. Начинкин*

*Издание этого номера журнала осуществлено при поддержке
Института «Открытое общество», Шведского агентства по международному
сотрудничеству для развития и группы компаний «Рольф».*

К читателю 5
Юрий Сенокосов

Семинар
Гражданское общество и судебная власть 7
Людмила Алексеева

Тема номера
Мировой кризис и Россия 18
Сергей Алексашенко
Мировой кризис и мировой порядок 27
Дмитрий Тренин

Вызовы и угрозы
*"Пятидневная война" на Кавказе:
последствия реальные и мнимые* 32
Сергей Маркедонов, Андрей Захаров

Дискуссия
2003–2008. Результаты, издержки, упущенные возможности 46
*Татьяна Ворожейкина,
Лев Гудков,
Николай Розов,
Марк Урнов,
Виктор Шейнис*

Ценности и интересы
Об этом не говорят вслух 63
Максим Грудолобов

СМИ и общество
Могут ли СМИ быть нейтральными, объективными и независимыми 69
Джон Ллойд
*От миссии к блогам, социальным сетям
и знаменитостям журналистики* 73
Майкл Маклэй

Точка зрения

Децентрализация и формирование устойчивых местных сообществ
Лилия Храмова 81

Жизнь в профессии

Верховенство права и независимость судебной системы
Лорд Джастис Мозес 88

Из истории русского либерализма

Виктор Обнинский и Союз освобождения
Евгений Ефремов 93

Зарубежный опыт

Политика как инструмент социальных изменений.
Опыт Испании 1975–2008 гг.
Фернандо Ламата 98

Наш анонс

Общество против коррупции
Валим Бондарь 104

Книги

Португя и рубль
Андрей Захаров 106

Региональное книжное обозрение
Ю.С., Андрей Захаров 109

Контрапункт
Александр Архангельский 112

Nota bene

Америка старая и новая
Светлана Бабаева 116

К читателю

Произвол, говорил Мераб Мамардашвили (1930–1990), уже сам в себе «несет микробы, архетипы, прецеденты или образцы беззакония. И это беззаконие будет действовать, сцепляя одно с другим, независимо от наших благих намерений или пожеланий. Законы существуют только для свободных существ, в противном случае все будет продолжаться, несмотря на наше оскорбленное чувство гражданского достоинства, если мы будем по-прежнему думать, что живем по законам, а ради их соблюдения, так или иначе, занимаемся волонтаризмом, администрированием, насилием. Естественно, это разрушение гражданского сознания и уничтожение любых семян, из которых потенциально могла бы вырасти правовая культура в России... И мы должны быть готовы, чтобы в стране развивалось правовое договорное сознание. Если мы действительно хотим *преодолеть мыслительную неграмотность народа и самой власти** (курсив мой. — Ю.С.).

Это было сказано в начале перестройки, когда выражения «мы должны быть готовы» и «если мы действительно хотим» отнюдь не исключали (и не исключают сегодня) возможность рассматривать их в качестве цели некоего проекта, но с одной оговоркой. Это был бы не обычный проект в том смысле, что к нему призывал и стремился его осуществить философ, а не политик. Любой политический проект, как и бизнес-проект, предполагает, как известно, конкретную цель и средства ее достижения, а в данном случае такой целью является сам человек (народ), которому предлагается преодолеть *свою мыслительную неграмотность самой же мыслью*, то есть «не думать по-прежнему». Возможно ли это? Известный английский экономист Джон М. Кейнс по этому по-

Ю.П. Сенокосов,
главный редактор
журнала «Общая тетрадь»

В оформлении номера использованы работы скульпторов из Великобритании, Кубы, Нидерландов, Польши, США, ЮАР, Южной Кореи.

* Мераб Мамардашвили. *Эстетика мышления*. — М.: Московская школа политических исследований, 2000. — С. 204.

воду говорил: «Трудности создают не новые идеи, а освобождение от старых». Так как же от них освободиться?

Философия, по словам Мамардашвили, занимается изучением дела мысли во всяком деле. По-настоящему его интересовало только это: способность человека думать и размышлять о таких несуществующих в природе вещах, как свобода, истина, справедливость, красота.

Удивительно, говорил он часто на своих лекциях, что все это есть в реальной жизни, хотя ты постоянно видишь вокруг, что люди предпочитают оставаться несвободными, склонны к агрессии, мести, сталкиваешься с ложью, несправедливостью, обманом, завистью. А потом повторял: но ведь свобода, как и истина, тем не менее есть, существует. И мы знаем об этом по собственному опыту, личному переживанию, когда неизвестно откуда и почему в нас как бы вспыхивает внезапно свет, и мы неожиданно обнаруживаем свою уникальность в окружающем мире и чувствуем, что между нами и миром есть некая невидимая связь. Он убеждал слушателей, что именно в этом состоит искусство и призвание философа: в сохранении такой уникальности и удержании этой связи; что, только начиная мыслить, мы начинаем понимать себя и, понимая себя, начинаем понимать других, преодолевая тем самым нашу мыслительную неграмотность.

Другими словами, мы рождаемся не только естественным, биологическим путем, а посредством некоего органа «второго рождения» — из тех впечатлений, которые говорят нам о чем-то скрытом в нас, из-за чего мы волнуемся, переживаем, страдаем, радуемся, когда в нас рождается человеческая личность. Если же мы собираем или копим впечатления, постоянно психологизируя их, то все прожитое неизбежно повторяется, и мы так и не узнаем, на что способны как свободные люди. Здесь и встает радикальный вопрос: как же тогда мы учимся из опыта?

Обычно мы говорим в таких случаях, что *жизнь научит* и заставит человека считаться с обстоятельствами. А Мамардашвили, обращаясь к аудитории, рассуждал, что в наших российских условиях только наше чувство долга и соответствующее призвание способны кристаллизовать аморфное общественное пространство, противопоставляя своеволию бюрократической власти нечто более осмысленное. Ибо культура вырастает из идеи придания формы не только духовной жизни, но и жизни политической, в любой сфере человеческой жизнедеятельности, в которую люди вкладывают свою душу, движимые страстью к познанию.

Гражданское общество и судебная власть*

В главе первой Конституции РФ сказано: «РФ есть демократическое правовое государство». Статья третья гласит: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в РФ является ее многонациональный народ». Что собой представляет власть, определяет статья десятая: «Государственная власть в РФ осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную» При этом утверждается: «Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны». Статья 6 гарантирует нам право на справедливое судебное разбирательство. Статья 32 (часть пятая) закрепляет право граждан на участие в отправлении правосудия.

Я начала с цитирования этих статей, чтобы, во-первых, напомнить очевидное: взаимоотношения власти и народа у нас сложились вовсе не по Конституции, а во-вторых, чтобы обосновать как абсолютно конституционные свои представления о взаимоотношениях власти и гражданского общества в целом и в частности — с судебной властью.

Нам часто повторяют об особом пути России и об особенностях нашей демократии, даже название для нее особое придумано: «суверенная демократия». Конечно, мы особые. Демократические государства очень различаются между собой: скажем, демократия нидерландская очень отличается от американской, от шведской, от французской и от германской.

Но разделение трех ветвей власти и их независимость друг от друга — обязательный признак современного демократического государства. Не только это, но и такие атрибуты демократии, как выборность власти, ее периодическая сменяемость и т.д. Все это есть в нашей Конституции, которая была составлена после тщательного изучения специалистами конституций демократических стран современного мира. Но то, что у них обеспечивает функционирование демократического правового порядка, у нас не работает. Нет у нас демократического государства. Почему?

Людмила Алексеева,
председатель Московской
Хельсинкской группы

* Выступление на семинаре Московской школы политических исследований в Бекасово 12 декабря 2008 года.

Потому что у нас не окрепло еще гражданское общество, а без этого современная демократия так же невозможна, как без разделения властей и самостоятельности трех ветвей власти.

Что же это такое — гражданское общество? Его облик тоже в каждой стране свой особый. Но он тоже обладает во всех странах общими чертами.

Гражданское общество это нечто, находящееся за пределами властных структур, оно отделено от власти. Но это не все население в целом, это так или иначе структурированная его часть, и к тому же обладающая каким-то энергетическим зарядом. У нас в России гражданское общество начало формироваться в самом конце 1980 — начале 1990-х годов. При зарождении гражданского общества его составляли различные организации неформалов, народные фронты, дискуссионные клубы, клубы избирателей. Тогда же появились зачатки политических партий. Сейчас это различные общественные некоммерческие неполитические организации и их сообщества — правозащитное, экологическое, журналистское и другие. Это политические организации и партии из тех, которые возникли сами, а не созданы в Кремле. Это независимые СМИ, объединения предпринимателей, экспертов, независимые профсоюзы. В последние три года появились такие формы общественной активности, как движения в защиту интересов разных социальных групп: движение владельцев автомобилей, владельцев жилья, фермеров и других сельских жителей, движение обманутых инвесторов. По численности граждан, участвующих во всех этих объединениях, наше гражданское общество не меньше, чем во Франции или Германии, и уж точно больше, чем в Великобритании, Швеции или Нидерландах. Но у нас ячейки гражданского общества разбросаны по огромной территории и невелики в сравнении с численностью населения. Но дело не толь-

ко в этом. Дело в незрелости нашего гражданского общества. Эта незрелость особенно заметно проявляется в неспособности к организации граждан при весьма развитой способности к этому у нашей бюрократии, которая и есть наша государственная власть.

У нас не смогли создать сильные партии ни демократы, ни националисты, ни фашисты. А бюрократия имеет свою партию, которую так откровенно и называет партией власти. Это «Единая Россия». Вследствие незрелости, неумелости гражданского общества, эта партия чиновников, власти исполнительной захватила власть законодательную и власть судебную. У нас нет независимого парламента и независимого суда.

Если разделение властей отсутствует, если фактически существует один лишь центр (или вертикаль) власти, такое государство не является демократическим. Оно является авторитарным. Авторитарные государства — это государства, в которых отсутствует гражданское общество или оно слабо. По мере же его усиления авторитарная власть уступает свои позиции и постепенно авторитарный режим сменяется демократическим. В определенных обстоятельствах это может произойти в результате революции. Но пока демократия не окрепла, возможны и изменения в обратную сторону. Именно это произошло в нашей стране в течение последнего десятилетия. Процесс демократизации, который худо-бедно шел в 1990-е годы, без всяких видимых потрясений двинулся в обратную сторону, и нынешний режим демократическим не является, так как лишен главных атрибутов демократии — разделения ветвей власти и возможности ее смены путем выборов. В авторитарных государствах народ, граждане к управлению не допускаются, они отчуждены от власти. У нас между властью и обществом лежит непроходимая пропасть. Настоятельно необходимо эту пропасть между властью и обществом преодолеть, добиться их рав-

ноправного сотрудничества. Потому что в современных условиях только те страны достигают экономического процветания и политической стабильности, в которых используется весь человеческий потенциал — и властных структур, и гражданского общества, когда они не тратят силы на борьбу между собой, а мирно сотрудничают. Это сотрудничество должно осуществляться в форме гражданского контроля за всеми сферами деятельности государственных органов, которые затрагивают интересы граждан. При этом гражданское общество должно брать на себя все функции, которые граждане могут осуществлять сами, без вмешательства государства. Но наше гражданское общество еще не имеет достаточно сил, чтобы установить гражданский контроль во всех сферах и взять на себя значительную часть функций, выполняемых государственной властью, обычно плохо выполняемых или никак не выполняемых. Поэтому мы должны выбрать какие-то направления, наиболее для нас важные, чтобы сконцентрировать на них усилия если не всего, то большей части гражданского общества. Я полагаю, что сконцентрироваться можно на оздоровлении судебной власти.

Представьте себе, что все у нас осталось по-прежнему, как есть сейчас, но при этом у нас был бы независимый, компетентный, не коррумпированный суд. Ведь очень быстро разрешилась бы масса проблем, сейчас не решаемых. Воспрял бы бизнес, пришли бы иностранные и отечественные инвестиции, упали бы цены на жилье. А сколько искалеченных судеб не было бы искалечено! И выборы у нас стали бы честными, а значит, и власть сменяемой и, следовательно, подотчетной гражданам. И исполнительная и законодательная власть научились бы относиться к нам и к на-

шим проблемам с вниманием и уважением. Ведь именно зависимость судебной власти от исполнительной определяет применение судами законодательства о выборах; рассмотрение исков к

Справедливый суд – это один из немногих, может быть, единственный фактор, способный объединить наше расколотое общество

СМИ и журналистам, должностных лиц о защите их чести и достоинства; судебное преследование общественных организаций, раздражающих начальство независимостью и критикой. В отчаяние приводят решения судов по спорам хозяйствующих субъектов в пользу государства или в пользу захватчиков чужого добра, если им покровительствуют представители власти.

Между тем гражданское общество созрело для единодушного требования справедливого суда, гарантированного нам Конституцией, и кровно заинтересовано в скорейшем достижении этой цели. Необходимость справедливого суда — это один из немногих, может быть, единственный фактор, способный объединить наше расколотое общество. Требование совершенствования судебной системы в интересах граждан, может быть, является единственным создающим возможность объединения самых разных людей и организаций для решения общей для всего народа задачи. Это тот случай, когда можно организовать объединенное давление гражданского общества на государственную власть, чтобы принудить ее к действиям по совершенствованию судебной системы. Какие у нас, граждан, есть возможности повлиять на качество судебной власти?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно представить себе, как эта власть устроена и как она действует.

Энтони Гормлей. Без названия. 1986

Наша судебная власть построена по тому же принципу, что и власть исполнительная, — это вертикаль. Судей у нас утверждает президент, но в представлении ему кандидатур и продлении судейского статуса после испытательного срока большую роль играет местная исполнительная власть и председатели судов. Судья очень сильно зависит от председателя суда — в его руках организационные и финансовые рычаги. Председатель распределяет, какие дела судья будет вести, его роль решающая при распределении всех благ: квартиры, награды, повышение в должности, поездки за рубеж и в столицу. Более того, роль председателя является решающей в сохранении судьей его статуса или лишении его. Формально отстраняет судью от должности квалификационная коллегия, состоящая в основном из судей. Вроде бы очень демократический принцип. Но поскольку судьи зависят от председателя, то чаще всего они принимают решение, угодное председателю.

Председатель суда, в свою очередь, тесно связан с исполнительной властью соответствующего уровня. От исполнительной власти судейский корпус получает квартиры, от исполнительной власти зависят условия работы суда и судей: выделение здания под суд, его ремонт, благоустройство, оборудование и многое другое. Эта зависимость и тесное переплетение интересов исполнительной и судебной власти способствуют их слиянию в единую чиновничью корпорацию. Это особенно заметно в маленьких городах. Там привилегированный слой составляют мэр и его окружение, прокурорское и милицееское начальство, а также председатель суда и приближенные к нему судьи. Эти люди постоянно общаются, и не только по делу. Они вместе отмечают государственные и семейные праздники, и в этой среде очень часты корпоративные браки, скажем, дочь прокурора выходит замуж за сына начальника милиции или

сын прокурора женится на дочери председателя суда. В силу такой корпоративности ментальность наших судей — это скорее ментальность чиновничья, а не независимого арбитра. Соответственно и все судебные дела решаются в этом кругу полюбовно, если в каком-то деле, проходящем через суд, есть интерес кого-то из членов этой чиновничьей корпорации. Начальник милиции, будучи пьяным, сбил машиной жителя города — сколько мы знаем таких случаев, когда начальники и их родственники выходят из таких дел безнаказанными! Или какой-то правдолюбец доказывает, что квартиру, которая полагалась ветерану войны, незаконно получил, скажем, прокурор. Опять же судья сплошь и рядом решает такие дела не по закону, а в интересах члена привилегированной корпорации, к которой он сам принадлежит. Говорят, у нас действует телефонное право. Но зачастую не нужно и звонка сверху: судья сам знает, как решать такие дела. Особенно когда речь идет об интересах большого начальника или дело ведет ФСБ. Могу сказать, что в делах об убийстве журналистов, выступавших с критикой высокопоставленных лиц, а таких дел немало — Холодов, Щекочихин, Политковская, — в лучшем случае судили убийц, но ни разу — ни разу не добрались до заказчиков злодеяния!

Как же быть? Как долго может в современном мире существовать страна со 140-миллионным населением, в которой пробуксовывает, не работает судебная система? И как результат — в местах лишения свободы у нас совсем не редкость люди, не совершившие преступления, но приговоренные к огромным срокам заключения. И не только по корысти, но и по равнодушию. Ведь следствие у нас работает из рук вон плохо, а судьи штампуют выводы следователя, нередко полученные с помощью пыток, потому что о результатах работы и милиции и следствия судят по числу

раскрытых дел. Вот и обвиняют первых попавшихся, не имеющих высокой защиты, а насильники и другие преступники остаются на свободе. Масса примеров решения хозяйственных дел в суде не в пользу добросовестного собственника, а в пользу незаконно захватившего чужую собственность и заплативших кому нужно из начальства. Неудивительно, что, по данным Левада-Центра, 65% российских граждан не доверяют нашему суду.

Выход из этого положения для граждан — активное участие в совершенствовании казенной судебной системы и в развитии альтернативного судопроизводства.

Сначала о том, что мы, граждане, можем сделать для совершенствования судебной власти. Это не так уж много, но все-таки...

Прежде всего, в наших силах придание гласности желательного каждого известного нам приговора, вынесенного с нарушением закона. Для этого есть независимые СМИ, Интернет, разные формы прямого общения, такие, например, как наш сегодняшний семинар. Да и в контролируемых государством СМИ можно обсуждать злоупотребления чиновников более низкого ранга, чем те, которые данный источник информации контролирует: на центральных телеканалах можно критиковать злоупотребления на уровне регионов, на региональных — муниципальные злоупотребления и т.д. В придании гласности могут участвовать не только журналисты, но и правозащитники, разные эксперты, юристы, социологи и т.д. Они могут отслеживать работу судов, а заинтересованные организации, например молодежные, объединения предпринимателей и т.д., — отслеживать судебные процессы, затрагивающие их интересы и публиковать результаты этих мониторингов. Такой общественный контроль за деятельностью судов уже проводится разными организациями в разных ре-

гионах, но нужно сделать эту практику постоянной и повсеместной.

Все чаще используется у нас такая возможность корректировки казенного правосудия, как подача жалоб в Европейский суд по правам человека. К сожалению, рассмотрение дел, принятых в этот суд, растягивается на несколько лет. Но, несмотря на это, численность обращений туда российских граждан растет год от года, потому что усиливается расхождение представлений о справедливости граждан и власти, включая судей. Подавляющее большинство жалоб российских граждан, поданных в Европейский суд, — это именно жалобы на отсутствие справедливого суда.

Однако самое главное, чего мы должны добиваться для оздоровления нашей судебной власти, — это расширение прямого участия граждан в отправлении правосудия. Прежде всего это суды присяжных.

Суд присяжных — это глас народа. Ведь там решают, виновен подсудимый или не виновен, не судьи, а рядовые граждане. Вы знаете, в присяжные заседатели подбирают по случайной выборке. Таким образом, суд присяжных это прямое вхождение граждан в такую важную ветвь власти, как власть судебная, реальное выполнение рядовыми гражданами властных функций. Суд присяжных привносит в судебную систему, действующую по универсальным юридическим правилам, представления о справедливости, бытующие в обществе данной страны в данное время, и таким образом корректирует законы, которые иной раз плохо написаны или отстали от жизни. У нас в России законы очень жестокие, гораздо более жестокие, чем большинство из нас. И это одна из причин, почему суды присяжных часто милостивее наших судей.

Эффективность суда присяжных прошла более чем вековую проверку во многих демократических странах. Например, в США эти суды рассматрива-

ют 95% гражданских дел, то есть там судебная власть почти целиком осуществляется с участием граждан, — и там нет такого недоверия и неуважения к суду, как у нас.

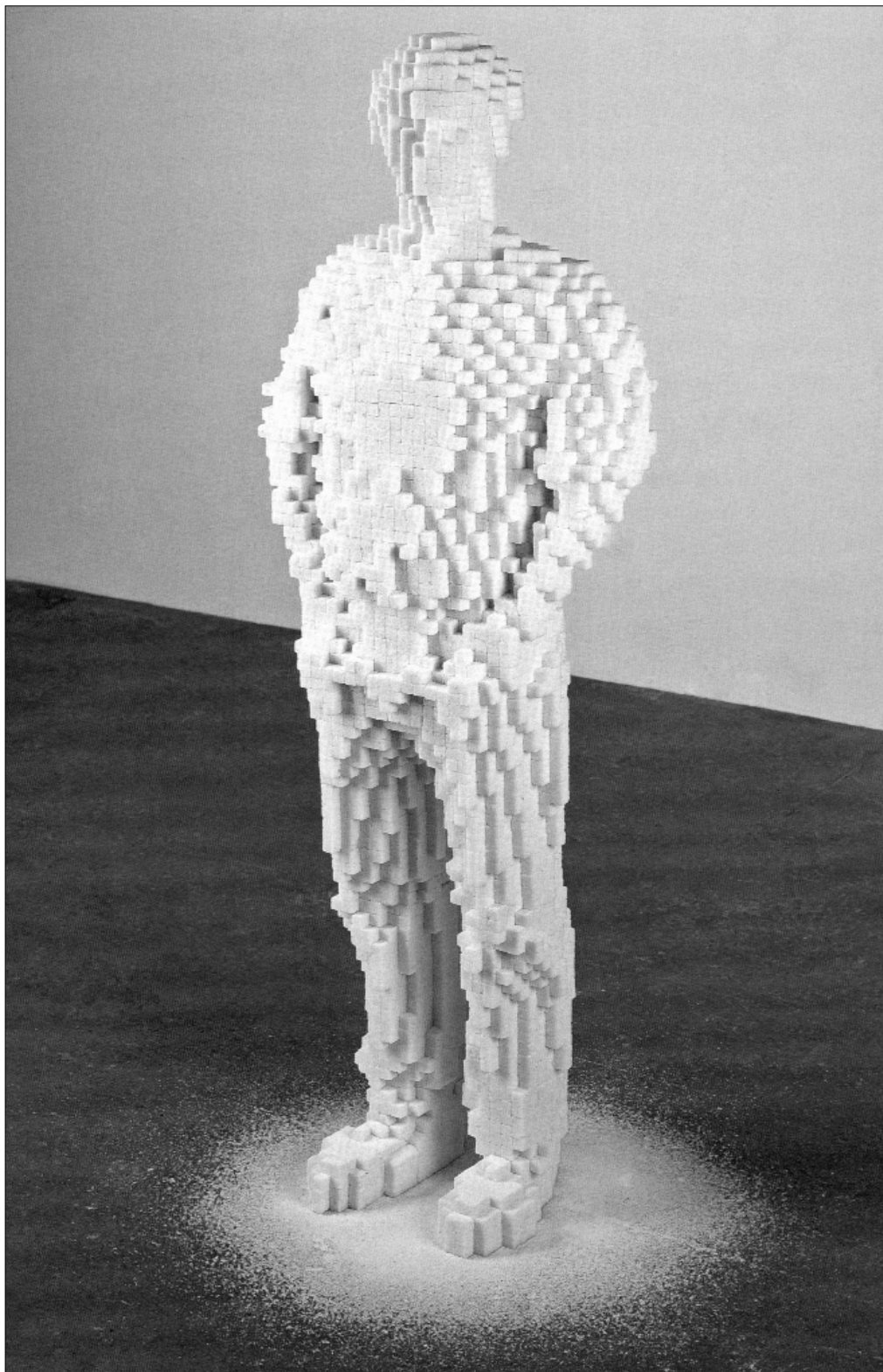
В нашей стране суд присяжных был введен при царе Александре II вскоре после отмены крепостного права, просуществовал до 1917 года и прекрасно себя зарекомендовал. После революции он был возобновлен лишь в Конституции РФ, принятой в 1993 году. Однако сейчас продвижение в жизнь этого суда вызывало и вызывает мощное сопротивление бюрократии и поэтому приживается очень медленно. Хотя Конституция никак не ограничивает сферу действия суда присяжных, соответствующий закон определил, что этот суд может рассматривать дела лишь о тяжких преступлениях в тех случаях, когда об этом просят обвиняемые. В результате мы имеем такую статистику: в 2007 году 9 млн гражданских дел были рассмотрены без какого-либо участия граждан. По уголовным преступлениям было рассмотрено 1 млн 174 тыс. дел. Из них суды присяжных рассмотрели 534 дела. Ничтожно мало!

Но вот последняя инициатива Государственной думы: в начале декабря Госдума приняла в первом чтении законопроект об изъятии из ведения суда присяжных рассмотрение дел почти по 20 статьям УК, а именно все дела о преступлениях против государства. Все такие дела квалифицируются как тяжкие преступления и поэтому подлежат рассмотрению в суде присяжных, что правильно — дела о преступлениях против государства не должны рассматривать государственные чиновники, каковыми по существу являются наши судьи. Этот законопроект обосновывается необходимостью усиления мер по борьбе с терроризмом, хотя в последнее время вроде бы у нас никаких особых терактов не происходило. У меня сложилось впечатление, что этот законопроект внесен

и рассматривается в большой спешке ради одной статьи, запрятанной среди остальных для меньшей заметности: из ведения присяжных предлагается изъять рассмотрение дел об участниках массовых беспорядков, что, кстати, никакого отношения к терроризму не имеет. Думаю, здесь проявилось опасение беспорядков в связи с экономическим кризисом. И, конечно же, опасно отдать такие дела на рассмотрение граждан: представления о виновности участников таких беспорядков у граждан могут сильно разойтись с мнением авторов законопроекта.

Возможно, сферу действия суда присяжных заторопились сузить и в связи с событиями на суде над обвиняемыми в убийстве Анны Политковской. После первого заседания председательствующий судья Евгений Зубов, как известно, заявил, что суд будет закрытым по требованию присяжных, которые, мол, боятся присутствия журналистов в зале заседаний. Однако один из присяжных сказал публично, что ни он, ни его коллеги об этом не просили, несмотря на то, что им предлагали подписать такое письмо, кем-то за них составленное. И 19 из 20 присяжных заявили письменно, что они не просили закрыть суд и не против присутствия на суде журналистов. Вот, кстати, очевидная разница между позицией судьи, конечно же, хорошего профессионала, но человека подневольного, и присяжных — самых разных людей, которые не побоялись занять в этом принципиальном вопросе по-настоящему гражданскую позицию. Ведь если суд без каких-либо оснований хотят сделать закрытым, это значит, что ФСБ, которая ведет дело об убийстве Политковской, есть что скрывать от ее коллег-журналистов и от публики. Вот чего боятся наши бюрократы — участия граждан в отправлении правосудия.

Кстати, я не раз выслушивала от тех, кто побывал присяжным, что они ощутили себя гражданами, может быть,

Том Фридман. Без названия. 1999

первый раз в жизни, выросли в собственных глазах, почувствовали ответственность за судьбы других людей и очень хотели исполнить возложенные на них обязанности как можно лучше. Наши бюрократы, а следом за ними и некоторые журналисты обвиняют присяжных в бездумном оправдании заведомых преступников. Но если проанализировать такие обвинения, то оказывается, что вердикты выносятся с полной ответственностью. Известен случай оправдания присяжными обвиняемых в убийстве на почве национальной ненависти девятилетней девочки-таджички в Санкт-Петербурге. Но дело в том, что присяжные вынесли оправдательный вердикт потому, что не поверили следствию и прокурору, что на скамье подсудимых сидят именно убийцы бедной девочки, а не потому, что они одобряли это убийство. Присяжные чаще, чем профессиональные судьи, не верят следствию, хотя им нередко мешают разобраться в деле. Так, в судебных процессах, которые ведет ФСБ, например по обвинению в разглашении государственной тайны, судьи лишают присяжных возможности выслушать свидетелей защиты, которые доказывают, что разглашенные сведения не являются секретными.

Противники судебной реформы сумели посеять среди журналистов пренебрежительное отношение к присяжным: мол, среди них много безответственных людей, безграмотных, не способных разобраться в деле, и вообще приличный человек в присяжные не пойдет, идут лишь те, кому делать нечего. Тем не менее, несмотря на многие недостатки закона о суде присяжных и порой удачные попытки манипулировать ими со стороны недобросовестных судей, именно суд присяжных — это реальный путь к оздоровлению нашей порочной судебной системы. Надо добиваться расширения сферы его применения, надо укреплять его авторитет среди населения и всяче-

ски ему помогать, если мы хотим жить в стране со справедливым судом.

Однако вряд ли нам удастся в обозримом будущем существенно улучшить наш казенный суд, избавиться от неправосудных решений, добиться равенства граждан и государства и его чиновников перед правосудием, избавиться от обвинения лиц, вина которых не доказана. Поэтому, используя все средства для смягчения пороков официального правосудия, следует стремиться по возможности избавить граждан от его услуг. Такую возможность дает альтернативное правосудие, осуществляемое самими гражданами. Нужно сказать, что в США и в Европе гражданское общество выбрало именно этот путь и там уже накоплен положительный опыт в этом отношении.

Что такое альтернативное правосудие? Это досудебные примирительные процедуры, это третейские суды, это комитеты по этике и т.д. В России юридическая мысль тоже идет в этом направлении.

Рассмотрим формы альтернативного правосудия, применение которых не возбраняется законом.

Суть восстановительного правосудия в том, чтобы с помощью подготовленных медиаторов (посредников) до суда попытаться примирить стороны, помочь им договориться с учетом конкретных обстоятельств дела, используя не столько нормы права, сколько обычаи и особенности менталитета сторон конфликта. Скажем, подросток угнал машину соседа, чтобы покататься, и при этом повредил ее так, что она требует существенного ремонта. Если это дело пойдет в казенный суд, мальчишка окажется в колонии для несовершеннолетних, откуда он, вероятнее всего, выйдет человеком, ориентированным на уголовщину. Его жизнь пойдет по этой колее. А пострадавший сосед получит лишь злобное удовлетворение, что малец наказан. Если же в этом случае применить досудебное примирение, то мальчишка

останется в семье, при условии, что он осознал свою вину перед соседом, дал обещание возместить причиненный ему ущерб и это обещание выполняет. Принципы восстановительного правосудия — сглаживание вреда личными усилиями виновника конфликта и общественный контроль за выполнением его обещания перед потерпевшим. Уже имеются подвижки во внедрении в жизнь восстановительного правосудия в нашей стране: это прежде всего школьные службы примирения как система профилактики правонарушений несовершеннолетних. Они создаются в тех регионах, где руководство правоохранительных органов поддерживает эту инициативу общественности.

Теперь о третейских судах. Это способ рассмотрения споров между сторонами, когда обе они согласны отдать решение не казенному суду, а гражданскому — третейскому. Эти суды формируются самими гражданами. Сейчас у нас в стране действует около 600 таких судов — при торгово-промышленных палатах, при разных неправительственных общественных организациях. Скажем, Всероссийское движение за права человека создало такой суд, и я состою там одним из судей. Принципиальная особенность третейского судопроизводства — добровольность. Стороны должны заключить соглашение об обращении в тот третейский суд, в котором они хотели бы решить свой спор. Стороны могут также создать свой суд и сами определить правила рассмотрения их дела. Каждая сторона выбирает своего арбитра, и вместе они выбирают председателя суда. Эти трое и составляют третейский суд. Если какая-либо из сторон недовольна решением третейского суда, решение может быть обжаловано в государственный арбитражный суд, но не по существу дела, а только если были допущены грубые процессуальные нарушения. Если проигравшая сторона уклоняется от исполнения решения третейского суда, то ис-

полнительный лист выдает арбитражный суд. Третейские разбирательства разгружают арбитражные суды. Поэтому арбитражные судьи относятся к третейским судам благосклонно, как и Верховный суд России. Пленум Верховного суда в июне 2008 года вынес постановление, которым возложил на судей обязанность разъяснять сторонам их право на передачу дела в третейский суд.

Третейские суды разбирают в основном хозяйственные споры между гражданами. Но в США, например, они рассматривают и налоговые споры, и административные дела. Быстрота, экономичность, конфиденциальность выбора арбитров, согласование позиций сторон, при котором возможно устранение конфликта, — вот отличительные черты альтернативных методов правосудия.

Что же мы, граждане, можем сделать для расширения сферы действия альтернативного правосудия? Информировать население о возможности разрешения споров в альтернативном порядке; способствовать созданию третейских судов, использованию примирительных процедур. Все эти проблемы могут решать самые разные общественные организации. Такие организации уже существуют.

В Москве создана Всероссийская гражданская сеть — ВГС. Она ставит своей целью искать во всех регионах организации и отдельных активистов, готовых подключиться к работе по оздоровлению судебной власти в тех формах, которые я перечислила или которые они сами предлагают. Так, в ВГС влилась общественная организация «Бизнес-солидарность». Это объединение предпринимателей в защиту тех, у кого с помощью суда незаконно отбирают собственность. Это движение имеет большой резерв для развития: судебные преследования предпринимателей, у которых есть что отнять, распространились очень широко, и эту опасность осознали уже не только пострадавшие, но и многие из тех, кого напрямую это еще не задело.

Фонд Индем, тоже вошедший в ВГС, осуществляет мониторинг работы судов. Независимый экспертно-правовой совет, состоящий из юристов-профессионалов высокого класса, тоже ставший членом ВГС, занимается обучением активистов из общественных организаций, учреждающих третейские суды. НПО «Общественный вердикт», имеющая партнерские организации в нескольких регионах, ведет дела граждан, подвергшихся избиениям и пыткам в милиции или под следствием. Фонд «В защиту гласности», журналистский клуб «Гражданин» готовы способствовать публикации соответствующих материалов журналистами в разных регионах. Все вместе это уже можно назвать движением «Граждане за справедливый суд». Это движение имеет хорошую перспективу стать основным направлением усилий не только правозащитных, но самых разных общественных организаций; возможно к нему подключатся политические партии, потому что нет та-

кого гражданского объединения, которое не ощутило бы на собственной практике дефекты нашей судебной системы. Это касается не только организованной части общества, но и огромного числа граждан, ни в каких организациях не состоящих, но пострадавших от российского правосудия. Общая цель участников движения «Граждане за справедливый суд» — добиться проведения судебной реформы на основании требований, предъявляемых обществом, с широким обсуждением каждой детали этой реформы, с проведением их пилотных испытаний до окончательного утверждения в качестве закона.

Я знаю, что добиться этого чрезвычайно трудно в нынешней обстановке. Но невозможно мириться с состоянием нашей судебной системы. Мы должны приблизить ее реформу подключением к решению этой проблемы усилий большого числа организаций и активных граждан. По-моему, наше общество созрело для того, чтобы решить эту задачу.

Сергей Алексащенко,
руководитель
Группы стратегического
консультирования

Мировой кризис и Россия

У нас как-то очень легко говорили и говорят до сих пор, что кризис — это в Америке, кризис в Европе, а у нас в стране все замечательно. Там штормит, а к нам ветры задувают. Мне кажется, что в этом большая ошибка властей, которые поставили неправильный диагноз. При абсолютно правильной первой части, что кризис разразился на Западе, прежде всего в Америке, нужно открыто говорить и о том, что у нас, в России, проявились собственные болезни, на которые раньше мы не обращали внимания, что они зрели где-то внутри, но вот теперь все проблемы неожиданно выплеснулись на поверхность и проявили себя в полной мере.

Сначала о мировом кризисе. Это кризис в первую очередь уникальный, за послевоенное время, после Второй мировой войны, такого не было. Я думаю, что даже во время Великой депрессии 1929–1932 годов все начиналось по-другому: тогда был кризис в реальном секторе экономики, который потом перешел на финансовый сектор. Теперь все наоборот.

Сегодня Америка является крупнейшей экономикой мира. Она по-прежнему определяет тенденции мировой экономики, в этом нет никаких сомнений. Сколько бы ни говорили, что Америка утратила свою роль, что она сегодня не такая мощная, не такая великая, это неправда, потому что до последнего времени если Америка чихает, то весь остальной мир тяжело болеет. В Америке болезнь поразила финансовые институты, банки, в первую очередь страховые компании, и этот кризис оказался достаточно неожиданным для американских властей, они к нему до времени всерьез не относились, до того момента, когда произошло банкротство банка Леман Бразерс. Несмотря на то, что с середины лета прошлого года кризисные явления постепенно усиливались, позиция американских властей была такая же, какая часто бывает у любых политических лидеров: мол, давайте немного поживем, посмотрим, и болезнь пройдет сама по себе, рассосется. Но выясняется,

что даже в Америке, как и в России, экономические проблемы, коренящиеся глубоко, не рассасываются, а только вызревают и рано или поздно выходят на поверхность.

Если говорить коротко о кризисе американских банков, то он был обусловлен тем, что американцы достаточно легкомысленно последние три-четыре года подходили к анализу банковских рисков. Банки ведь очень специфические институты. Когда они берут у вас депозит, то они берут чужие деньги. Но, с другой стороны, когда дают кредит, то дают свои деньги, кредит от своего имени. И эта их трансформационная роль, роль передаточного звена между сбережениями и кредитами, накоплением и инвестициями — уникальная особенность банковской системы. Исполняя эту функцию, банки должны очень трезво и критично подходить к анализу рисков, оценивать качество заемщика, качество активов, в которые вкладывают деньги, понимая, что эти активы должны возвращаться вкладчикам. Они должны всегда быть готовыми вернуть доверенные им деньги.

На их несчастье случилось так, что с начала двухтысячных годов в Америке шел очень сильный подъем цен на недвижимость. Пользуясь тем, что в это время Федеральная резервная система снизила процентную ставку, очень многие люди стали брать кредиты, покупать недвижимость, и это, естественно, вызвало дальнейший рост цен на жилье. Банки стали подходить к оценке рисков при выдаче ипотечных кредитов достаточно легкомысленно. Выстроилась уникальная конструкция, которая работала по такому принципу: кредиты выдавали не сами банки, а ипотечные брокеры, деятельность которых никто не регулировал, они существовали сами по себе. Они принимали решение о выдаче кредита, формировали какой-то пул кредитов, например на 10 млн долларов, и немедленно продавали банку. Банк же формировал пул кредитов на 300 млн долларов, выпускал под них облигации, и таким образом передавал риск дальше. Получается, что банки и сами не принимали решения о выдаче кредитов, не оценивали риски заемщика и не учитывали эти риски в своем балансе, а сразу передавали их другим организациям, распространяя по всему миру не обеспеченные реальными деньгами бумаги.

Среди ипотечных кредитов были так называемые нестандартные, когда кредиты выдавались людям, в чьей платежеспособности были сомнения. Эти заемщики не могли представить все документы, и зачастую было понятно, что многие из них не в состоянии будут расплатиться. Возникла некая эйфория, будто в условиях растущего рынка особой угрозы нет, потому что сегодня вы покупаете дом, который стоит, скажем, 250 тысяч долларов, а через два-три года он стоит уже 350 тысяч. Получается, что вы на этом вроде бы заработали 100 тысяч. Такая ситуация стала стимулом к расширению кредитования. Но в середине 2006 года процентные ставки по кредитам стали расти, а рост цен на недвижимость остановился. Цены начали немного падать, и тут выяснилось, что можно не только заработать, но и проиграть.

Джонатан Борофски. Идущие в небеса. 2004

Когда вы берете ипотечный кредит, вы платите за дом первоначальный взнос: предположим, от стоимости того же дома в 250 тысяч вы заплатили 50 тысяч. Однако через полгода выяснилось, что ваш дом стоит не 250 тысяч, а 200. Это значит, что вы потеряли ваши 50 тысяч, вы все потеряли. В этой ситуации бессмысленно возвращать кредит.

Такой механизм привел к тому, что американцы, в первую очередь бедные, то есть получатели нестандартных кредитов, начали отказываться от выплаты, и эти убытки стали накапливаться в банках. Причем в неяв-

ной форме эти убытки расплозились по всей банковской системе, и все те ипотечные облигации, про которые я говорил, стали падать в цене. Банкам ничего не оставалось, кроме как фиксировать убытки. Когда банк фиксирует убытки, это означает, что он теряет свой капитал. Капитал — это его собственные средства, с помощью которых он как раз регулирует соответствие объемов привлекаемых депозитов и выдаваемых кредитов, чтобы все время можно было выдавать деньги вкладчикам, которые разместили деньги в банке.

Есть такой важный норматив, который называется — достаточность капитала. Это один из базовых принципов регулирования банковской деятельности, во всем мире есть такое понятие — базельский норматив, базельский стандарт. Это огрубленно не менее 10% от суммы активов банка. Если совсем упрощенно говорить, имея рубль капитала, банк может выдать кредитов на десять рублей, то есть, имея миллион долларов капитала, банк может выдать кредитов на десять миллионов. В момент, когда банк потерял 20% капитала из-за невозврата средств заемщиками, у него осталось капитала не миллион, а восемьсот тысяч, а это означает, что он должен и свои кредиты сократить с десяти до восьми миллионов.

Потеряв огромные объемы капитала, банки в западном мире должны были сократить объем выданных кредитов на 2–3 триллиона долларов. И именно это подкосило мировую экономику, потому что она не может развиваться без кредитов. В этом и состоит основное содержание кризиса, который мы наблюдаем, в частности, в Америке и в Европе.

Это ударило, в свою очередь, по потребительским кредитам в самих США, а частное потребление в Америке является двигателем для американской и мировой экономики. Теперь американцы не могут получать новые кредиты, не могут тратить, сокращают покупки. Упало строительство, потому что цены на недвижимость тоже упали, упало автомобилестроение. Продажи автомобилей в Америке в октябре 2008 года упали на 35%. Соответственно, вся американская экономика начинает впадать в рецессию, начинает потреблять меньше, всего меньше — бензина, стали, а это значит, что в мире нужно

В Америке болезнь поразила финансовые институты, банки, в первую очередь страховые компании, и этот кризис оказался достаточно неожиданным для американских властей

производить меньше нефти, цены на нее падают. Нужно производить меньше стали, никеля, алюминия, меди и пр., так как цены на них тоже падают.

Китай в последние годы превратился в мировую фабрику, которая производила очень много разнообразных товаров для всего мира, но американцы стали покупать их меньше, поэтому китайцы теперь производят тоже меньше и, следовательно, закупают меньше сырья.

Через эти два больших канала американский кризис, кризис всего западного мира оказывает влияние и на российскую экономику. Во-первых, упали цены на сырье, во-вторых, западные банки перестали выдавать новые кредиты российским банкам и компаниям. Тут совершенно неожиданно для российского правительства выяснилось, что это и есть болевые точки российской экономики. Причем о зависимости российской экономики от цен на нефть не знал только совсем глупый, но так как последние лет пять цены на нефть росли, об этом стали потихоньку забывать, надеясь, что этот рост будет продолжаться вечно. А вот тема внешнего долга российских банков и компаний возникла сравнительно недавно. Еще в начале 2005 года совокупный внешний долг банков и компаний составлял 100 млрд долларов. На середину 2008 года его объем превысил 500 млрд долларов, то есть внешний долг российских банков и компаний увеличился в пять раз. С точки зрения мировой экономики это не слишком много, потому что ВВП России составляет примерно полтора триллиона долларов, то есть долг — это 33–35% ВВП, это не критический показатель. Но самое тяжелое то, что примерно 40% из этого долга, то есть двести миллиардов долларов, — долг краткосрочный, который надо погасить до конца 2009 года.

Как водится, большая масса заемщиков брала кредиты в расчете не на то, что они их вернут, а на то, что через полгода, два, три года смогут этот долг перефинансировать. То есть взять новый кредит, или выпустить облигации, или разместить акции, и таким образом расплатиться по полученным кредитам. Однако выяснилось, что в этот момент новый кредит взять невозможно, а деньги надо возвращать. И к этому российская экономика тоже оказалась не готова.

Тема внешней задолженности российской экономики начала достаточно громко звучать примерно полтора года назад, когда выяснилось, что рост внешней корпоративной задолженности идет очень быстрыми темпами.

Последовало несколько заявлений со стороны министра финансов, министра экономики: мол, да, есть такая проблема, ну и будем жить с ней. И когда в августе — сентябре 2008 года начали падать цены на нефть, и оказалось, что российские банки и компании больше не могут занять деньги на внешнем рынке, выяснилось, что ресурсы экономического роста неожиданно закончились. И российские власти столкнулись с тяжелейшим кризисом.

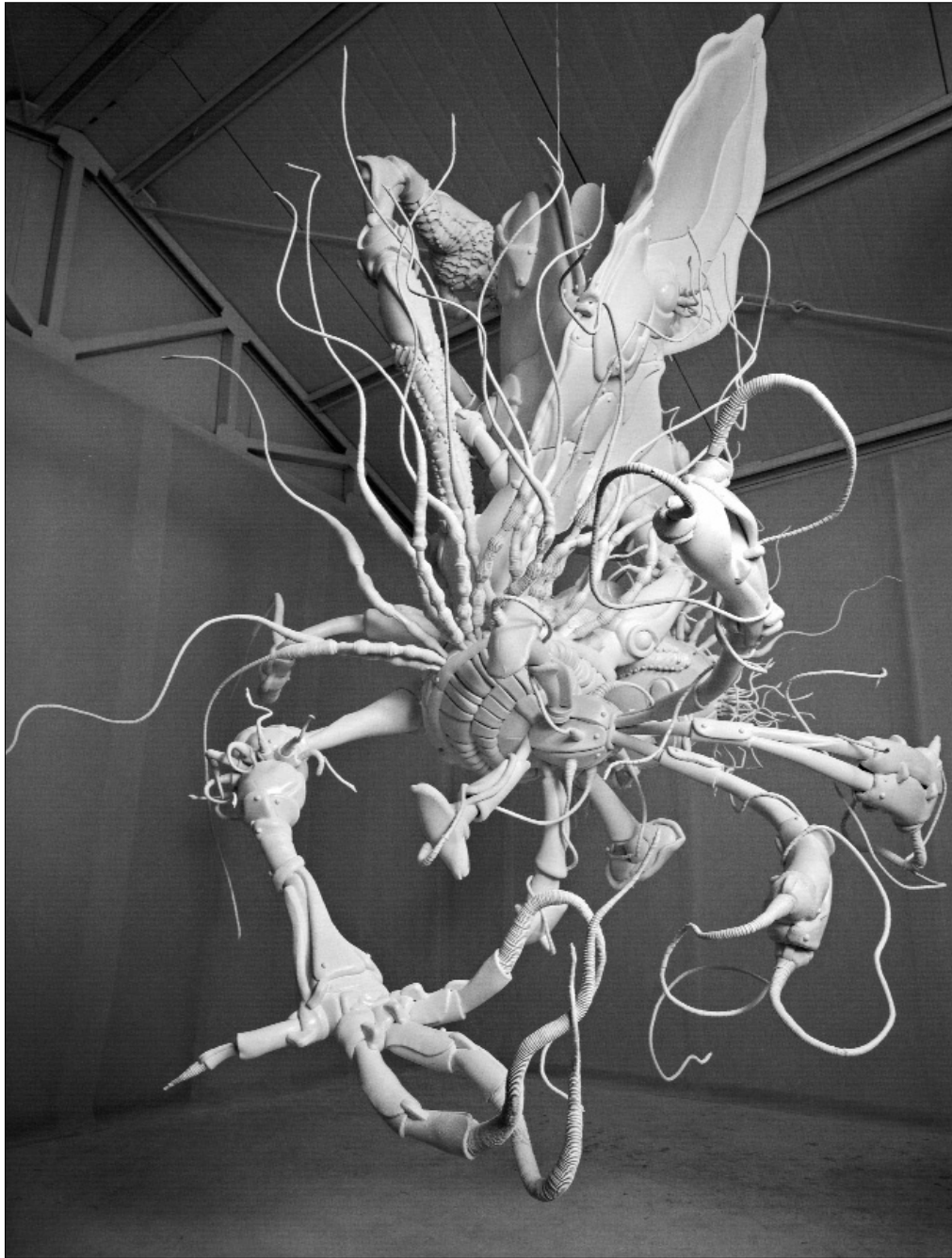
Сила любой власти состоит в трезвой оценке ситуации и своевременном принятии адекватных решений. Опыт мировой экономики показывает,

что избежать кризисов еще никому не удавалось. Они случаются время от времени. И если власть реагирует правильно, есть основания рассчитывать на то, что выход из кризиса будет быстрее и легче. Если же власть медлит и делает ошибки, то есть опасение, что выход из кризиса окажется долгим и болезненным. Мне кажется, что российские власти не совсем правильно оценили ситуацию, а вслед за этим, принимая решения, о которых мы знаем сегодня, допустили несколько ошибок, о которых можно и нужно говорить вслух.

Во-первых, скорее всего, из-за ошибочного целеполагания. Сразу же, как только кризис перешел на территорию России, российские власти, и президент, и премьер, и экономические министры заявили, что самое главное в этой ситуации — не допустить снижения темпов роста. То есть как росла экономика на 7–8% в год, так и должна расти. Но любому человеку, который читал учебник по экономической теории, хорошо известно, что такого быть не может. В стране, где производят сырье, идущее на обработку, а потом на потребление в другие страны мира, и где две трети экономики зависят от цен на сырье, невозможно сохранить объемы производства, если весь мир снижает объемы потребления первичных ресурсов. Мы слышим сегодня, что правительство планирует на 2009 год экономический рост на уровне 5%, но я не встречал ни одного независимого серьезного экономиста, который прогнозировал бы темпы роста в России выше 3%. При этом многие специалисты говорят, что у нас может быть даже не рост, а спад уже в четвертом квартале 2008 года. Если вы берете российские экономические газеты — «Ведомости», «Коммерсантъ», там все крупные статьи говорят, как у нас власть борется с кризисом, что у нас довольно неплохо обстоят дела. А потом вы начинаете читать маленькие заметки, и выясняется, что эта отрасль планирует сокращение на 10%, другая уже упала на 7%, здесь сокращение численности работников на 20% и так далее. Короче говоря, мне кажется, что это ошибка, будто можно удержать экономику России от спада, стремление добиться этого будет лишь подталкивать власти к принятию неверных решений.

Вторая явная ошибка состояла в том, что, поскольку кризис к нам пришел из Америки, российские власти решили бороться с ним американскими методами. В Америке, когда начал развиваться финансовый кризис, возникла большая проблема: если все банки фиксируют убытки и каждый списывает их по своим правилам, то никогда не знаешь, в каком реально состоянии находится твой партнер. Возникает кризис доверия, ты не понимаешь, можно ли верить контрагенту или нельзя. Уже с начала 2008 года центральные банки в Америке, в Европе, например в Англии, начали все больше кредитовать эконо-

В стране, где две трети экономики зависят от цен на сырье, невозможно сохранить объемы производства, если весь мир снижает объемы потребления первичных ресурсов

Ли Бул. Амариллис. 1999

мику, потому что там реально возникла угроза стабильности системы расчетов. Однако, когда сами банки перестают давать деньги друг другу, деньги оборачиваются медленнее, и банки не в состоянии выполнять функции расчетов в том объеме, в каком требуется для экономики.

Российские власти в середине сентября прошлого года сделали невероятный по масштабам «впрыск» денег в экономику, разместив огромное количество бюджетных депозитов в банковской системе, снизив нормы обязательных резервов, выдав деньги банкам на общую сумму, примерно, полтора триллиона рублей. Но поскольку объективно потребности в этих деньгах у экономики не было, то все эти полтора триллиона в течение месяца пришли на валютный рынок и исчезли, что называется, мгновенно, потому что у банков появилась большая ликвидность, которая им не была объективно нужна.

И третья ошибка — то, на что нельзя не обращать внимания, что будет определять скорость выхода России из кризиса: совершенно неожиданно, по крайней мере для меня, российское правительство перешло к «ручному управлению» экономикой, то есть пытается воссоздать квазисоветскую систему, что-то среднее между Госбанком, Госпланом и Госснабом. Когда вице-премьеры проводят совещания по состоянию дел в той или иной отрасли, принимают решения, какие объекты нужно достраивать, кому какие кредиты и на каких условиях нужно дать, невольно вспоминается советская система. Она была комплексная, со всеми ее дефектами, и тем не менее она работала из года в год, планируя какие-то межхозяйственные, межотраслевые связи, но никогда не была идеальной. Потому что, даже планируя на уровне тысячи товарных позиций, вы понимаете, что в экономике число этих товарных позиций гораздо больше, и невозможно учесть все особенности экономической жизни, даже имея штат людей в десятки тысяч человек. А здесь выясняется, что людей, которые владеют прежними методами, уже нет, межотраслевого баланса нет, и правительство надеется, что его решения будут каким-то образом выполняться. Но еще более поразительно для меня то, что российский бизнес согласился с таким порядком работы, и вместо того, чтобы собраться с силами и противостоять кризису, российские бизнесмены выстроились в очередь в кабинеты Белого дома или Кремля, дабы донести до властей, как им плохо, как им тяжело, и что им обязательно нужно помочь.

Экономический кризис — это время платить за ошибки. Это время для правительства платить за свои ошибки, для бизнеса — платить за свои, и избежать этого невозможно. Если власти будут пытаться делать вид, что в стране все хорошо, если будут верить, что ручным управлением, принятием решения по каждой отдельной отрасли, банку, предприятию можно исправить ситуацию, то, мне кажется, цена, которую Россия будет платить за выход из кризиса, станет расти с каждым днем.

В отличие от кризиса 1998 года, нынешний кризис не будет иметь очевидного эпицентра. Кто помнит события 10-летней давности, знает, что там ситуация постепенно накалялась, и в августе — сентябре произошел взрыв, после чего в октябре экономика начала потихоньку дышать, и в ноябре уже продемонстрировала существенный рост. Нынешний кризис явно будет не таким сконцентрированным, и именно поэтому нельзя рассчитывать на то, что правительство, Центральный банк или президент примут одно единственное уникальное постановление, которое решит все проблемы, после чего экономика начнет расти. Россия в этом кризисе в очень сильной мере завязана на состояние мировой экономики, экономический спад в мире будет продолжительным (несколько кварталов), и к этому надо готовиться. И значение адекватности решений будет возрастать с каждым днем.

В России и, наверное, сейчас во всем мире очень большое значение имеет доверие к тем решениям, которые принимает власть. Если общество верит власти, то даже если она допускает ошибки, общество может за счет каких-то внутренних инстинктов, внутренних стимулов к развитию, внутренней логики принятия решений эти ошибки преодолеть. Ошибки могут не очень сильно повлиять на ситуацию, власть может вовремя увидеть, что решение было неправильным, и пересмотреть его. Например, в США был план Полсона, который предусматривал выделение 700 млрд долларов, которые пойдут на выкуп «плохих активов» у банков. Не прошло буквально и недели после принятия закона, как американский минфин, американская финансовая элита, лица, принимающие решения, осознали, что проблема не в том, чтобы выкупить «плохие активы», а в том, чтобы дать банкам свежий капитал. И сразу же были приняты поправки в этот закон, что еще можно покупать акции банков, то есть можно давать деньги, даже если у банка нет проблемных активов, чтобы он мог устоять. Это и называется «механизм обратных связей», механизм доверия.

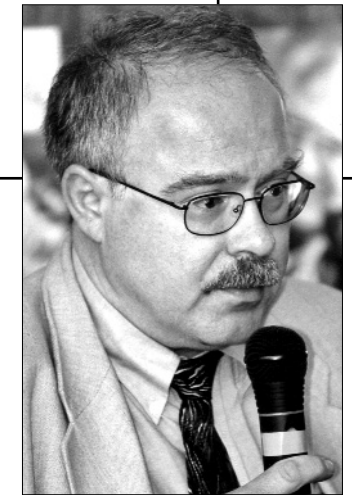
В России же сложилась иная ситуация, когда в течение нескольких лет с обществом не велся экономический диалог ни на какие темы. Гражданское общество было отодвинуто от обсуждения наших острейших проблем. А в экономике дискуссии велись так: смотрите, у нас все замечательно! Цена на нефть растет? Растет. Курс доллара стабильный? Стабильный. Рост экономики на 8% есть? Есть. Ну что вы к нам пристаёте с какими-то проблемами, отстаньте, мы все делаем правильно. Сегодня власти не получают информации от граждан, они не получают реакции от экономики, они не получают реакции от общества. А когда власть отстроила такую модель поведения, такую модель отношений с обществом, то ее представители в кризисной ситуации выходят на публику с совершенно непроницаемыми лицами и начинают произносить лозунги. Смотришь в телевизор и говоришь: не верю. Однако именно момент доверия важнее всего для минимизации цены, которую нужно будет заплатить за выход из кризиса.

Мировой кризис и мировой порядок

Во второй половине 2008 года произошло наложение двух кризисов. Кризиса локального, фактически российско-американского — в Грузии. И кризиса глобального, острая фаза которого началась в середине сентября после банкротства инвестиционного банка «Леман бразерс». В результате вероятность перерастания локального кризиса в масштабное столкновение РФ с США резко снизилась. Как повлияет мировой кризис на мировой порядок, сказать трудно. Ясно одно: мировой порядок претерпит существенные изменения.

Первая реакция на кризис была пугающей. Каждый пытался спастись сам по себе. Правительства ряда стран объявили о полной гарантии вкладов своих банков, тем самым грозя дестабилизировать международные финансы. В некоторых столицах поспешили все свалить на Соединенные Штаты Америки как на источник кризиса и в очередной раз провозгласить конец однополярного мира. Однополярный мир имеет замечательное свойство умирать очень много раз, у него, очевидно, есть несколько жизней. И каждая отпадающая черта этого мира принимается как его конец. Говорили о том, что наступает эпоха БРИК* и т.п.

Период судорожных попыток спастись в одиночку продолжался, к счастью, недолго. Уже через несколько дней было объявлено о встрече «финансовой семерки». Затем произошли встречи на уровне Европейского союза. И в масштабе всего Союза, и в масштабе еврозоны, и в масштабе лидеров еврозоны плюс Великобритания, которая в еврозону не входит. Прошел саммит ведущих европейских и азиатских стран в Пекине; центральные банки стран Организации экономического сотрудничества и развития стали проводить согласованную политику и в том, что касается учетных ставок, и в более широком плане. Китайское, индийское и целый ряд других прави-

*Дмитрий Тренин,
директор Московского
центра Карнеги*

* БРИК — аббревиатура названий четырех быстроразвивающихся стран: Бразилия, Россия, Индия, Китай. — Прим. изд.

тельств подключились к общей работе. Страны Персидского залива — Катар, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты — заявили о том, что они готовы предложить мировой финансовой системе свои суверенные фонды, которыми еще недавно пугали в Европе и Соединенных Штатах Америки как источником нежелательного и неприемлемого вмешательства в экономику либеральных стран. Сейчас эти фонды рассматриваются в качестве спасителей. И, наконец, по инициативе Франции и Соединенных Штатов Америки 15 ноября 2008 года в Вашингтоне собралась «двадцатка» лидеров ведущих мировых экономик для обсуждения проблем глобального экономического кризиса.

Эта поразительная согласованность в действиях появилась, конечно, не на пустом месте. За годы, которые прошли после окончания Второй мировой войны, после окончания холодной войны и после начала нового этапа в экономическом развитии Китая и Индии, произошло формирование единой капиталистической экономики, единого языка у тех, кто отвечает за экономическую политику этих стран, единой системы ценностей в том, что касается экономики. Так что сегодняшний кризис, хотя его и сравнивают с кризисом 1929–1933 годов, идет пока по совершенно другой траектории, если говорить о политиках национальных правительств.

Любой кризис — это, безусловно, суровая проверка каждой страны и каждого правительства, но и возможность для тех, кто сможет этот кризис преодолеть. Если пациент не умрет, то, как говорят, он непременно поправится. Я думаю, что в результате этого кризиса глобализация укрепитесь, мир, конечно, не рассыплется, автаркии не будет. Капитализм пройдет через очередную коррекцию при помощи государства, роль ко-

торого на этом этапе, безусловно, вырастет, баланс государственного контроля, частного предпринимательства и частной инициативы будет в очередной раз откорректирован, и государства, что очень важно, сделают реальный шаг на пути к созданию системы глобального управления.

То, что вымучивалось очень долго в бесконечных и тупиковых переговорах о реформе Организации Объединенных Наций, о трансформации других международных институтов — все это может быть существенно ускорено благодаря тому, что кризис не оставляет времени для умозрительных рассуждений, заставляет действовать. Опираясь на взаимодействие в области финансов, можно надеяться на то, что в будущем глобальное взаимодействие, глобальное управление может быть распространено и на другие сферы. На сферу торговли, на область изменения климата, что, на мой взгляд, является одной из важнейших проблем, перед которой стоит человечество. Более широкие проблемы окружающей среды, здравоохранения, демографии, миграции, а дальше по списку: трансграничная преступность, экстремизм, терроризм, распространение ядерного оружия и так далее.

Когда мы говорим о мировом порядке, необходимо уточнить, что мы имеем в виду. Идет ли речь о системе управления или лишь о «рассадке за столом»? Это интересный вопрос, над которым стоит рассуждать. Складывается впечатление, что разговоры о многополярности — это больше по части «рассадки». Разумеется, полицентричность — это черта современного мира. В дальнейшем она будет становиться еще более влиятельной, еще более определяющей тенденцией. Но навязчивое продвижение многополярности преследует цель скорее «спровадить» нынешнего

Гидо Гилен. Без названия. 1992

гегемона, низвести Соединенные Штаты до положения «рядовой великой державы». В качестве замены предлагается нечто вроде олигархата. Речь идет о конструкции, в центре которой будет пять-шесть центров силы. Это, может быть, решит проблемы этих пяти-шести центров, но не остальных примерно двухсот стран, которые как сейчас, так и в дальнейшем самостоятельной роли в мировых делах, как предполагается, играть не будут.

Тем не менее, если вернуться к идее мирового порядка как системы глобального управления, то здесь есть некоторая основа для того, чтобы быть оптимистом в условиях кризиса в том, что касается возможностей, способностей двигаться в этом направлении. Что требуется? Требуется общие или хотя бы

совместимые интересы и цели. В каком-то объеме они существуют уже сегодня. Необходимы, далее, некие базовые принципы, нормы, правила, которые разделяются широким кругом государств. С этим положение гораздо хуже. Но тем не менее есть возможность, немного расширяя согласие в тех областях, где оно есть, и распространяя его на другие области, двигаться и в этом направлении. Посмотрите, как действуют центральные банки столь различных между собой в политическом отношении стран, как Швейцария и Китай. А действуют они по основным вопросам в одном направлении. Это говорит о том, что некие нормы и правила разделяются в экономической сфере, хотя в политической сфере существуют серьезные отличия.

Претендентам на центральную роль требуется достаточная легитимность. Те примерно двести стран, которые не входят в высший эшелон мировых правителей, должны чувствовать, что система легитимна. Этого не просто достичь. Необходима, конечно, определенная сеть институтов. Вряд ли такая, какая видится сторонникам укрепления роли Организации Объединенных Наций, видящим ее в качестве «вершины пирамиды» глобального управления. Скорее речь пойдет о сетевой структуре с ведущей ролью тех институтов, где максимально достигнут уровень взаимодействия финансовых институтов. Любая система управления, конечно, может быть только несовершенной. Совершенного управления достичь не удастся. А попытка достичь такого совершенства может привести к неприемлемым издержкам. Очень важно обратить внимание на то, какие обязанности при этом накладываются на участников системы управления. Иногда возникает ощущение, что некоторые претенденты в «землеуправы» стремятся стать членами некоего всемирного политбюро: есть статус, очевидные преимущества, но ответственность в принципе отсутствует.

Если говорить об участниках системы глобального управления, которое действительно может принести какую-то пользу человечеству, то главное требование к этим участникам — способность производить международные общественные блага. То есть нужно, чтобы эти страны не только занимали какое-то положение, это не самое главное, а чтобы они были способны что-то генерировать. Давайте посмотрим, кто в этот кризис сумел что-то сделать. Мы видели активность Франции, Европейского союза, «Большой семерки», США. Мы, честно говоря, мало что

услышали от Китая. Он действовал правильно, но не играл и не пытался играть лидирующую роль. Мы мало что слышали от Индии: опять-таки индийцы действовали правильно, но не переступая национальных границ.

На мой взгляд, очень важная составляющая глобального управления в том, чтобы субъекты первого ряда были способны производить его в международном общественном плане. Не только для своей страны — это понятно, это обсуждается в другом контексте, но и для остального человечества. Необходимо определенное сознание того, что мы все являемся гражданами не только своих стран, но и членами глобального сообщества, и это сознание чрезвычайно важно для людей, которые принимают решения, особенно в тех странах, которые претендуют на выдающуюся роль в системе международных отношений. Речь идет о готовности и желании взять на себя повышенную долю ответственности. Именно ответственность отличает лидеров от тех, кто за ними следует. Причем ответственность, а не статус — это надо особо подчеркнуть. Речь идет также о способности к многосторонним действиям, потому что действия, значимые для глобального мира, могут сегодня реализовываться только на многосторонней основе. Многосторонность и многополярность — разные понятия. Односторонней может быть инициатива, но сами действия на глобальном уровне могут быть только многосторонними.

Со сказанным тесно связано понятие лидерства. Лидеры — не обязательно только богатые и сильные. Способность к лидерству, готовность вести за собой других, предлагать нечто, что важно не только для того, кто претендует на роль лидера. За ним идут не по обязанности и не по принуждению, а будучи убежденными в пользе конкретного выбора. Лидеры должны так-

же обладать способностью объединяться в инициативные группы и реализовывать то, что можно назвать коллективным лидерством.

В заключение необходимо отметить, что 21-й век отличается от 20-го по очень многим основаниям. Некоторые из них особенно важны в контексте мирового кризиса и под углом зрения мирового порядка.

Первое: способность к созиданию важнее способности к уничтожению. В России привыкли, говоря о важности страны в мире, подчеркивать факт обладания оружием огромной разрушительной силы. Факт присутствия, но он не делает Россию лидером и не сообщает ей привлекательности. Ядерное оружие есть уже у Пакистана и Северной Кореи, к нему приближается Иран. Для того, чтобы занимать лидерские позиции, необходимо создавать и предлагать ценности, которые нужны другим людям, которые могут сделать их жизнь лучше, а не прекратить их жизнь в случае какого-либо конфликта.

Второй момент. Процесс возрастания роли государства имеет свои ограничения. Важно, что государство уже не единственный значимый игрок. Реально формируется, особенно в период кризисов, глобальное общество, глобальная бизнес- и интеллектуальная среда. И в этой среде парадоксально, но огромным образом увеличивается значение отдельного человека, который в глобальном мире может сделать больше, чем в мире, поделенном на двести мало- или труднопреодолимых перегородок.

Третье соображение. Двадцатый век во многом был веком идеологии. Сейчас очень модно говорить о том, что место

идеологии заменил прагматизм. Однако создается, к сожалению, обоснованное впечатление, что этот прагматизм не вписан в систему ценностей. Вместо ценностей — рубли, доллары, евро и

Роль мирового лидера, каким США сегодня являются, подразумевает большую ответственность за систему в целом, а не за продвижение только своих национальных интересов

власть, которые они дают. Это опасно прежде всего для общества, которое принимает в качестве парадигмы абсолютную значимость прагматизма.

Четвертое. Мы очень много говорили в последнее время о национальном интересе, что, согласимся, важно, особенно в современной внешней политике. Однако современная внешняя политика должна выходить за пределы чисто национальных интересов. Прежде всего это касается ведущей страны мира — Соединенных Штатов Америки. Я бы американцев критиковал не за то, что они слишком много занимаются внешним миром, а за то, что они выступают преимущественно как национальное государство. На мой взгляд, роль мирового лидера, каким США сегодня являются, подразумевает большую ответственность за систему в целом, а не за продвижение только своих национальных интересов.

И, наконец, последнее. Двадцатый век в России был, по крайней мере на протяжении его большей части, веком элиты функционеров. К сожалению, ядро нынешней политической элиты страны и сегодня составляет элита функционеров. Я считаю, что в глобальном мире успешными могут быть только элита лидеров и отдельные лидеры внутри этой элиты.

Сергей Маркедонов,
заведующий отделом проблем
международных отношений
Института политического
и военного анализа

«Пятидневная война» на Кавказе: последствия реальные и мнимые*

Прежде всего отмечу, что моя позиция — не политическая, поскольку я не представляю ни федеральное правительство, ни администрацию президента, ни какую-либо партию. Я не горячий сторонник признания независимости двух республик — как, впрочем, и не горячий его противник. Скорее, мне удобнее представлять себя последователем того направления в теории международных отношений, которое называется «реализмом». Иными словами, я полагаю, что после 26 августа 2008 года спорить о том, правильным или неправильным было решение Президента РФ Медведева о признании независимости Абхазии и Южной Осетии, просто бесполезно. Оно стало политической реальностью.

До того как этот акт совершился, я неоднократно заявлял о том, что на формальное, юридическое признание нам идти не стоит, что с таким шагом не надо спешить, что он не будет иметь того значения, которое ему зачастую приписывают. Однако решение состоялось, и теперь ни один президент России его не отменит. Иначе говоря, после 26 августа оценивать эту проблему в терминах «за» или «против» неконструктивно и бессмысленно. Надо работать с теми реальностями, которые сложились в настоящий момент.

Итак, в чем значение этого решения? На мой взгляд, им действительно создан важный политический прецедент, потому что оно нарушило принципы так называемого беловежского национализма. Что такое беловежский национализм? Это признание межреспубликанских границ, созданных в эпоху Советского Союза, в качестве межгосударственных. Теперь у нас есть прецедент их пересмотра и изменения. То, что было сделано 26 августа, заставляет Россию пересматривать многие позиции — как на российском Северном Кавказе, так и во внешней политике страны. Время, когда сохранение *status quo* являлось вершиной стратегической мысли, ушло, может быть, не навсегда, но надолго.

* Публикуемый диалог двух наших экспертов состоялся на семинаре Московской школы политических исследований в Голицыно 5 ноября 2008 года.

На постсоветском пространстве появляется новый тип образований. До 2008 года мы имели дело с двумя их видами. Один представляли государства, признанные ООН, а второй — государства непризнанные, или, как их еще называли, самопровозглашенные. (Хотя, разумеется, такое наименование некорректно: ведь все государства когда-то сами себя провозгласили.) В этом ряду были Нагорный Карабах, Приднестровье, Южная Осетия, Абхазия. Но сейчас появился третий тип — частично признанные образования. Международная классификация ООН его не предусматривает, но не все политические феномены, существующие в современном мире, можно описывать с помощью классификаторов и определений Организации Объединенных Наций.

Так, к числу частично признанных относится, например, Сахарская Арабская Демократическая Республика: ее признали 49 членов ООН, хотя признания со стороны самой этой организации не имеется. Самый яркий пример — Косово, с 52 признаниями, но признания ООН тоже нет. Далее, стоит упомянуть Тайвань, у которого более 20 признаний. С этим образованием вообще интересная ситуация, потому что до 1971 года именно Тайвань, а не континентальный Китай, входил в ООН и даже имел право вето в Совете Безопасности. Далее, Турецкая Республика Северного Кипра, провозглашенная в 1983 году, признана Турцией и, частично, Азербайджаном (Нахичеванская автономия в составе Азербайджана ее признала, Баку — нет). Кроме того, Организация Исламская Конференция признала Турецкую Республику Северного Кипра в качестве наблюдателя. Так что Абхазия и Южная Осетия в данном отношении не одиноки: более того, они опираются на признание со стороны члена ядерного клуба — нашего государства, которое имеет постоянный статус в Совете Безопасности ООН с правом вето, позволяющим блокировать любое решение, в том числе и касающееся Абхазии или Южной Осетии.

Теперь поговорим о том, может ли эта ситуация стать прецедентом для всего постсоветского пространства. Действительно, в этой истории Россия пытается едва ли не полностью копировать косовский подход. Это началось еще 8 августа 2008 года, когда Россия оправдывала свои действия в Южной Осетии геноцидом, этническими чистками и прочими гуманитарными проблемами, а не расширением имперского пространства. Чуть позже, однако, выступая в Совете Федерации, министр иностранных дел Сергей Лавров высказался в том смысле, что мы не будем использовать этот казус в Приднестровье и в Нагорном Карабахе. Но проблема заключается в том, что возможны разные взгляды на то, что следует, а что нельзя считать прецедентом. Ведь невозможно запретить карабахским или приднестровским лидерам видеть прецедент там, где мы сами никакого прецедента не усматриваем!

Давайте, опираясь на факты, попробуем разобраться, насколько актуально вообще говорить о прецедентах на постсоветском пространстве и на Северном Кавказе в частности. Итак, первый момент. Говоря об Абхазии и Южной Осетии, которые были признаны Россией, надо понимать, что в этой истории было несколько измерений. Прежде всего, это российское измерение, которое, кстати, было далеко не однозначным. Вспомним 1994 год; Россия тогда начала блокаду Абхазии, причем фак-

тическую, а не формальную. В 1996 году Россия вместе с Грузией «продавливает» через Совет глав государств СНГ резолюцию с эклектичным названием «Против экстремизма, терроризма и сепаратизма», а в 1997 году Россия применяет свой миротворческий мандат, используя понятие «принуждение Абхазии к миру». То есть выражение это появилось не сейчас, а более десяти лет назад, причем применительно к абхазам. Кстати, кто первый начал говорить о необходимости интернационализировать миротворческий процесс в Абхазии? Сами абхазы — в 1997 году. И тогда же именно они предлагали разместить натовских миротворцев на реке Ингури. В то время реализовалась «политика Примакова» — он до сих пор в Абхазии очень непопулярен, — выражавшаяся в давлении на президента Ардзинбу для его принуждения к образованию общего с грузинами государства. Ардзинба с Примаковым даже вместе ездили в Тбилиси. Но затем была «малая Гальская» война 1998 года, когда Грузия, решив, что с Россией все улажено, решила активизировать деятельность таких подразделений, как «Белый легион» и «Лесные братья», которые укомплектовывались штатными сотрудниками грузинского МВД. Причем, не ограничившись выяснением отношений с абхазами, она начала выяснять отношения и с российскими миротворцами. Поворотный пункт — здесь. Именно в 1998 году Россия отвернулась от Грузии, а то, что произошло десять лет спустя, лишь следствие решений, принимавшихся в 1998–2008 годах.

Теперь второй момент — политика самой Грузии, которая, на мой взгляд, сделала все, чтобы Южная Осетия и Абхазия не стали частями этого государства. В данной связи вспоминается знаменитая Сорбонская лекция Эрнеста Ренана, посвященная нации, в которой он заявил, что нация есть постоянный плебисцит. Нация — не вечное явление, за нацию надо бороться. Она как минимум должна быть привлекательной. Но какая же привлекательность, если в 1998 году — «малая Гальская» война, в 2001-м — боевики Гелаева, в 2004-м — «малая осетинская» война, ныне почти забытая. Между прочим, тогда все происходило тоже в августе — роковом месяце. Взятие грузинами осетинского села Клеокана, раздача высших грузинских орденов под софиты журналистов и так далее и тому подобное. Так что у всей этой истории как минимум две стороны. Россия, конечно, далеко не безгрешна, и я далек от того, чтобы заниматься адвокатской деятельностью в пользу господ Медведева и Путина. Но главная проблема здесь — это проблема самого грузинского государства, которое так и не переосмыслило политику Гамсахурдиа. Пытаясь преодолеть свои затруднения силой, оно вначале опиралось на Россию и российских миротворцев, а когда это стало неэффективно, призвало на помощь натовцев. В 1998 году министром обороны Грузии впервые стал человек с американским дипломом; а затем последовало заявление Шеварднадзе о том, что Грузия просится в НАТО. Но я, честно говоря, не вижу в таком вступлении особого смысла, поскольку с помощью НАТО главную грузинскую проблему решить нельзя. Ни НАТО, ни Россия не вернут Абхазию и Южную Осетию. И, разумеется, воевать с Россией по этому поводу НАТО никогда не станет.

Что касается других государств СНГ, то им угрожают не чужие прецеденты, а собственные неурядицы. Примерно месяц назад известный ук-

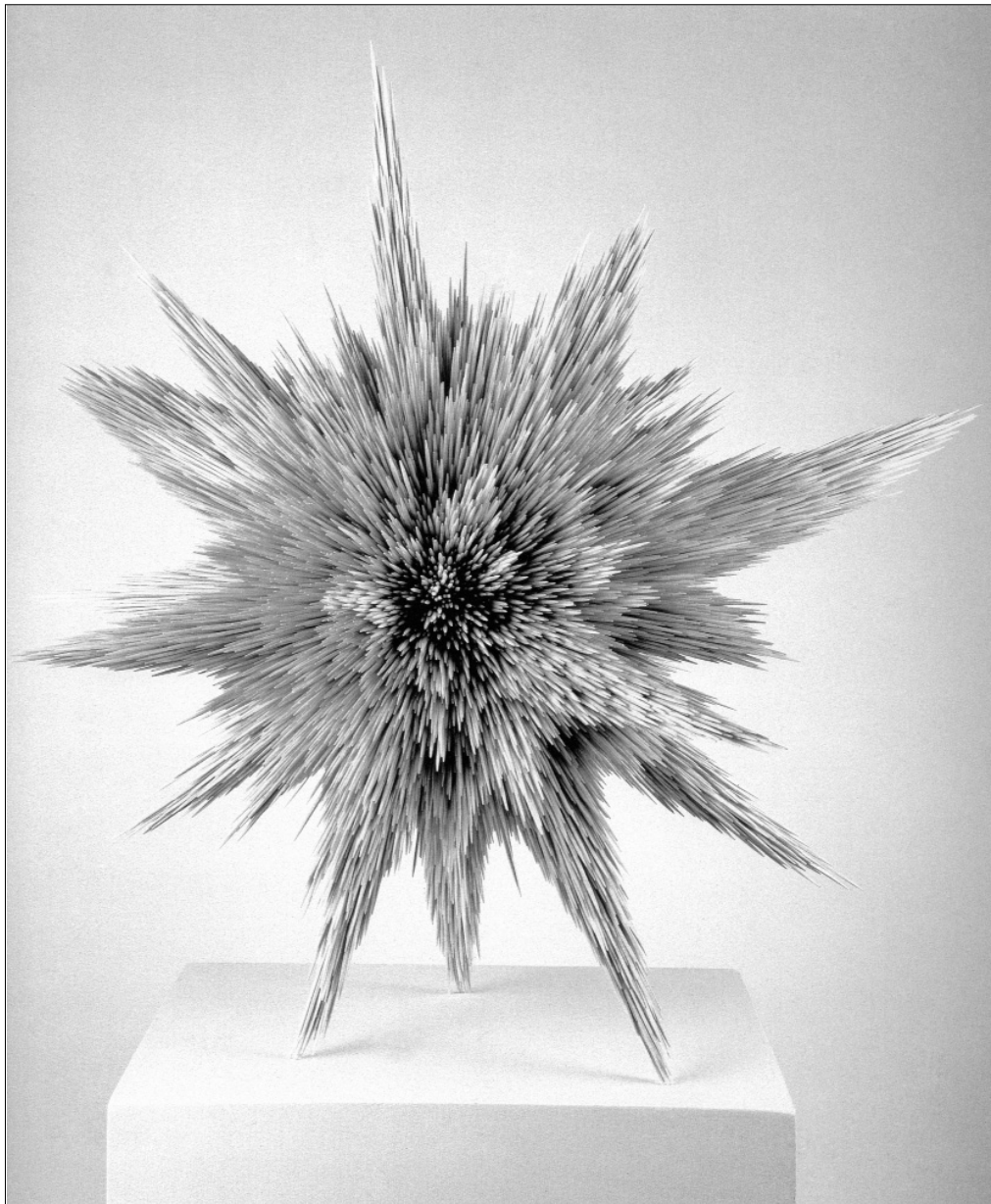
раинский эксперт задал мне вопрос: начнет ли Россия нас разваливать, если мы вступим в НАТО? Но, во-первых, так спрашивать некорректно: сначала вступите, потом поглядим. Надо еще пройти их сито, в котором Россия уж точно никакого влияния не имеет. Второй момент: что вы за государство такое, если мы вас можем развалить? Это напоминает логику наших коммунистических маразматиков, которые по-прежнему твердят, что Советский Союз развалили три человека в Вискулях — собрались, мол, и на троих развалили государство. Ничего себе государство, от одной попойки рухнуло!

По-моему, такое невозможно в принципе. Поэтому, говорю я своему собеседнику, спросите лучше президента Ющенко, действительно ли он, как советует ему окружение, намеревается ликвидировать автономию Крыма? Сделайте это — и все, никакой России не потребуется, Украина сама рухнет.

Тут просматривается общая для всех стран СНГ проблема. Ведь все бывшие советские республики — искусственные образования. Они появились на свет не в результате органического развития, но благодаря инженерии товарища Сталина. Например, решил вожь в 1931 году Абхазию сделать частью Грузии — и сделал. Карабахский вопрос он решил таким же образом. Или, скажем, с 1940 по 1956 год существовала Карело-Финская республика; а представьте, дожила бы она до 1991 года, и сейчас на карте мира было бы два финских государства. Я намекаю на то, что лидерам постсоветских образований просто необходимо наполнять реальным содержанием те формальные оболочки, которые достались им в наследство от СССР. Этноцентричный подход — «Грузия для грузин», «Украина для украинцев», «Азербайджан для азербайджанцев», «Россия для русских» — здесь не годится. Требуются другие механизмы. Россию порой упрекают за то, что в 1990-е годы она наделила широчайшими полномочиями Татарстан или Башкирию. Да, лично мне это очень не нравится, но такова была наша цена за сохранение страны в нынешних границах.

Было бы хорошо, если бы это понимали все наши соседи, но таковых, к сожалению, немного. Вот казахстанское руководство, например, не строит «Казахстан для казахов»: Назарбаев никогда не говорит: «мы — казахи», но «мы — казахстанцы». Все официальные рассуждения вдохновляются одним и тем же мотивом: у нас есть казахи, русские, татары, чеченцы, украинцы, но мы строим Казахстанское государство, гражданскую модель нации. Там, где это понимают, конфликты, подобные грузинским, невозможны. Сара Пейлин, например, с трудом отыскивая на карте территорию Украины, недавно рассказывала нам, как мы будем в Крыму воевать. Нет, не будем; потому что задача интеграции Крыма Киевом уже решена. Ведь никто не отменял пока Крымскую автономию — она существует с самого начала украинской государствен-

Спорить о том, правильным или неправильным было решение о признании независимости Абхазии и Южной Осетии, просто бесполезно. Оно стало политической реальностью

Том Фридман. Без названия. 1995

ности. Именно поэтому, кстати, в Крыму 54,6 процента избирателей в 1991 году голосовали за «незалежну Украину». Я не говорю про Донбасс, где в Донецкой области 74 процента, а в Луганской области 83,6 процента сделали тогда аналогичный выбор. Тут просто действует другая модель, потому что в преамбуле к украинской конституции написано, что суверенным является украинский народ — граждане Украины. И поэтому там не будет того, что в Грузии, как и в Казахстане не будет того, что в Грузии. И дело отнюдь не в российском признании Абхазии

и Южной Осетии; проблема, повторяю, не в России, а в самих государствах СНГ. Выдвигаемые ими проекты строительства новых наций слишком часто противоречат реальности.

Наконец, последняя тема, связанная с нашим Северным Кавказом, самая острая, самая актуальная. Насколько вероятно то, что от нас отпадет когда-нибудь Дагестан или, скажем, Ингушетия? Порой звучат весьма эмоциональные заявления на эту тему, как было после недавней трагической гибели Магомеда Евлоева. Но вот что важно иметь в виду, размышляя на эти темы. Прежде всего, в Ингушетии нет сепаратистских структур — таких, какие были в начале 1990-х годов в Чечне. Нынешний проект ингушской оппозиции — сетевой проект, к кавказскому традиционализму никакого отношения не имеющий. Сепаратизм — это идеология и структура, но в Ингушетии сегодня нет ни того, ни другого. Если же говорить вообще об этническом национализме на Кавказе, то сейчас он переживает очевидный спад. И дело здесь не в «сильном» Путине и «слабом» Ельцине. Этнический национализм действительно находился на подъеме в 1990-е годы, когда религиозная идентичность была на втором плане. Советский Союз был атеистическим государством, религию подавлял всячески, а этничность, напротив, поощрял. Более того, именно этническая политика выступала основой, фундаментом национальной политики в советские времена. Заметьте, не права человека, а коллективные права этнических общностей были главными. Социалистические нации представляли главными субъектами советского политического процесса. Поэтому, когда рухнула советская идентичность, все бросились в этническое возрождение. После этого и началось все самое интересное.

Во-первых, на Кавказе этничность всегда провоцирует конфликт. Таких конфликтов было много; это не только осетино-ингушский или чеченский конфликт, но и многочисленные латентные конфликты, например попытки разделить Кабардино-Балкарию, имевшие место до 1996 года, а также Карачаево-Черкесию — до 1999 года. Много латентных конфликтов в Дагестане: один Ауховский район чего стоит, целый узел конфликтов: чеченцы, акинцы, аварцы, лакцы, кумыки. Три-четыре латентных конфликта вокруг одной территориальной проблемы. Во-вторых, многие лидеры этнических движений в начале 1990-х во власть пришли — и приватизировали ее, как и собственность, а народ, от имени которого они выступали, оставили в роли митинговой пехоты. Это, конечно, не укрепило репутацию националистов. Третий момент — это, разумеется, урок Чечни. И значение его не только в том, что Россия ввела туда войска и показала всему Кавказу, что готова ради сохранения своих границ на многое; проблема еще и в отсутствии состоятельности в самой Ичкерии. Это было неэффективное государство, которое не смогло обеспечить ни минимальный социальный уровень, ни минимальный уровень стабильности, ни карьерные возможности для тех людей, которые поддерживали этот «проект». Про безопасность для соседей я вообще не говорю: у них даже с ингушами были серьезные проблемы, не говоря уже о Дагестане или Ставропольском крае. Поэтому многие представители этнических движений начали го-

ворить так: да, Москва, может, и зло, но меньшее в сравнении с Чеченской республикой Ичкерия.

Наконец, о последней причине современного спада этнического национализма. Она связана с эволюцией ислама. За постсоветские годы на Кавказе появились люди, которые узнали, что такое реальный ислам. Не по картинкам, не по рассказам мулл, которым зарплату платила советская власть, а из личного опыта — посетив исламские учебные заведения за рубежом. Ислам есть глобальная религия, которая в тех или иных региональных условиях испытывает определенные трансформации. В данном случае речь идет о конфликте между региональной версией ислама и его «оригинальной», «аутентичной» версией. Это объективные обстоятельства, не зависящие ни от Зязикова, ни от Путина. Все это способствовало тому, что дискурс национализма стал уступать с конца 1990-х годов дискурсу радикального ислама, который вышел на первый план. Почему? Потому, что, во-первых, он был межэтническим. Далее, ему удалось взять на вооружение лозунги социальной справедливости, поскольку на этом поле после коммунистов никто не играл. Неэффективное и приватизированное государство вызывало естественное отторжение у населения, и поскольку никакой альтернативы не просматривалось, люди стали искать альтернативу в исламском порядке. Наконец, ислам многим представлялся как третий путь. Провалился коммунизм, провалилась демократия — давайте поищем третий путь в исламе. Сегодня радикальные исламисты не ставят перед собой территориальных задач. Более того, само это движение настолько разнородно, что там можно найти людей, которых вполне способны, несмотря на их исламистскую риторику, нормально интегрироваться и считаться нормальными гражданами Российской Федерации. Да, они хотят расширения религиозной свободы, но ведь это не сепаратизм.

Конечно, пойдя на признание Абхазии и Южной Осетии, Москва рискнула очень серьезно. Но поймите правильно: признание было сделано в определенных исторических условиях, и этот исторический контекст нельзя игнорировать. Мы рассуждаем об этом решении абстрактно, а надо бы с позиции историзма на эти вещи смотреть. Много лет Москва отменяла все референдумы, которые состоялись в Абхазии и Южной Осетии, все обращения, которые там принимались. Почему? Потому что пока существовал *status quo*, даже порой нарушаемый, оставалась какая-то надежда решить вопрос мирным путем. Но как только *status quo* в 2008 году рухнул окончательно, а старые соглашения перестали работать, встал вопрос о сохранении российского присутствия, российского влияния в этих точках. Ибо их сдача привела бы к серьезным конфликтам на всем Северном Кавказе. Когда нам говорят, что признание спровоцирует волну сепаратизма, я могу поставить вопрос по-другому: отказ от поддержки, даже без формального признания Абхазии и Южной Осетии, мог бы создать опасную ситуацию на нашем Северном Кавказе. Осетино-грузинский конфликт очень тесно связан с осетино-ингушским конфликтом. А ситуация в Абхазии связана с положением в адыгоязычных субъектах России. Ведь у нас в Кабардино-Балкарии и в Краснодарском крае проживают шапсуги. Даже предста-

вить страшно, что произойдет, если Россия просто сдаст эти позиции. Другой вопрос, что между сдачей и признанием есть все же определенная дистанция. Можно было не сдавать, но и не признавать формально и юридически. Хотя, еще раз повторюсь, сегодня такова политическая реальность, с которой остается только считаться.

Андрей Захаров,

редактор журнала «Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре»

С тем, что было высказано Сергеем Маркедоновым, я готов согласиться процентов на девяносто. Но есть десять процентов, с которыми, на мой взгляд, категорически согласиться нельзя. Попытаюсь систематизировать по пунктам. Во-первых, я надеялся, что от признанного эксперта в кавказских делах удастся все-таки услышать, какие конкретно плюсы Россия приобрела в связи с признанием двух отпавших от Грузии фрагментов ее территории. Но я не услышал, к сожалению, внятных аргументов на этот счет. Вместе этого прозвучали идеи, которые, по меньшей мере, спорны. Самое фундаментальное сомнение вызывает базовый тезис: «Это политическая реальность, и поэтому спорить с новым положением вещей не стоит». Если вдуматься, это опасная по своим последствиям формула, ибо с ее помощью можно оправдать все что угодно. Гитлер, например, широко ею пользовался, раз за разом нарушая перед Второй мировой войной Версальские соглашения. И всякий раз, желая избежать лобового столкновения с агрессором, демократические страны Европы говорили себе: «Что ж, такова новая реальность — мы не будем с ней спорить». Иными словами, маркировка того или иного явления этикеткой «политическая реальность» отнюдь не означает, что о нем нельзя размышлять.

Не спорю, в августе 2008 года мы попытались действовать сами, ни на кого не оглядываясь, — мой уважаемый оппонент прав в этом. Но, принимая аргумент, хочется видеть его последствия. Я хочу доказать то, что мне, как гражданину государства, этот акт признания принес пользу. Увы, минусы, по-моему, более очевидны и более ощутимы. Давайте воспользуемся советом Сергея Маркедонова и попытаемся вписать новую ситуацию в исторический контекст. Так вот, в настоящее время этот контекст определяется всемирной экономической неразберихой. Зададимся элементарным вопросом: признав независимость двух чужих территорий, мы помогли себе в том глубочайшем экономическом кризисе, в который на глазах погружается Россия? Или мы усугубили его тяготы? На мой взгляд, ответ очевиден.

Впрочем, поразмышляю еще немного о пользе «самостоятельного действия» в политике. В своих мемуарах президент Клинтон пытается разобраться в вопросе, почему он так поступил со знаменитой теперь на весь мир девушкой Моникой Левински. Ситуация была достаточно тривиальной: можно было поступить так, а можно — иначе. Но что говорит американский политик? Не ручаюсь за дословность, но что-то вроде следующего: «Я мог это сделать — и поэтому я это сделал». Последствия сделанного им тогда выбора, однако, показали: не все то, что

мы *можем* делать, мы *должны* делать. В мире политики эта максима действует так же твердо, как и в сфере обыденной морали. Безусловно, российская армия без особого напряжения могла победить противостоящие ей грузинские войска. Но вот стоило ли связываться?

В этой истории, кстати, часто повторяется одна и та же подмена. Одна сторона проблемы — это безобразная политика грузинского руководства по отношению к национальным меньшинствам на собственной территории. Мой оппонент вообще видит в этом суть: корень зла, с его точки зрения, в самом грузинском государстве. Но вот для меня это отнюдь не главная проблема; по большому счету, мне абсолютно все равно, каково грузинское государство, потому что я являюсь гражданином государства российского. А вообще все эти разговоры о дефектах и немогши грузинской государственности преследуют, по-моему, лишь одну цель: они уводят нас в дебри рассуждений о том, адекватно или не совсем адекватно Россия применила силу. По-моему, этот аспект темы не особенно интересен. Давайте лучше, уж если на то пошло, как и было рекомендовано, попытаемся вписать это темное дело в исторический контекст. Может быть, Россия не могла предотвратить это кровопролитие? У нас не было действенных политических рычагов для решения этой задачи? Или мы не знали, что там готовится? Если бы не человеческие жизни, я сказал бы, что это просто смешно. Не заканчиваю свою мысль: она, как представляется, вполне понятна.

В чем же тогда дело? Не исключено, что сработала логика Клинтона: разница в потенциалах двух армий была такой, что исход лобового столкновения был предрешен заранее. И в этой связи не могу не вспомнить Василия Ключевского, моего любимого историка, который, описывая одну из блистательных побед российского флота над турками, с чувством восклицает: слава Богу, хоть нашелся во всей Европе флот, который оказался хуже русского! (Мы, кстати, и сегодня расцениваем ту баталию как победу великую.) Иными словами, очень важно умело выбрать противника: тогда победа покажется особенно приятной. Хотя, повторюсь: все эти аспекты в данном случае не должны нас интересовать, потому что независимость Абхазии и Южной Осетии — это не военный вопрос.

Поскольку Сергей Маркедонов ничего не сказал о приобретениях России в результате недавней «пятидневной войны», мне придется гипотетически выстроить их самому. По всей видимости, следует предположить, что Россия каким-то образом упрочила свое положение в мире. Хорошо, допустим, это так. Но какую цену мы за это платим? Она очевидна: это обострение ставшего при Путине хроническим противостояния с ведущими игроками мировой политики. Поставим следующий вопрос: а доступна ли нам роскошь конфронтации со всем миром? У России сегодня — три с небольшим процента общемирового ВВП. Согласитесь, цифра вполне обязывающая. Нет, я отнюдь не возражаю, у нас должна быть собственная, суверенная международная линия — но давайте же, в конце концов, соизмерять ее со своими возможностями! Ведь мир сейчас входит в интересную эпоху, XXI век станет конфликтным, не случайно известный американский социолог Даниел Белл называет нынешнюю эпоху «эпохой разобщенности». Эта разобщенность

будет определяться наличием нескольких центров силы, причем, по моему мнению, мы на такой статус претендовать едва ли сможем, несмотря на всю нефть и весь газ. Между тем международный порядок, сложившийся после 1945 года, ныне подвергается атакам с самых разных сторон, причем с одинаковым рвением эту сбалансированную систему подтачивают как недоброжелатели российские, так и сама Российская Федерация — в частности, решениями типа тех, которые недавно были приняты по Абхазии и Южной Осетии. Это означает, что понятие государственного суверенитета в мире девальвируется. Но попрание принципа суверенности крайне опасно, ибо мы почему-то считаем себя гарантированными от подобных неприятностей, но это, по меньшей мере, смелое предположение. Хотелось бы, чтобы наше начальство более четко представляло последствия собственных действий — но пока этого явно нет.

Почему я вспомнил о разобщенности? Убежден, что, имея под боком такого контрагента, как Китай, Россия обязательно должна подходить к такому соседству в высшей степени серьезно. И нам, рано или поздно, придется выбирать, кого мы будем поддерживать в грядущем мировом противоборстве — не обязательно, кстати, «горячем» — всей нашей мощью, всеми нашими тремя процентами общемирового ВВП. Вариантов выбора не так много. Но если мы и впредь собираемся действовать как вчера на Кавказе, то список наших друзей можно считать определившимся уже сегодня. Лично я весьма ценю венесуэльского друга и товарища, я очень люблю великого корейского руководителя, к иранскому президенту у меня определенное чувство — но мне хотелось бы, чтобы мы не ограничивали диапазон своей дружбы только этими персонажами. Таково мое настроение, если хотите, как гражданина. Я ощущаю себя в первую очередь европейцем, и мне хотелось бы, чтобы мы определились наконец с ценностями, которые собираемся реализовать в своей внешнеполитической жизни. Решение по Абхазии и Южной Осетии вбило достаточно серьезный клин во взаимоотношения России с Европейским союзом. Между тем нам с европейцами надо бы дружить: мы ведь все-таки являемся европейским государством. И, пожалуй, не говорите мне ничего о евразийской сущности России, слышать это не могу и с удовольствием поясню, почему. Прежде всего потому, что с помощью этой замечательной формулы оправдывается совершенно искаженная, противоестественная, безнадежно устаревшая система политического правления.

Ибо, как только вы соглашаетесь на «евразийство», вам обязательно на нагрузку дадут царя-батюшку, в каком обличье и под какой этикеткой — неважно, поскольку особый путь это еще и «особая», «самобытная» «суверенная» система управления обществом. Как мне представляется, в современном мире всякий особый путь — это путь на задворки. Мало того, что мы и без того отстали сильно, если не навсегда, мало того, что мы

*Маркировка того или иного явления
этикеткой «политическая реальность»
отнюдь не означает, что о нем нельзя
размышлять*

Маурицио Каттелан. Без названия. 1998

за последние десять лет так и не предприняли необходимых шагов по реформированию общества, так ведь мы еще продолжаем упорствовать в своей «особости» и настаивать на ней! Мне кажется, мы просто загоняем себя в ловушку. По-детски воспринимаемая «самостоятельность» хороша не ради самой себя, а когда она способна приносить обществу ощутимые выгоды. А где они, эти выгоды?

Понимаю, что, говоря все это, достаточно серьезно рискую, потому что всегда найдутся люди, которые справедливо укажут мне на ужасы войны в Цхинвали и на то, что там погибали невинные. Я знаю об этом; и мое возмущение позволяет мне ответить своему гипотетическому оппоненту заранее. Действия президента Саакашвили в этой ситуации были, разумеется, неприемлемыми: политики XXI века не должны так работать. Но констатация данного факта, какой бы справедливой она ни была, представляет совершенно иную тему. Это другой вопрос. Господь будет разбираться с этим политическим руководителем и с теми, кто исполнял подобного рода решения, так бывает всегда, рано или поздно. Но, повторяю, в данном случае меня интересует не эта наиважнейшая сторона проблемы, а те конкретные и осязаемые выгоды (или потери), которыми обернулись для России итоги «пятидневной войны».

Подведу краткий итог.

Первое: хотелось бы, чтобы мы обсуждали реальные выгоды России в этой связи. Тезис, согласно которому впервые за многие годы мы поступили самостоятельно, и уже само это нас оправдывает, напоминает разговоры о том, что страна, у которой большое население и большая территория, имеет право ощущать себя великой державой и вести себя соответствующим образом. Но этого недостаточно.

Второе: трудно согласиться с тем, что если имеет место некая политическая реальность, то с нею невозможно спорить. Мы никогда не станем активными творцами политики, если будем себя вести таким образом.

Третье: тезис о том, что если мы можем что-то сделать — а признать независимость мятежных территорий Грузии мы вполне могли, — то обязательно надо реализовать этот потенциал, не выдерживает критики.

Четвертое: история с признанием — следствие проблем не только грузинского, но и российского государства. Именно поэтому мы так и не услышали внятных тезисов в защиту политической реальности, в которой внезапно оказались в августе 2008 года. И это претензия не к Сергею Маркедону; это претензия ко всем тем, кто говорит, что Россия приняла единственно возможное решение и уже поэтому оно является глубоко верным. На этом я передаю слово своему уважаемому оппоненту.

Сергей Маркедон:

Мне, честно говоря, не понятно, зачем мы пытаемся с помощью рыночных категорий измерить решения по Абхазии и Южной Осетии. Пора понять, что есть определенные категории, которые рыночной цены не имеют. Скажите, когда Турция признавала Турецкую Республику Северного Кипра, какие дивиденды она получила? Разрушенный остров и разрушенную экономику. А когда Европа признавала Косово, что приобрела она? И там я особой выгоды не вижу, как не вижу выгоды и от многих других вещей, которые тем не менее делаются. Нель-

зя же все измерять экономикой! А то получится, что и в 1941 году было бы лучше сдаться.

Теперь по поводу России и Евросоюза, о том, что мы должны себя чувствовать европейцами. Должен сказать, что я вполне чувствую себя европейцем. Вопрос, однако, в том, готовы ли сами европейцы считать Россию европейской страной. Готовы ли они выстраивать равноправное партнерство или хотят только учить нас жить? Если мы занимаемся серьезными проблемами, давайте обсуждать их в политическом ключе, исходя из того, что у каждой страны есть собственные, жизненно важные интересы. И тогда Real Politik извольте на стол класть и не кривить нос, ведь это реальность. А вот если мы обсуждаем правозащитные темы, давайте тогда уберем все национальные интересы, и будем говорить просто о человеке. Но смешивать два этих дискурса нельзя!

Теперь несколько слов о нерушимости суверенитета. Взгляните на балканский конфликт. В 1991 году от Югославии отделяются Хорватия и Словения: право сепарации торжествует, а принцип территориальной целостности отброшен. 1995 год, Дейтонские соглашения: да здравствует территориальная целостность Боснии и Герцеговины! Там же, кстати, фиксируется, что никакого раздела Косово не будет. А потом ситуация меняется. Это игра, в которую играют все. И не надо говорить о международном праве: сегодня нет международного права, умерло оно, трагически и в конвульсиях. С 1989 года, с объединения Германии, с распада Советского Союза и Югославии оно стало умирать. Последний гвоздь в этот гроб был забит в Южной Осетии. Забивали все — и мы, и американцы. А теперь его просто нет, нет легитимной системы, разделяемой всеми.

И последний пункт, самый важный. Андрей Захаров спрашивает: что же все-таки приобрела Россия и что она потеряла? В денежном эквиваленте ничего. Больше скажу: приобрела новые проблемы. Потому что гарантии безопасности в Абхазии и Южной Осетии надо будет обеспечивать, нужно будет найти оптимум вмешательства и невмешательства, чтобы не получилось потом, как в Восточной Европе: в 1945 кидали цветы, а в 1968 — бутылки с зажигательной смесью. Итак, что же приобрела Россия? Она показала свою силу — прежде всего Северному Кавказу. Показать слабость в этом регионе — значит признать собственную политическую смерть. Не может теперь Россия сказать: «Мы передумали — извините!» На Северном Кавказе тогда восторжествует нестабильность, а ведь ни одна внешнеполитическая проблема России не имеет такой привязки к внутренней безопасности, как Южный Кавказ. Ни Прибалтика, ни Украина, никакой другой регион так не влияет на нашу внутреннюю безопасность, как этот.

Теперь последний тезис — насчет Европы. Скажите, когда Николя Саркози приехал и подписал шесть пунктов, в которых значилось обсуждение международного статуса Абхазии и Южной Осетии — не означало ли это косвенного признания Абхазии и Южной Осетии? Притом не каким-то европейским заштатным политиком, а президентом страны, которая председательствует в Европейском союзе. А когда Саркози, выступая в Европейском парламенте, заявляет, что Россия вела себя непропорционально, но ей было на что реагировать? А когда Ангела Меркель использует термин *core Georgia*, имея в виду корневую Грузию, не

означает ли это, что есть еще и некорневая Грузия? В Косово, напомним, тоже начиналось с малого. Поэтому упираться на то, что у нас всего три процента общемирового ВВП, как это делает мой уважаемый оппонент, не стоит; давайте еще к этим процентам добавим членство в ядерном клубе, значительный пакет политических акций в Афганистане, влияние в Иране, вклад в борьбу с глобальным терроризмом и так далее. Вот вам хороший довесок к трем процентам. Поэтому считаться будут, и Европа будет считаться с реальностями, я в этом убежден, потому что для нее гораздо важнее сотрудничество с большой и мощной Россией, чем с маленькой Грузией, которая за чужой счет пытается решать собственные проблемы.

Андрей Захаров:

Напоследок — тоже несколько методологических наблюдений, совсем кратких. Во-первых, я согласен с диагнозом моего уважаемого оппонента: международное право если еще и не умерло, то вот-вот умрет. Но главный вопрос для меня в том, как на это реагировать. Можно ему, международному праву, помочь — вбить в крышку последний гвоздь. А можно занять другую позицию: пытаться всеми силами держаться за его остатки, ибо международное право знаменует остатки цивилизованности во взаимоотношениях между государствами. Сергей Маркедонов говорит о том, что нельзя смешивать между собой дипломатию и гуманитарные вопросы. Я боюсь, что это предложение просто нереализуемо. Конец XX века явил факты чудовищного геноцида в целом ряде государств, и когда международное сообщество пыталось воздерживаться от вмешательства, дело неизменно кончалось большой кровью. Поэтому смешивать придется. Если где-то в массовом порядке попираются права человека, международное вмешательство следует признать не только оправданным, но и необходимым. А без этого просто беда.

И еще одно замечание. Мне думается, что наш правящий класс немножко отравился Америкой. Мы постоянно смотрим на нее: это наше второе я, своеобразное *alter ego*. Оно, с одной стороны, нам категорически не нравится; но, с другой стороны, очень хотелось бы походить на него. России очень хочется чувствовать себя Америкой: быть такой же сильной, такой же безнаказанной, такой же свободной в своих поступках. И мы в последнее время часто пытаемся это делать, забывая о том, что для того, чтобы быть Америкой, одного желания недостаточно. Я убежден категорически, что бремя великой державы для России сегодня непомерно, несмотря на ядерный клуб и иранского президента в числе наших друзей. Если мы взвалим его на себя, то обязательно надорвемся. Но что же взамен? Ответ очевиден. Нужна всесторонняя модернизация страны, начиная с экономики и заканчивая властной системой. Мы должны стать, наконец, обществом, которое превращается из современного в постсовременное. Если мы не сумеем совершить такой переход — а он возможен только в том случае, если мы станем более чуткими к опыту, который наработан другими, — то отстанем навсегда, и будем уныло брести по своему «третьему пути» с вполне предсказуемым грустным результатом в конце.

24 октября прошлого года в Москве по инициативе Международного историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал», Института национального проекта «Общественный договор» и Фонда «Информатика для демократии» состоялись третьи Ходорковские чтения «Российские альтернативы». Ниже публикуются с небольшими сокращениями несколько выступлений участников чтений, выступавших на сессии «2003–2008. Результаты, издержки, упущенные возможности».

«Альтернатива – это то, что создается целенаправленной работой в обществе»

Татьяна Ворожейкина, независимый исследователь

Вопрос об издержках и упущенных возможностях я хотела бы связать с процессами институциональной инволюции, которые, на мой взгляд, начались в России до 2003 года, когда они консолидировались и окончательно оформились в законченную систему.

Результатом этих процессов стало формирование конструкции государства с тремя важнейшими, на мой взгляд, характеристиками. Первая — непубличный характер государственной власти. Если постулировать это более жестко, то, на мой взгляд, государство как система публичных институтов в России отсутствует. На ее месте — система, по сути, *частной* власти. С этим связана вторая характеристика — единство власти и собственности, традиционное для России при всех режимах. Но в путинскую эпоху оно было доведено до максимума. По сути дела, важнейшие административные рычаги и наиболее прибыльные экономические активы принадлежат одной очень узкой группе людей. Третья характеристика — все уменьшающаяся и сокращающаяся обратная связь между государством и обществом. Или, если угодно, *населением*, поскольку наличие общества в России все время ставится под вопрос.

Отсюда, если говорить о власти, ее постоянные фантомные фобии. Например, страх «оранжевой революции» в России. С другой стороны, пропаганда и насилие, точнее, пропаганда, опирающаяся на избирательное использование

насилия как единственно доступное средство управления обществом. Ликвидировав институты и выстроив вертикаль исполнительной власти, государственная власть лишила себя каких-либо каналов эффективного управления. Остались только фобии и насилие.

Если говорить об устойчивости или неустойчивости этой политической системы, то, на мой взгляд, она становится все более слабой и неустойчивой уже в краткосрочной перспективе. Финансовый и следующий за ним экономический кризис делает особенно очевидным важнейший изъян системы — тотальное отсутствие доверия.

Такая траектория политического развития может вести к разным последствиям. Одно из них — следование наезженной исторической колее: государство и в спокойных, и в кризисных условиях присваивает все больше прав и обязательств, все больше становится единственной силой, удерживающей общество от распада и хаоса. Затем, когда становится ясно, что все обязательства невозможно выполнить, наступает крах государства, а после краха — возрождение того же типа взаимоотношений рыхлого, неструктурированного общества и всеобъемлющего и все подавляющего государства. Мы это проходили неоднократно. В XX веке дважды: в циклах 1905–1921 и 1987–1993 годов.

Как можно выйти из этой колеи? И можно ли вообще? Мне кажется, что важнейшим для того, чтобы наконец сойти с

траектории предшествующего развития, является возникновение (создание) субъекта исторического действия. Здесь я хочу вернуться к проблеме издержек и упущенных возможностей, но не по отношению к власти, а под углом зрения того, были ли возможности для возникновения такого субъекта? И если были, то какие?

С моей точки зрения, главные проблемы, обуславливающие слабость демократического процесса в России, слабость субъекта, способного обеспечить выход за пределы постоянного воспроизведения одного и того же, связаны *не* с действиями власти и *не* с состоянием умов большинства народа. Или, точнее, не только с ними. Важнейшей проблемой является отсутствие сколько-нибудь устойчивых демократических тенденций и традиций в образованной части общества (в бывшей интеллигенции). При этом *либеральные* экономические взгляды, которые достаточно широко распространены, ни в коей мере не заменяют *демократических*. Российские либералы обычно всегда готовы впасть в иллюзию относительно намерений власти.

Хочу процитировать одного очень уважаемого мной человека, который в одном интервью сказал: «Весной мы надеялись, что переходим на новый этап. Мы надеялись на нечто, типа “перехода к демократии”». Мой вопрос: какие были основания для таких надежд весной? После восьми лет однозначного расширения авторитаризма, после истории с назначением «преемника» ничего, кроме необоснованных иллюзий, не могло лежать в основании подобных надежд. Автор цитаты и некоторые другие «полагали, что Медведев пытается сформулировать базу для политической поддержки таких действий (перехода к демократии. — *Т.В.*), а Путин остался на посту премьер-министра, чтобы ему помочь».

В этой связи не могу удержаться от латиноамериканских сравнений. Благодаря фонду «Либеральная миссия», я не так давно провела два месяца в Бразилии. Пыталась понять: почему процессы, на-

Важнейшей проблемой является отсутствие сколько-нибудь устойчивых демократических тенденций и традиций в образованной части общества

чавшиеся в 1985 году в двух странах — СССР и Бразилии, в весьма сходных политических, психологических и экономических условиях привели к столь разным результатам? Почему Бразилия, несмотря на не очень благоприятную для этого социальную ситуацию, последовательно продвигается по пути строительства демократических институтов, а мы находимся там, где мы есть. При этом в политологической литературе Бразилия фигурирует как классический пример перехода, основанного на пакте элит. И я поняла там одну простую вещь: устойчивость демократического процесса в Бразилии, помимо прочего, связана с наличием слоя убежденных демократов (а не только экономических либералов), которые не были готовы сотрудничать с диктатурой *ни на каких* условиях. Именно они после возвращения в 1985 году к гражданскому правлению возглавили переход к демократии и, в особенности, ее консолидацию.

Позволю себе напомнить, что предыдущий президент Бразилии, социолог с мировым именем Фернандо Энрике Кордозо четыре года провел в вынужденной эмиграции, а когда в 1968 году вернулся в страну, был полностью поражен во всех политических правах и даже не был допущен к преподаванию в университете в Сан-Пауло. Нынешний президент Луис Игнасио Лула де Силва в 1982 году был политическим заключенным. Лула, что особенно важно подчеркнуть в

этом контексте, в конце 70-х годов возглавил профсоюзное движение с антидиктаторской направленностью, а Фернандо Энрике Кордозо, в то время ученый и оппозиционный политический лидер, считал своей главной целью с этим профсоюзным движением сотрудничать и развивать его (о чем он подробно пишет в своих недавно опубликованных воспоминаниях). Суть того, что он говорит, в следующем: действительная политическая демократия, создание устойчивых демократических институтов невозможны без одновременной демократизации общества, общественных отношений. И отсюда — важность низовых движений. Демократия в принципе невозможна без обретения достоинства всеми гражданами общества. Рынок к ней *напрямую не ведет*.

Думаю, что опыт Польши 1980-х — начала 1990-х годов очень ярко иллюстрирует необходимость единства низового социального движения и демократических интеллектуалов для разрушения авторитарной системы. В польском случае это единство «Солидарности» и КОС-КОР. Мне кажется, что дело заключается в снобизме и «народобоязни» российских либералов. Над всеми нами довлеет определенное истолкование опыта 1917 года. Я позволю себе процитировать еще одного уважаемого мной публициста и исследователя, который говорит: «политическая практика, основанная на нонконформизме, всегда чревата болезненной возгонкой косных народных масс через тернии к звездам». Здесь не место и не время вступать в дискуссию по поводу 1917 года, но мне кажется, что возможна и иная интерпретация того, что с нами произошло, а именно: массы остаются косными, становятся легкой добычей демагогов и авторитарных вождей тогда, когда им не предлагаются альтернативы, учитывающие их реальные интересы. Это произошло в 1917-м, это же произошло и в 1991 году.

Резюмируя, хочу сказать три главных вещи. Во-первых, основные издержки периода 2003—2008 годов (и шире, поскольку главный выбор был сделан раньше, в 1990-е), заключаются в том, что народ (здесь можно говорить «масса», «население», «общество») остается там, где он есть, и поддерживает власть потому, что ему не было предложено внятной альтернативы, основанной на его реальных социальных интересах.

Во-вторых, альтернатива не есть что-то объективно данное, то, что возникает в обществе спонтанно. Альтернатива — это то, что создается целенаправленной работой в обществе. У нас *не было* альтернатив в 2003—2008 годах потому, что мы их не создали. Речь не идет, сразу оговорюсь, об объединении демократических партий. Речь о выстраивании социальных союзов и социальных структур в обществе. Нам всегда некогда. У нас никогда — ни в 1990-е годы, ни сейчас — нет времени на формирование институтов гражданского общества. Мы всегда спешим. Мы все время ждем появления альтернатив сверху. Между тем значимый для демократического развития раскол в правящих группах возможен лишь тогда, когда существуют альтернативы в обществе. Без них мы встретим новый возможный раскол верхов с таким же слабым обществом, как это было в 1987—1993 годах. И с теми же последствиями для демократии.

Наконец, третье. С моей точки зрения вопрос не в том, сотрудничать нам или нет с властью. Вопрос в том, *как* с ней взаимодействовать, какая переговорная сила будет у демократов, чтобы иметь возможность воздействовать на результаты этого сотрудничества. Иначе это в лучшем случае будут пустые иллюзии, а в худшем — использование властью авторитета уважаемых людей и их кооптация в существующую систему. Я убеждена, что такую переговорную силу может дать только опора на независимые социальные движения.

«В обществе не произошло реальной структурной дифференциации»

Лев Гудков, директор Аналитического центра Юрия Левады

В отличие от Татьяны Ворожейкиной я не считаю, что у нас были созданы или хотя бы намечены демократические институты. Они были декларированы. Был провозглашен некоторый абрис — конституционный проект. Но никакой реальной работы по строительству, формированию демократических институтов не было. Как социолог, я вынужден исходить из совершенно другой картины, которую уже не раз представлял. Мы имеем дело с чрезвычайно длительным, захватывающим несколько поколений процессом разложения советской системы, идущим с разной скоростью и в разных сегментах. Сегодня проблема заключается в том, что не произошло разделения ветвей власти. Это главное. Не произошло реальной структурной дифференциации в обществе.

Это явление не новое. В 1991 году мы имели дело скорее не с революцией, а с верхушечным разломом, с кризисом верхов, с процессом, который не затронул основные структуры и институты общества. Власть осталась не дифференцированной и не контролируемой обществом. Не были созданы никакие реальные социальные, групповые, институциональные противовесы бесконтрольной, выстраиваемой сверху вниз власти.

Верхушечный разлом привел к смене идеологии, к смене кадрового состава и повлек за собой известные в политической науке явления: резкую традиционализацию общества, апелляцию к выдуманному прошлому, рутинизацию всех отношений и отказ от социальной, экономической и политической модернизации. Главное — в результате недифференцированности институтов, зависимости всех ветвей власти от исполнительной ветви оказался стерилизован сам политический механизм: оп-

ределение целей, выработка и принятие решений, политическая конкуренция, репрезентация групповых интересов, выдвижение программ и т.д., оказался стерилизован сам потенциал элиты как группы, которая задавала бы направление и цели модернизации.

Результатом этого процесса, который мы наблюдали на протяжении путинского периода, было не только устранение свободы прессы, но и общая деморализация населения. Главная характеристика современного общества — это резкое понижение его морального и интеллектуального уровня, возврат к архаическим, примитивным в своей основе мифологизированным представлениям. Именно на них основаны сегодняшние механизмы консолидации: через образ врага, через очень сильный рост негативизма ко всем, кто не высказывает симпатий к нынешней России и ее руководству, ко всем, отличающимся от базового стереотипного представления о «русском», — к приезжим, чужим, очень умным или просто другим. По нашим данным, мы никогда не имели такого уровня ксенофобии, антизападных настроений, антиамериканских, антиукраинских, антигрузинских, антипольских, антиэстонских и прочих анти... Можно долго продолжать. Механизмы негативной консолидации в соединении с удовлетворенностью ростом уровня жизни, пусть даже очень неравномерно идущим в разных группах населения, сегодня являются главными механизмами консолидации общества. Это первое.

Второе. Блокирование политической конкуренции ведет к усилению политики систематического государственного кадрового контроля, а этот контроль в условиях деморализации общества представляет собой подбор специфиче-

Джейн Александер. *Vom Boys*. 1998

ского типа человека. Не компетентного, не делового человека, ответственного перед обществом или партией, не «носителя модернизации», а персонально лояльного держателю власти.

Наиболее ценным для власти в такой ситуации типом подчиненного оказывается либо «соратник» (соучастник в делах корпорации или спецслужбы), либо *ренегат*, как называется в политической науке этот чело-

веческий феномен. Не представитель советской номенклатуры или простой исполнитель, а особый тип людей из «бывших»: бывших демократов, либералов, идеологов модернизации, ставших государственниками, державниками, защитниками «геополитических» интересов России, и прочих. Важно, что люди с подпорченной репутацией, с чувством отступничества или внутреннего предательства (прежних идей, ценностей, сторонников) составляют важнейший ресурс власти, наиболее надежный для нынешнего руководства тип лояльности. Способы манипулирования с либеральными идеями или правовыми принципами оказываются самыми результативными с точки зрения нынешнего режима, технология управления которого базируется на циничном девальвировании любых идеологий реформ, солидарности, веры в возможность изменения общественной жизни к лучшему. Важны последствия доминирования подбора подобного рода кадров и контроля с их стороны над всеми сферами общественной жизни: с одной стороны, это широкое распространение нигилизма, с другой (очень важный момент) — коррумпирование общественного мнения. Обычно, когда говорят о коррупции, то имеют в виду главным образом отношения обывателей или граждан с администрацией разного уровня и типа, государственным

чиновничеством, бизнесом и властью. Я же хотел бы обратить внимание на менее очевидную вещь: коррумпирование общественного мнения и общественного сознания через тиражирование

Главная характеристика современного общества – это резкое понижение его морального и интеллектуального уровня, возврат к архаическим, мифологизированным представлениям

или насаждение очень удобных, льстящих общественному мнению мифов, стимулирующих русский национализм, имперскую спесь и самоутверждение. Если мы откажемся понимать, каким образом общество поддерживает этот режим, мы все время будем оказываться в замкнутом кругу наших собственных иллюзий и неудач.

Как показывают самые разные исследования, уровень критичности в обществе повышается. Этот факт не подлежит сомнению. Но столь же бесспорно, что само по себе диффузное недовольство, безадресная критичность не соотносятся с практической плоскостью отношений с властью или готовностью изменить нынешнее положение вещей; они не реализуются и не будут реализованы в практическом действии, в политическом участии, в принятии на себя ответственности за состояние дел в стране. Явление интеллигентского критицизма ближе всего к памятным разговорам на московских кухнях. Оно становится составной частью общей зависимости, дезориентированности, чего и добивается режим.

Еще один важный момент хочу подчеркнуть. Мы имеем дело с усиливающимся разрывом центра (крупнейших мегаполисов, где все-таки складывается какая-то рыночная, информационная и социальная инфраструктура) и периферии, в которой проживает две трети населения.

Ресурсы этой части населения очень незначительны. Бедная периферия в наибольшей степени страдает от разрушения советской системы, так как компенсировать развал прежних институтов (социального обеспечения, здравоохранения, образования, коммуникаций и прочего) ей нечем. Единственная ее надежда на изменение ситуации — помощь от властей. Пусть это иллюзии, но они характерны для политической культуры государственного патернализма, присущей подавляющей части населения России. И поскольку они сохраняются, сохраняется и зависимость от власти, поддержка этой власти, так явно проявляющаяся во время выборных компаний. Почему-то наши демократы главный упор делают на административном ресурсе и фальсификациях во время выборов, но мало кто принимает во внимание сочетание патерналистских ожиданий и демагогии околоэлитных кругов, явно процветающих при нынешнем режиме. По данным исследований, выиграло от всех перемен около 20 процентов, составляющих верхние страты населения. Эти группы получают более 60 процентов всего прироста доходов, они более образованны, живут в более развитой социальной и информационной среде. Но именно они, то есть самая коррумпированная властью социальная среда, и обеспечивают в информационном, интеллектуальном и пропагандистском плане доминирование тех представлений, которые позволяют власти удерживать контроль над обществом, тиражировать те массовые стереотипы и идеи, которые блокируют процессы развития и модернизации общества. Фактически мы потеряли, если исходить из интересов модернизации, нынешнее поколение. Реально оно, несмотря на всю технологическую оснащенность, информационную обеспеченность, знание языков, гибкость приспособления к новым тенденциям,

готовность к смене образцов жизни, полностью стерилизовано. Оно не будет носителем модернизационных ценностей. Чтобы не потерять окончательно саму перспективу, нужно уже сегодня работать на будущее, нужно готовить следующее поколение. Но без понимания особенностей посттоталитарного общества, в котором мы живем, эта работа обречена. Предаваясь ставшей в наших условиях довольно пустой либеральной риторике, делая акцент на пропаганде, научении или защите ценностей демократии, демократы оказываются в опасном положении забалтывания в общем-то правильных идей, но в реальных условиях оказывающихся весьма отвлеченными. Именно непонимание или даже просто неумение принять во внимание представления широких слоев населения, невнимание к массовым интересам оборачиваются преувеличением значимости левых идеологий и движений, равно как и расчетом на то, что приближающийся кризис будет усиливать волну социальных протестов и активизацию демократического движения. Аналитическая работа сама по себе трудна, а в расчете на будущее поколение — трудна вдвойне. Каналы публичной коммуникации перекрыты. Общественное мнение как институт, без которого демократические процессы невозможны, сегодня практически деградировало или находится на последнем издыхании. Как социолог, много лет занимающийся его изучением, я могу это утверждать. Сегодня в ходе массовых опросов и социологических исследований мы ловим лишь эффект воздействия пропаганды, результаты манипуляции массовым сознанием и массовыми настроениями. Независимых источников авторитета или влияния на общество практически не осталось. Поэтому повторю еще раз: самая главная и самая тяжелая проблема — адекватный анализ и объяснение общественных феноменов.

Об элите развития

Николай Розов, доктор философских наук,
профессор Новосибирского государственного университета

Кризис — это ситуация бифуркации, когда возникает множество альтернатив, ведущих к разным социально-политическим траекториям. Богатый инструментарий макросоциальных исследований позволяет проследить основные траектории: очень глубокие колеи в развилках, ведущие к неблагоприятным сценариям (повторению накатанных столетиями циклов), и узкие трудные тропинки в тех же развилках, ведущие к относительно благополучному исходу*.

Кризис — это политическая перспектива расползания «вертикали власти». К чему это может привести? Первая развилка такова: кто-то (или прежняя, или новая правящая группа) захватывает всю полноту власти, и вместо слабого авторитаризма (а он у нас слабый из-за борьбы кланов) мы приходим к диктатуре. Это не самое приятное, но вполне соответствует стереотипам «сильной руки», «хозяина», «порядка» и т.д.

Другая альтернатива — полиархия (термин американского политолога Роберта Даля), то есть появление нескольких автономных центров силы со своими ресурсами. Вот здесь очень важно, сумеют они или нет договориться между собой и заключить пакт. Тут я должен возразить тем, кто надеется только на просвещение, выращивание новых поколений и пресловутое медленное вызревание снизу гражданских институтов. *Без пакта — договора автономных центров силы — к демократии не прийти.*

В указанной статье перспектива получилась весьма пессимистичной, но луч надежды все-таки есть, потому что кроме властной элиты у нас еще существует *элита развития***. Это люди, занимающие примерно вторые-третьи руководящие позиции в самых различных государственных и негосударственных структурах. Не только среди интеллектуалов, но и среди чиновничества, в бизнесе, армии и даже в части спецслужб есть элита развития, которая во все не в восторге от вертикали власти и проводимого ею политического курса, и которая считает хоть и маловероятным, но предпочтительным для страны именно демократическое развитие с публичной политикой, честной конкуренцией и настоящими выборами. Сегодняшняя задача интеллигенции, интеллектуального сообщества — превратить эту разобщенную элиту развития, говоря словами Маркса, «из класса в себе в класс для себя», чтобы она осознала свои интересы, прежде всего в плане *личной безопасности и защиты собственности*.

Если элита развития остается «классом в себе», каждого по отдельности можно арестовать, засудить и лишиться собственности, например, за симпатию и поддержку оппозиционных сил. Элита развития как «класс для себя» благодаря осознанию себя и своих интересов, благодаря взаимной поддержке и солидарности способна добиться от власти того, чтобы в политической

* Сошлюсь в этой связи на свою статью «Коллегиально разделенная власть и условия поэтапного становления демократии в России» (Полис, 2008, № 5), где обозначены эти развилки и детально представлены объективные структурные условия для каждой альтернативы и процедурные условия: о чем нужно договариваться, чтобы пройти по тропинке, а не соскользнуть в привычную колею российских циклов.

** См.: Афанасьев М.Н. *Российские элиты развития: запрос на новый курс.* — М.: Фонд «Либеральная миссия», 2009. — 132 с.

борьбе силовые методы, налоговые и так называемые правоохранительные органы больше не применялись, чтобы каждый человек не боялся свободно высказываться в публичном пространстве,

Среди чиновничества, в бизнесе, армии и даже в части спецслужб есть элита развития, которая считает предпочтительным для страны именно демократическое развитие

в том числе критично по отношению к власти, не боялся поддерживать те политические силы и движения, которые считает нужным поддерживать.

После первого важнейшего сдвига в российской политике, в обстановке завоеванной безопасности сами собой будут формироваться автономные центры силы, например вокруг финансово-промышленных групп, союзов региональных лидеров, новых партий и т.д. Их уже нельзя будет подавить, более то-

«Наша задача: честно и последовательно заниматься своим делом»

Марк Урнов, декан факультета политологии, профессор ГУ — Высшей школы экономики

Я поддерживаю идею Татьяны Ворожейкиной о том, что альтернативу формировать надо. Однако, мне кажется, в нашей нынешней психологической атмосфере никакая альтернатива не приживется, и поэтому первыми шагами для формирования реальной альтернативы должны стать усилия по изменению атмосферы. Что я имею в виду? Наше общество глубоко невротизированно: оно хочет больше, чем может, знает о том, что оно хочет больше, чем может, но не хочет отказаться от того, что хочет.

Объектов этих очень сильных, но нереализуемых желаний много, но основных, наверно, два: идентичность и доходы.

го, в условиях усиливающегося кризиса верховная власть будет сама нуждаться в их поддержке, а это уже ситуация для торга и переговоров.

Следующая ступенька в трудном подъеме к демократии — вопрос о том, насколько центры силы, включая правящую группу, будут способны договориться между собой. О чем? О порядке мирной политической конкуренции, о том, как, не выкручивая друг другу

руки, решать, кто имеет больше прав и возможностей контролировать на определенный срок государственные административные, финансовые и силовые ресурсы, то есть договариваться о порядке цивилизованной борьбы за власть и о порядке мирной ротации власти.

А уже после этого и на этой основе можно рассчитывать на возвращение публичной политики, на установление правил настоящей демократии, на восстановление реальных выборов и т.д.

За неимением времени остановлюсь на идентичности. Большинство россиян хочет ощущать себя гражданами супердержавы. Кстате сказать, ощущение принадлежности к стране, влияющей на ход мировых процессов, является элементом российской идентичности уже очень давно — думаю, лет 300. Сначала это ощущение входило в идентичность людей, составлявших правящий или, если угодно, образованный класс, затем стало частью идентичности всего общества. И, конечно, утрата Россией статуса не только супер-, но и «просто» великой державы переживается обществом очень болезненно — тем болезненнее, чем

очевиднее становится потеря этого статуса. Отсюда стремление вытеснить реальность из сознания, заменить ее мифами, виртуальными конструкциями, картиной мира, в которой «поднимающейся с колен России» противостоит якобы «мировое зло», всячески старающееся не допустить восстановление нашей страны в статусе супердержавы. Причем это зло вполне персонафицировано: для российского массового сознания и значительной части правящего класса «мировое зло» сегодня воплощают США.

Официальная идеология нынешней российской власти базируется на этом мифе. И он обеспечивает обществу психологическое единство, делает его невосприимчивым к каким бы то ни было альтернативам. Но одновременно этот миф подталкивает общество к ошибочным действиям, создает угрозу политического кризиса, чреватого опасностью распада страны.

Мне кажется, что наша задача состоит в том, чтобы помочь российскому обществу — я имею в виду и массовое сознание, и политическую элиту — избавиться от мучительного и опасного невроза, отторгнуть мифы, принять реальность и начать формулировать реалистические цели и задачи. С моей точки зрения, это важнейшее условие выживания страны. Предлагаемая Ворожейкиной альтернатива — это один из вариантов реалистических целей.

Единственным средством, которым мы как интеллектуалы располагаем для того, чтобы облегчить обществу возвращение на почву реальности, это общественная дискуссия. Вопрос: на какую тему? По-моему, ключевой темой любой дискуссии, имеющей в виду социальную психотерапию, психологическое оздоровление общества, является вопрос, о котором я сказал, — вопрос о супердержаве, империи и обо всем, что с этим связано. Эта тема концентрирует в себе все важнейшие проблемы: и про-

блему господства государства в экономике, и проблему авторитарности нашего государства, и проблему восприятия внешнего мира (есть ли у нас — хотя бы потенциально — друзья?), и проблему социальной зависти и т.д.

Как может подействовать на общество нынешний кризис? Однозначного ответа на этот вопрос нет. Есть и «с одной стороны», и «с другой»...

Сначала «с одной стороны». Дело в том, что для нашего общества, как, впрочем, и для большинства обществ, находящихся на начальных этапах модернизации, характерна специфическая реакция на подъемы и кризисы. На фоне улучшения положения у нас растут химерические притязания, увеличивается разрыв между тем, чего мы хотим, и тем, что считаем достижимым. В результате развивается фрустрация, склонность к мифологической интерпретации реальности, агрессивность, стремление стучать кулаком по столу и пр. Между тем в условиях кризиса наши притязания резко падают, терзающий общество разрыв между тем, чего оно хочет, и тем, что считает достижимым, сокращается. Как следствие общество становится более восприимчивым к адекватному восприятию реальности. Создается благоприятная почва для продуктивной общественной дискуссии — люди начинают слушать и слышать друг друга. В этом смысле кризис действует как очень горькое, но все же лекарство.

Теперь «с другой стороны». Наша власть до сих пор допускает дискуссии, подобные нашей, только по той простой причине, что у нее очень высокий рейтинг доверия. На таком фоне можно и наплевать на слова, которые произносит собравшаяся в тесном кругу кучка «либералов и русофобов». Этого можно не замечать. А вот когда рейтинг пойдет вниз (а он в условиях кризиса естественным образом пойдет вниз), я не уверен, что власть будет столь же терпима к разного рода попыткам «ру-

софобов» затеять общественную дискуссию на тему, затрагивающую краеугольный камень идеологической конструкции, легитимирующей власть. Вот здесь мы можем оказаться в неблагоприятной

Утрата Россией статуса великой державы переживается обществом тем болезненнее, чем очевиднее становится потеря этого статуса

ситуации. Что в результате произойдет? Не знаю, так как, чем все закончится, понять никто не в состоянии.

В заключение несколько слов о либеральном проекте для России, который должен соответствовать ожиданиям масс. По этому поводу у меня два соображения. Во-первых, опыт показывает, что умение разрабатывать «проекты», а точнее, мифы, не является, мягко говоря, конкурентным преимуществом либералов. Всякий раз, когда они брались за это дело, выходило нечто неудобоваримое. В этой сфере куда успешнее действуют националисты. Думаю, что это неслучайно: здесь сказывается специфика мировосприятия. Во-вторых, предлагать либералам произвести нечто, соответствующее ожиданиям масс, пораженным авторитарным синдромом, означает ставить принципиально не решаемую задачу. Российские либералы в

Либеральная интеллигенция перед вызовом авторитаризма

Виктор Шейнис, доктор экономических наук, профессор

Спор, который обозначился, — одна из характерных примет наступившего времени. Большая часть позиций в общественной жизни нашей страны, которые то ли отвоевала, то ли получила в подарок российская интеллигенция на рубеже 1980–1990-х годов, утрачена. Государственная деятельность, как это почти

обозримой перспективе популярными в массах не будут. Либералы даже в Великобритании — партия меньшинства. Либерализм по самой своей сути — философия не массовая, а элитарная.

Так что задача наша, с моей точки зрения, состоит не в том, чтобы, демонстрируя свою профнепригодность, отнимать хлеб у националистов и консерваторов в сфере социально-политического мифо-

творчества. И не в том, чтобы пытаться стать любимыми народом. Наша задача в том, чтобы честно и последовательно заниматься своим делом: устно и печатно стараться демифологизировать общественное сознание, сделать его более адекватным. Постепенно привносить в общество такие ценности, как свобода личности, право, частная собственность. Постепенно приучать общество к мысли, что информационная открытость власти и политическая конкуренция — это необходимые условия повышения качества государственного управления и выживания страны в современном мире.

В какой мере эта деятельность будет успешной, не могу сказать. Но считаю ее жизненно необходимой для нашей страны и утверждаю, что если этим не будут заниматься либералы, то этим не будет заниматься никто.

всегда было в России, творится под ковром — с публичной политикой покончено. И даже в идеологии, в осмыслении того, что произошло вчера и что может произойти завтра, полем, обозримым для большинства наших сограждан (я имею в виду тех, кто получает политическую информацию с экранов массово-

го ТВ), завладели мародеры и дезертиры. Тем важнее беречь островки сохранившейся демократической культуры — такие, как наша сегодняшняя дискуссия.

Разномыслие, разные оценки и подходы в нашей среде естественны. Важно лишь соблюдать некоторые непреложные правила академической дискуссии. Много лет тому назад я прочитал у одного автора: преувеличения лишь ослабляют позицию, которую с их помощью пытаются обосновать. Кажется, нам не всегда удается избежать преувеличений, заострений, неизбежных в политической борьбе, но неуместных в аналитике.

На мой взгляд, мы согласны в главном — в констатации того, что уже в течение ряда лет сознательно и целеустремленно в России профанируются демократические институты и процедуры, что коррупция разъедает не только материальную, но и духовную жизнь общества, что усиленно мифологизируется не только наше уже несколько отдаленное прошлое (сталинизм и так называемый застой), но и то, что происходило на наших глазах и памяти совсем недавно. Я имею в виду подавляющую мысль и волю людей мифы о «не так» проведенной перестройке и «лихих 90-х». Слов нет, в те времена было сделано немало ошибок, в которых повинны и многие из нас. Бумеранг развеявшихся иллюзий, несбывшихся ожиданий больно ударяет всех нас сегодня. Но ответить на вопрос, кто, в чем и в какой мере был прав и неправ, вовсе не так просто. Здесь есть предмет для содержательной дискуссии. Мне только хотелось бы предостеречь от однозначных и чрезмерно категоричных ответов, к которым сейчас нередко склоняются некоторые достойные умы.

Здесь была повторена замечательная идея: либеральное и демократическое развитие лишь тогда обретает прочную основу и становится необратимым, когда оно сопрягается с удовлетворением

повседневных насущных интересов больших масс людей. В общем виде против этого возразить нечего. Но проблема совмещения свободы и равенства, долговременных национальных интересов с конкретными нуждами сегодняшнего дня — чрезвычайно непроста. Далеко не всегда оказывается возможным расширять пространство свободы и тут же удовлетворять запросы населения. Принцип дополнительности Бора по-своему применим к познанию общественных явлений и к действиям на основе этого познания: достижение двух разных целей в более или менее полном виде очень часто оказывается взаимоисключающим.

Более того, не всегда утверждение свободы и расширение демократии идут рука об руку. В этой связи стоит напомнить мысль американского политолога Фарида Закарии об опасностях нелиберальной демократии. Свобода привела к возникновению демократии, а не наоборот. **Предпочтение равенства свободе — путь к авторитаризму.** С другой стороны, авторитарные режимы, вступавшие на путь либерализации, нередко закладывали фундамент стабильных либеральных демократий. Закрепление пространства свободы важнее и перспективнее расширения демократии. Можно с этим соглашаться или не соглашаться, но не следует исключать такую логику из нашего дискурса.

Еще сложнее выбрать верную политическую тактику в остро конфликтной, кризисной ситуации, когда акторов захлестывают накатывающие события. И вопрос об отношениях либералов с властью не решается однозначно на все времена. Одно дело — когда власть, как это происходит сейчас, жестко консолидирована, уверена в себе и нуждается не в самостоятельных партнерах и оппонентах, а в холопах. И совсем другое, когда власть фрагментирована, не уверена в себе, в своих действиях, и хотя бы часть властных

Пол Маккарти. Болван. 2003

группировок ищет поддержки в обществе и выражает готовность (серьезную или несерьезную — она часто сама не знает) демонтировать хотя бы некоторые авторитарные конструкции. Выбор линии поведения либералов и демократов в таких ситуациях меня занимает более всего.

Выступавшие неслучайно упоминали две реперные точки нашей истории — 1917 и 1989 год. Я убежден, что 1917 год был в значительной мере предвосхищен и предопределен в десятилетие, ему предшествовавшее. Расхожая точка зрения, которую, в частности, выразил А. Солженицын в свойственной ему безапелляцион-

ной манере в последнем при его жизни опубликованном памфлете: путь к Октябрю открыл Февраль.

Неспособность Временного правительства устоять перед напором низов действительно открыла дорогу безответственным фанатикам и демагогам, которые привлекли массы популистскими и эгалитаристскими лозунгами: мир, земля, хлеб и т.д. Временное правительство обвиняют в слабости, не задаваясь вопросом: а возможно ли, не поздно ли было пойти навстречу пожеланиям масс в безумной ситуации надорвавшейся на войне страны, вооруженного народа (шестимиллионная армия) и не один год нагнетавшегося революционерами социального ожесточения?

Я склоняюсь к тому, что в споре П. Миллюкова с В. Маклаковым, отразившем раздвоенность стратегии главной либеральной силы России — кадетской партии, прав был Маклаков, ориентировавший своих товарищей на поиск партнеров в расколотой власти, на сотрудничество с ними, а не на выдвижение популярных, приносивших голоса на выборах требований, с которыми кадеты все равно не могли угнаться за своими партнерами слева. Игра была проиграна до 1917 года. Русские либералы не усвоили то, что им объяснили в 1909 году авторы «Вех».

А после Февраля русские либералы и умеренные социалисты, составившие ядро Временного правительства, уже не смогли, оставаясь теми, кем они были, ни удовлетворить агрессивно выраженные интересы масс, ни спасти демократию. Бывают, к сожалению, в истории такие в принципе безвыходные ситуации. Может быть, «народобоязнь» российских либералов, о которой здесь было упомянуто, заслуживает если и не одобрения, то понимания после того разгрома страны, культуры, живых сил общества, который принес 1917-й и последующие годы.

Споры о 1917 году, видимо, еще долго будут продолжаться. Как сказал Чжоу Эньлай в дни 200-летия Великой французской революции: еще не пришло время дать ей взвешенную оценку. Тем труднее вынести всесторонне обоснованный вердикт событиям нашей перестройки и постперестройки. Но не размышлять о том, «на каком трижды проклятом месте мы ошиблись с тобой и поправить уже не смогли?», российская либеральная интеллигенция не может. Хотя бы потому, что она наталкивается снова и снова на ситуации, если и не сходные с теми событиями, то во всяком случае проистекающие из них. Здесь важно только правильно поставить вопросы и не настаивать на том, что на них могут быть даны «единственно правильные» ответы.

Первый вопрос: правильно ли поступали либералы и демократы, отказав в сотрудничестве коммунистической власти, точнее — колеблющейся, делающей в том числе и раздражающие шаги реформаторской группе Горбачева внутри этой власти? Верно ли было разворачивать атаку на «агрессивно-послушное большинство» первого союзного протопарламента, едва проклюнувшегося через 70 лет после царской Думы? Не разумнее ли было пытаться расчленить агрессивное меньшинство этого собрания (воинствующих коммунистических и державных фундаменталистов) и большинство депутатов, до поры следовавших за взмахом дирижерской палочки политика неоднозначного, но открывшего процесс перемен? Иными словами, не бросаться очертя голову в схватку за власть, а, выступая в роли конструктивной системной оппозиции, добиваться расширения и упрочения подаренной свободы, блокируясь с властвующими реформаторами по отдельным вопросам. Не здесь ли наши главные упущенные возможности?

Так сталкиваются, и не только в российской истории, два принципиально

разных подхода. Один: чтобы закрепить возможное, революция (реформы) должны идти дальше. Другой: при неустойчивом равновесии в правящей элите, вступившей на путь реформ,

Далеко не всегда оказывается возможным расширять пространство свободы и одновременно удовлетворять запросы населения

опасно чрезмерным давлением на власть подыгрывать реакционерам, консерваторам. Доводы могут быть приведены как в защиту одной, так и другой стратегии. Важно лишь реалистически оценить риски и последствия, ибо разные ситуации требуют разных линий поведения. Жесткая антивластная позиция на все времена симпатична радикалам, но едва ли всегда плодотворна. Во всяком случае, нетерпение российских либералов и демократов сыграло свою роль в крушении перестройки.

Вопрос второй: правильно или неправильно поступили российские либералы и демократы, ставшие эшелонами поддержки первого российского президента и какое-то время сохранявшие на него известное влияние, поддержав его в остром конфликте с Верховным Советом? А затем — поддержав радикальную реформаторскую группу Гайдара, осуществлявшую объективно необходимые стране экономические реформы, которые в то же время размывали социальную базу либералов и демократов? Эта стратегия закрепляла, во всяком случае до 1993 года, победу одной, более прогрессивной группы бюрократии над другой, более реакционной ее группой. Придерживались ли бы они той же тактики, если бы знали, что победивший

при их поддержке Ельцин чуть позже проложит дорогу регенерации авторитарного режима? Заметьте: я ставлю вопрос, а не даю на него ответ. Только не надо поддаваться иллюзии, будто бы в стране была весомая политическая сила, которая могла провести те же по смыслу рыночные реформы, но по-другому. Такой силы в начале 90-х годов, а дальше — тем более, не было.

И в этой связи третий вопрос: насколько воспроизводим был и будет в России действительно завораживающий пример Польши, где интеллектуалы смогли организовать и направить низовое социальное движение против не в пример более мягкого авторитарного режима? Поставлю этот вопрос чуть иначе. Нам говорят, что либеральная интеллигенция должна выработать альтернативу, отвечающую социальным интересам масс и благодаря этому получить их поддержку. Не спору: это было бы замечательно. Я даже думаю, что такая альтернатива не только существует в головах, но и написана на бумаге. Но как сообщить об этом массам, небезуспешно зомбируемым нынешней властью и ее клеветами, подвигающимися на высокотехнологичном поле PR? Вспоминают о движениях обманутых дольщиков, о голодовках, о выступлениях утесняемых автомобилистов, о сопротивлении пресловутому 122-му закону о регистрации прав на недвижимость. Может быть, надвигающийся кризис здесь что-то изменит. Но пока это изолированные, локальные, сравнительно легко подавляемые либо переводимые властью в безопасное для себя русло протестные акции, из которых менее всего вырастает аналог польской «Солidarности». Анализ Левада-центра*

* См.: Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. *Постсоветский человек и гражданское общество*. — М.: Московская школа политических исследований, 2008.

Лос Карпинтерос. Русское посольство. 2003

показывает такой массовый и устойчивый уровень распространения различных мифов, фобий, заблуждений, такую высокую меру внушаемости, такое резкое понижение морального и интеллектуального потенциала общества, что порой становится жутко.

Исторический опыт России свидетельствует: все переходы от самодержавия, тоталитаризма, авторитаризма начинались тогда, когда обозначался и реализовывался в практических действиях раскол в элитах. Пока он если и существует, то запряган так глубоко, что его трудно верифицировать. Я согласен, что сегодня участие бывших демократов и квазидемократов в кремлевских играх — деятельность, очень мягко говоря, весьма сомнительная. Но, может быть, завтра поддержка, ассоциация с какими-то группами в Кремле и Белом доме обретет смысл — от этого зарекаться не стоит. Ибо тогда-то и откроются шлюзы для «соединения либеральных устремлений интеллигенции с социальным давлением масс». Скорее всего, именно в такой, а не обратной последовательности, хотя оба процесса могут развиваться параллельно. Может быть. Но пока такая перспектива в лучшем случае — за линией горизонта. Что же делать? Работать над альтернативой? Я сказал, что она уже практически есть. Например, в программных документах «Яблока» и создаваемого ныне из осколков демократических партий и организаций движения. Конечно, у власти сейчас есть возможность придушить все реально оппозиционные партии, и не исключено, что она такой возможностью не преминет воспользоваться. Что ж, тогда придется выстраивать квазипартию, не нуждающуюся в официальной регистрации, но приближенную по своим традициям, опыту, устоявшимся кадрам к партийной организации. В такого рода работе я вижу дело куда более привычное, чем организация малочисленных одиночных протестных выступлений.

Есть еще одна сфера деятельности, о которой говорил Л. Гудков: аналитика, просвещение общества, работа на будущее поколение. Что же, это, включая такие дискуссии, как сегодняшняя, вполне доступное и весьма полезное дело, и отдаленность результата во времени не должна нас смущать. Мне кажется, что на смену людям, которые окрасили политику рубежа 1980–1990-х годов своим активным общественным темпераментом и идеалистическими, как теперь видно, ожиданиями, приходит другое поколение, очень прагматичное, нацеленное на личный успех в заданных обстоятельствах. Сужу по своим студентам. Сравниваю их с тем поколением, с которым я работал в Ленинградском университете в 60–70-х годах. Современные студенты, конечно, лучше образованы, больше умеют, владеют Интернетом, знают языки, лучше ориентируются в практической жизни. Но в массе своей они общественно менее отзывчивы. Может быть, я ошибаюсь, потому что невелик мой угол обзора? Хотелось бы так думать.

Попробую подвести итог. Не будем впадать ни в какую крайность: только так и никак иначе. Не надо заниматься самобичеванием, а лучше попытаться понять, почему люди и мы сами поступали так, а не иначе. Не смешивать ошибки, из которых следует извлекать уроки, с ситуациями, из которых не могло быть хорошего выхода. Ни от чего не зарекаться: ни от работы с профсоюзами, обманутыми вкладчиками и другими, кто может и умеет, ни от участия в политике, в избирательных кампаниях (если будет получаться), ни от собственной профессиональной работы по добыванию и передаче знания. Увидим или не увидим мы небо в алмазах — зависит от тектонических сдвигов, которые мы не научились предсказывать, а тем более ими управлять.

Об этом не говорят вслух

Проходящая в России дискуссия об антикризисной политике позволяет многое прояснить в сегодняшнем общественном климате. Обмен мнениями понадобился сейчас всем, даже политическому начальству. Но идет он трудно, потому что на поверхность выходят все искажения, заложенные в годы зачистки публичного пространства. Для налаживания диалога нужно доверие, но восстанавливать доверие мешает то, что слишком многое остается по разным причинам невысказанным публично. Годы нефтяного роста привели к образованию большой слепой зоны в общественной дискуссии.

Как показывают выступления политиков в прессе, на конференциях и форумах, несогласий между ними и нами по техническим и инструментальным вопросам сколько угодно. Но по сути дела, по ключевым темам — виноват ли во всем рынок и не стоит ли от него отказаться, какова роль государства, нужна ли властям обратная связь с обществом — между властной и думающей элитой царит полное согласие. Думающая часть общества и представители власти, имеющие отношение к регулированию экономики одинаково понимают и вызовы, которые кризис поставил перед страной, и антикризисную стратегию.

То, что можно вслух

Людам из правительства и администрации президента хотя бы немного знакомым с основами экономической науки и знающим историю не нужно было объяснять, почему стране в качестве одной из важнейших антикризисных мер нужна открытость СМИ и инвестиции в человека. Их не удивляет большинство вопросов, которые ставятся лучшими экспертами, в том числе и теми, кто настроен критически по отношению к политической верхушке. Повестка дня для сегодняшней России может уточняться и дополняться, но ее магистральное направление мы понимаем одинаково. Идеологического спора нет. Из кризиса можно выходить вперед или назад, говорил вице-премьер

Максим Трудолобов,
редактор отдела
комментариев газеты
«Ведомости»

Александр Жуков на заключительной сессии Красноярского экономического форума. «Назад — это в сторону мобилизационной экономики и автаркии», — уточнил он.

Нет спора и о роли государства. В разной форме и разных контекстах представители государства говорят о том, что важнейшая государственная функция сегодня — заниматься не раздачей помощи фирмам, а созданием условий для ведения бизнеса; не адресными мерами для немногих, а снижением барьеров для всех. Если человек вложил собственные деньги в собственное предприятие, он тем самым уже сделал серьезную ставку на будущее процветание своей страны. Уже благодаря одному этому он заслуживает поддержки. А поскольку никакой поддержки государство оказать ему не в состоянии, то нужно хотя бы перестать мешать. А одна из важнейших помех — вмешательство государства, прежде всего правоохранительных органов, в работу бизнеса.

Нет спора и о необходимости слушать и слышать мнение общества. И это не просто слова. Россияне стали серьезными налогоплательщиками и теперь им пора вспомнить о том, что отношения между ними и государством — это отношения работодателя и работника. Подходный налог по итогам 11 месяцев 2008 г. (1,5 трлн руб.) почти догнал НДС (1,9 трлн руб.). Обратную связь с обществом необходимо вернуть, а для этого как минимум необходима свобода СМИ. Открытость СМИ и смена элит стали одним из важнейших двигателей роста, отобранных рейтинговым голосованием на сессии уже упомянутого Красноярского форума, модератором которой был помощник президента Аркадий Дворкович. На первом месте в числе двигателей роста — проекты строительства, на втором — поддержка потребительского спроса.

На деле, как известно, правительство продолжает поддерживать производителей, то есть предложение, а не спрос. На деле никакой открытости СМИ пока не чувствуется: решения принимаются в закрытом режиме, условия предоставления государственным банками кредитов крупным корпорациям держатся в секрете, федеральный бюджет не пересчитан и не вынесен на обсуждение. Многие другие рецепты роста из тех, что власти готовы обсуждать публично, тоже оказываются полной противоположностью тому, что предпринимается на практике. Нет ответа обществу и по внекризисным темам: нет, например, понимания, почему отказано в помиловании Светлане Бахминой, почему продолжают тянуть со следствием по делу Василия Алексаняна.

То, что нельзя вслух

Ответа нет потому, что вслух его никто и не собирается давать. Если бы политические решения формировались в России на основе публичных дискуссий — таких, которые проходят на конференциях и форумах с участием высокопоставленных чиновников, — решения были бы прозрачными. Политика не изменилась бы мгновенно, но стала бы более предсказуемой. Со временем мы встали бы на путь к продуманной и адекватной политике по важнейшим направлениям. Однако ощущения, что мы на таком пути находимся, все-таки нет. Как будто чиновники, вер-

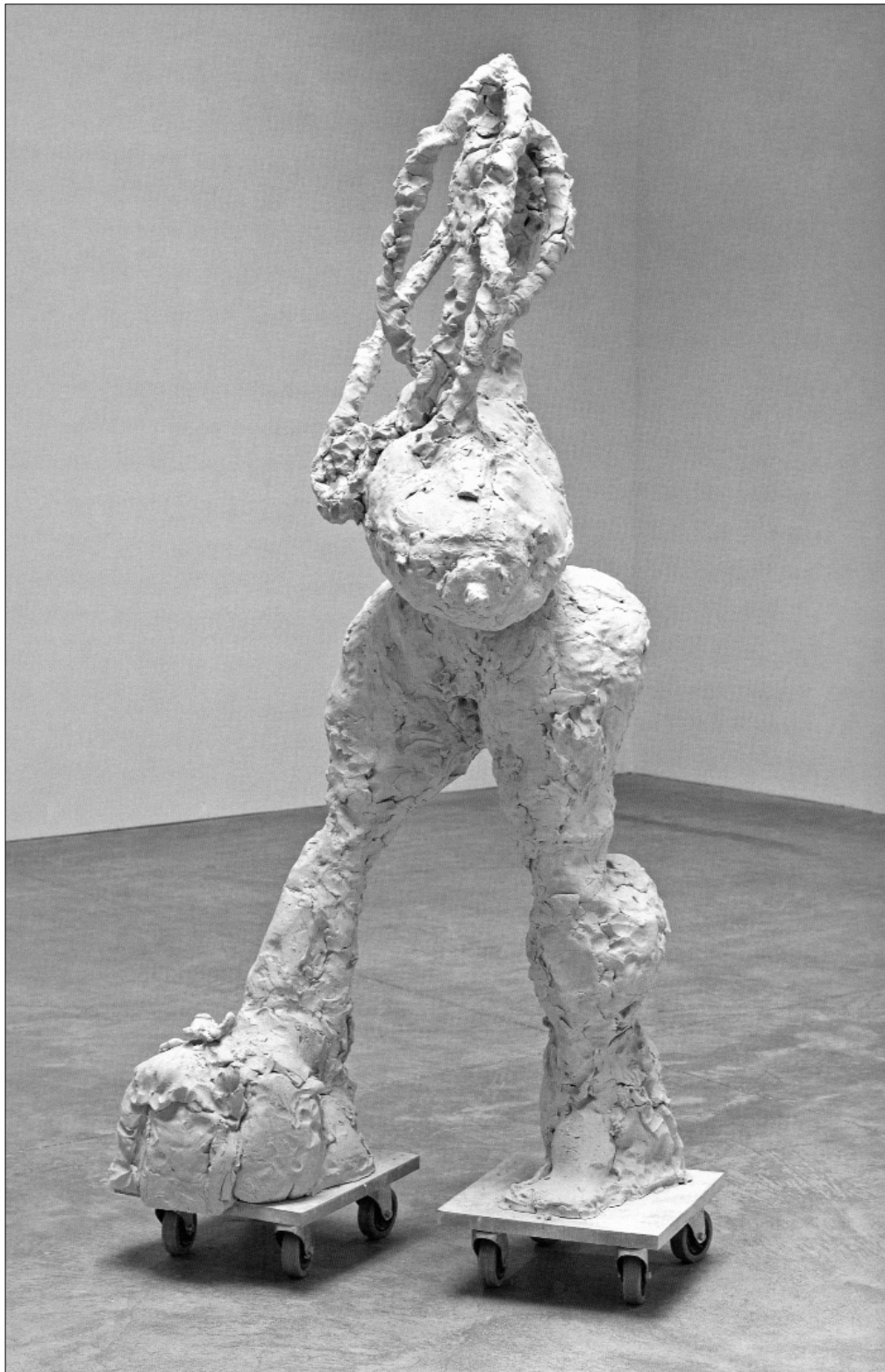
нувшись в свой кабинет с международных и внутренних форумов, с пресс-конференций и круглых столов, меняют одну голову на другую.

Это происходит, потому что в России существует большой невербальный пласт дискуссии о политике. Мы этих обсуждений не слышим, поскольку они не выходят за пределы закрытых комнат. Это дискурс, который не только не публичен, но и не может иметь публичного выражения. Участники этих споров наверняка между собой говорят и ведут жаркие баталии, но на поверхности в любом случае — молчание.

В обстановке развивающегося кризиса, который может перерасти в политический, разумный обмен сигналами нужно восстановить

Это молчание со стороны людей, влияние которых на политику несомненно. Их как будто бы нет, но их существование, как существование элементарных частиц, можно доказать, поскольку известны последствия их деятельности. «Партия», которая оказывает сильнейшее искажающее влияние на принятие политических решений в России, не имеет идеологии и повестки дня — это партия денег. Ее запросы невозможно сформулировать и представить на пресс-конференции, поскольку это требование денег, аргументированное близостью к власти. То, что новый федеральный бюджет, учитывающий кризисную реальность, до сих пор не готов — это свидетельство остроты спора между теми, кто выдает, и теми, кто умеет только просить. Эти люди убеждены, что именно их скрытыми решениями определяется реальная политика. С одной стороны, они убеждены в собственной значимости, с другой — делают то, о чем не принято говорить вслух. Вот они и не говорят. Публичную дискуссию они воспринимают как прикрытие. То, чем заполнены иностранные телеканалы и газеты — споры о том, можно ли государству помогать промышленности и как, — бессловесная часть государственного руководства воспринимает просто как словесную завесу, за которой и делаются настоящие дела. Они так думают, потому что сами поступают именно так. Политические руководители, начиная с самого премьер-министра, — те, для которых любое публичное обсуждение только прикрытие, — убеждены, что управление заключается в распределении активов и надзоре за тем, кто на какой собственности «сидит». Остальное — разговоры.

Нейтрализовать разрушительное влияние этой партии на положение дел в стране можно, только прекратив сбор заявок от «ходоков» в Кремль и Белый дом и вернув к жизни законные (а не понятийные) институты. Но сделать этого нельзя, не разорвав существующие коррупционные связи между бизнесом и государством. Разорвать эти связи можно, только поставив властную элиту под контроль общества, способного менять состав элиты. А по-настоящему менять состав элиты можно только в процессе подлинной политической конкуренции. Эта очевидная логика в официальном дискурсе остается табуированной. Выступлений на эту тему не бывает в расписаниях форумов с участием чиновников. Есть только не высказанное вслух осознание, что этот вопрос стал насущным.

Ребекка Уорен. Учитель. 2003

Оболочка и реальность

Дискуссия не развивается именно потому, что не считается решающей. Бессловесные вершители судеб презирают публичную дискуссию за то, что она — в их понимании — просто ширма. Это — разговоры, и пренебрежение к ним постоянно проявляется даже публично: парламент — не место для дискуссий, парламентарии могут работать, не отвлекаясь на выборы. Все это цитаты из выступлений лидеров правящей партии, тех, для кого публичная сфера и законные институты — часть оболочки, под которой находится собственно политическая реальность.

Можно предположить, что по отношению к оболочке и реальности различаются и два политических лидера сегодняшней России — премьер-министр Путин и президент Медведев. Медведев, как можно заключить из его выступлений и действий, был изначально поставлен отвечать за оболочку. За связи с общественностью, за публичное произнесение слов, за международные встречи, где опять-таки приходится говорить слова, за конституционные институты, за права.

Премьер-министр при этом остался на хозяйстве: он отвечает за то, что считает главным, то есть за отношения собственности внутри страны и ключевые геополитические решения вовне. Речь прежде всего о вступлении ближайших соседей в НАТО, об экспорте нефти и газа, о маршрутах трубопроводов и выстраивании (реальных, а не каких-то там публичных) двусторонних отношений с потребителями российского сырья. Те, для кого публичная сфера — ширма, не верят, что эта ширма вообще нужна, но раз уж она существует, то можно отдать ее на откуп молодому начальнику. Для «реального» начальства это просто прикрытие. Но это «прикрытие» тем не менее имеет все признаки государства. Здесь и конституция, и законы, и права собственности, и право на свободу слова и собраний и прочие «формальные» институты, которые отступают на задний план, когда в дело вступает реальное начальство, привыкшее действовать в рамках неформальных институтов — келейных решений и коррупционных сделок. Поединок между формальными и неформальными институтами, возможно, и определяет сегодняшнюю политическую реальность в России.

Пустые разговоры

Итак, пренебрежение публичной дискуссией, как часть пренебрежения законными институтами, приводит к неверию в эффективность дискуссии, в саму возможность влиять на что-либо, происходящее в стране. Общественный разговор представляется пустой болтовней, слова — заведомо никому не нужной суетой. И эта установка заразительна. По данным «Левада-центра», лишь 1% россиян уверены, что они оказывают влияние на политическую и экономическую жизнь страны, допускают такое влияние 9%; 87% его не замечают.

«Успех демократии зависит от того, как работает обмен сигналами, причем не только между народом и теми, кто стремится быть их выбор-

ными представителями, но и вообще между людьми», — пишет американский политик и общественный деятель Альберт Гор в книге «Атака на разум». Если граждане высказывают мнения и выражают эмоции, на которые долгое время не получают адекватного ответа, появляется чувство бессилия, ощущение, что тобой манипулируют. Гор уверен, что общества, не получая ответа «сверху», становятся несчастными и агрессивными, как дети, которые в младенчестве не получали эмоционального ответа от матери.

Односторонность коммуникации — только официально и только сверху вниз — приводит к распространению среди граждан чувства страха. Главное средство «атаки на разум» — телевидение, которое не способно слушать, а может только вещать, развлекать и продавать. Оно без труда заставляет граждан соглашаться с идеей газового давления на соседей, с необходимостью боевых действий в Грузии, с тем, что во всем происходящем в России виновата Америка. Избиратель и гражданин мог бы, наверное, возразить: ведь все мы каждый день видим, как мы живем и как у нас все работает. Прямая пропагандистская атака на разум дополняется чудовищными «юмористическими» передачами и шоу, дремучим оккультизмом и мистикой. Еще одно социальное лекарство — алкоголь бесплатно пока не поставляется, но доступность его всячески поддерживается. Все это средства ухода от осознанности, они позволяют жить в полусне.

Но сон общества, способный в случае резкого пробуждения перейти в жестокий бунт, пора осторожно прервать. Теперь, в обстановке развивающегося кризиса, который может перерасти в политический, разумный обмен сигналами нужно восстановить. С этим, судя по всему, согласна и правящая элита, и думающая часть общества. Элите, впрочем, нужно сделать шаг навстречу обществу и перестать воспринимать оппозиционные выступления как подрывные или маргинальные. Да, восстановление связи может привести к полной или частичной смене элиты. Но такой переход будет восприниматься как справедливый именно потому, что последует за восстановлением утраченного контакта.

Конечно в России ситуация резко отличается от той, что привычна демократическим странам. Там избиратели прислушиваются к оппозиции потому, что не считают смену правящей политической силы катастрофой. В тех странах, где смена правящей группы воспринимается как дестабилизирующий фактор, в оппозиционерах видят угрозу стабильности. Общество их не слушает и — в полном согласии с правящим режимом — считает маргиналами и даже изменниками.

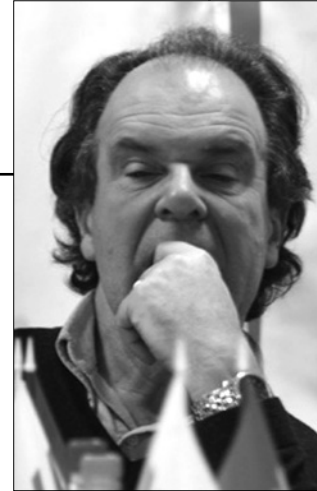
И это еще одна серьезная проблема общественной дискуссии в России: роль оппозиции в интеллектуальной дискуссии минимальна. С одной стороны, вклад жесткой оппозиции в критику действующего режима очень важен. Их работа (например, доклад Бориса Немцова и Владимира Милова «Итоги Путина»), вероятно, поможет открыть обществу глаза на все упущенные возможности этих уникальных лет. Но, с другой стороны, в направлении создания позитивной повестки дня оппозиционеры не очень продвинулись и в этом отношении уступают думающим «лоялистам». Но об этом позже. Проблема «своих» и «чужих» в политической дискуссии — тема следующей статьи.

Могут ли СМИ быть нейтральными, объективными и независимыми

Могут ли СМИ быть нейтральными, объективными и, самое важное, независимыми — это, по моему, коренной вопрос нашей профессии.

Существует два вида, или две формы существования средств массовой информации, то есть их много, но два основных. Во-первых, это когда государство, или правящая партия, что обычно, по сути, одно и то же, контролирует средства массовой информации. Другой вариант, когда этого не происходит. Когда газеты, телевидение и радио независимы от государства. Они принадлежат не государству, а, скажем, корпорациям, компаниям. Крайняя форма первого варианта — Северная Корея, Куба, Саудовская Аравия, где новости, телевизионные каналы, в основном отражают точку зрения государства или правящей партии. В некоторых случаях — полностью отражают их взгляды. Крайняя форма независимого варианта, наверное, это Соединенные Штаты. Здесь государственный контроль, вмешательство государства в деятельность средств массовой информации минимально.

Между этими крайностями существует много вариантов. Первый вариант, когда государство оказывает мощное влияние на средства массовой информации, как, например, в Китае. Что касается России, то тут многое поменялось за последнее время. Читатель может со мной не согласиться, но, по моему, сегодня государство в России существенно влияет на средства массовой информации, особенно на телевидение. Европейская модель немного отличается от американской — в том смысле, что практически во всех европейских странах вещательные структуры хорошо финансируются государством, как BBC в Великобритании, RAI в Италии, TF1 во Франции, но тем не менее их формат достаточно гибкий. BBC, например, не скажет, что ее контролирует государство, потому что финансируется она главным образом за счет специальных сборов с имеющих телеприемники.

*Джон Ллойд,
редактор «Файненшл Таймс»*

Соответственно двум моделям СМИ существуют две идеологии журналистики. Одна — так скажем, модель Ленина: средства массовой информации должны пропагандировать (образовывать), агитировать и организовывать. То есть не просто давать информацию людям, а учить их жить: что делать, как думать, что думать о будущем — и, разумеется, учить доверять государству, руководящей роли партии.

На другом полюсе — средства массовой информации, дающие общественности то, что она хочет получить: развлечения, новости, информацию о путешествиях, о моде, об автомобилях и т.д. Между двумя этими полюсами опять-таки существует множество вариантов, что связано с определенной этикой.

У нас, журналистов, есть общественный долг — информировать, анализировать, исследовать, расследовать и отвечать за эти действия. Мы имеем право задавать вопросы относительно общественных дел людям, которые управляют страной. Это наша обязанность, и мы имеем в этом определенные привилегии. Мы настаиваем, например, чтобы люди, которые находятся у власти, появлялись на телевидении, устраивали пресс-конференции, давали интервью, то есть мы видим себя как необходимый элемент демократического государства. И мы действительно неотъемлемая его часть, если, конечно, наряду со всем остальным, что мы делаем, — развлечения, мода, спорт, потребительские дела, мы проводим расследования, задаем власти трудные вопросы, даже если правительство или крупные корпорации не хотят на них отвечать. В этом, собственно, общественная значимость нашего существования.

Эта модель журналистики называется либеральной моделью, иногда давая ей определение англо-американской. По-

чему англо-американской? Просто англичане первые начали применять эту модель, американцы же, как всегда, пошли следом за нами. Но они основательно разработали достаточно агрессивную модель журналистики, которая держит власть в некотором испуге. Американцы разработали определенный стиль, систему, методологию интервью еще в конце XIX века. Раньше журналисты не брали интервью, а американцы даже приезжали в Европу, чтобы проинтервьюировать европейских лидеров, в том числе британских. Британские и другие европейские журналисты были в гневе: чертовы американцы приехали сюда и задают вопросы нашим лидерам! Это очень вульгарно, говорили они, это какая-то жуть. До этого журналисты, конечно, разговаривали с политиками и разными лидерами, а потом писали о них статьи на основе полученной информации.

Теперь интервью — основа нашей профессии: властям задают вопросы, и журналисты настаивают, чтобы им на эти вопросы отвечали. У них есть не просто обязанность занимать место в газете и развлекать людей, а общественно-демократическая цель.

Другое качество американской традиции начала прошлого века (это и к Европе относится, но в основном к Америке), ее суть в том, что журналисты должны быть нейтральными, объективными и независимыми. Они не должны просто отражать какую-то одну точку зрения. В XVII—XVIII веках журналистику практиковали в Великобритании, да и во Франции, в Италии, Испании, газеты практически всегда выступали с определенной позицией, отражающей некую политическую цель. Джон Милтон, например, крупный английский поэт, начал писать стихи достаточно поздно, ему было

Цуй Цзяньго. Мантия в наследство. 1997

уже за сорок, а до этого он занимался журналистикой и отстаивал антимо-нархическую позицию республиканцев. Британцы хотели избавиться от короля, им это удалось, но потом король вернулся и Милтон угодил в тюрьму... Кстати, Ленин организовал «Искру» для того, чтобы пропагандировать коммунизм, и он в этом деле здорово преуспел. Его точка зрения на журнализм была той же, что и в предыдущие столетия в других странах. Конец XIX — начало XX века принесли новую идею. Журналистика стабилизировалась, появились большие газеты, штатные сотрудники, родилась журналистская карьера. Тогда и возникла идея, что нужно информировать общество, не пытаться куда-то вести людей, а просто рассказывать им о том, что происходит в мире, и делать это объективно. Это и есть центральная идея современной журналистики — быть объективной, сбалансированной, нейтральной.

Если журналист пишет статью или выступает по телевидению с каким-то политическим анализом, он должен задавать вопросы и тем, кто слева, и тем, кто справа, должен спрашивать и либералов и консерваторов. Если речь идет о бизнесе, нужно задавать вопросы руководству компании, но нужно задавать их и представителям профсоюза, рабочим, то есть предлагать разные точки зрения и искать истину по мере возможности. Журналисты знают, как порою трудно докопаться до истины. Иногда это просто невозможно, потому что правда — это штука сложная и для выявления ее требуется время. Но пытаться открыть ее надо всегда. Приведу пример.

Российские журналисты после августовских событий в Грузии говорили и писали о том, что западные газеты, телевизионные каналы BBC, CNN и другие не объективно освещали эти события, потому что Запад заинтересован якобы в

вовлечении этой страны в НАТО. Что ничего не было сказано о грузинском нападении на Цхинвал, столицу Южной Осетии, но много говорилось об ответных действиях России.

Хотел бы сделать в связи с этим два замечания.

Почти все, что мы освещаем, вещи непростые, особенно войны. По собственному опыту знаю, что иногда очень трудно понять, что же происходит.

Многое зависит от того, где вы находитесь. Если вы работаете в городе, на который ведется наступление, беседуете с его жителями, очень легко совершить ошибку, потому что вы невольно им сочувствуете. Когда грузинские войска напали на Цхинвал, там было очень мало репортеров с Запада, и, судя по всему, вообще не было западного телевидения. Они не засняли грузинское наступление, и, конечно же, комментарии были в основном о российском наступлении на Грузию. В известной степени несправедливость произошла, что называется, случайно.

К тому же Россия такая большая, а Грузия маленькая. Отсюда явная тенденция стать на сторону меньшего, на сторону Давида, а не Голиафа. И это тоже сработало, тоже имело место. Однако скоро произошли дебаты о самой природе российско-грузинского конфликта, и позиция была скорректирована, точно уж на ВВС и в большой мере в печатных СММ. Эксперты по Кавказу на Западе, а их немало, пришли к выводу, что нападение было, прежде всего, со стороны Грузии.

Такая же сложная была ситуация с «непризнанными территориями». Хотя Абхазия и Южная Осетия после распада СССР юридически, согласно международному праву, оставались в Грузии, большинство людей, проживающих здесь, не желают быть грузинскими гражданами. Они предпочита-

ют быть или россиянами, или находиться в тесном союзе с Россией. Поэтому возникла весьма неловкая ситуация. С одной стороны — международное право, а с другой стороны — воля большинства. Все эти вопросы обсуждались, их освещали. Это не было, как часто в России представляется, однобокой подачей материала, но было связано со стереотипами времен холодной войны. Мы вернулись к такому положению, когда воспринимаем друг друга так же, как Советский Союз и Запад. Это ошибка, но для этого есть причины, которые имеет смысл обсуждать.

Мое второе замечание на этот счет: и российские, и грузинские журналисты комментировали события, руководствуясь своей собственной позицией. Это была война журналистов, как и военное противостояние. Очень важно не поступать так. Есть старая поговорка, что первой жертвой войны становится правда. Она всегда погибает первой. Очень трудно сказать: «Посмотрите, мы здесь ошиблись» или «Дело было не так». Но американцы во время войны во Вьетнаме сумели занять такую позицию. Американская журналистика сыграла большую роль в том, чтобы превратить вьетнамскую войну в непопулярную. И в конце концов президент Джонсон принял решение прекратить военные действия. Многие журналисты в Америке, Великобритании, в других странах Европы активно выступали против вторжения в Ирак. По-моему, журналист не обязан всегда быть слепо патриотичным, он всегда должен задавать вопросы. Но это не просто...

Говоря об ответственности журналистов, я часто повторяю, что это первые люди, которые записывают историю. История будет читаться в связи и с нашими публикациями.

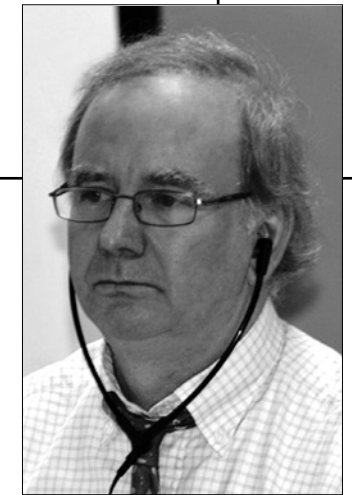
От миссии к блогам, социальным сетям и знаменитостям журналистики

Рассмотрим наиболее удивительные медийные инновации последних лет и то, как они будут развиваться в будущем. Но прежде о так называемом золотом веке журналистики, в частности информационного телевидения, на примере Великобритании.

Конечно, на самом деле никакого «золотого века» не было: когда сейчас британцы пересматривают новости или программы передач сорокалетней давности, они находят их достаточно скучными. Однако можно с уверенностью сказать, что в послевоенный период телевидение было наиболее влиятельным медиа, а наиболее сильным и примечательным руководителем Британской корпорации телевидения (ВВС) стал ее первый генеральный директор лорд Джон Рейт. При нем было заложено множество традиций, и по сегодняшний день по всему миру являющихся основой для хорошего репортажа. Он был суровым и надменным мужчиной. Ему принадлежит знаменитое изречение, что его работа состоит в том, чтобы давать людям не те программы, которые они хотят смотреть, а те, которые им нужны. Его ВВС выделялась среди радиальных и телевизионных станций уважительной и высокоморальной тональностью, тщательным изложением всех фактов при общем патриотическом настрое, отстраненностью от власти, но не враждебностью к ней. Серьезный вызов встал перед ним лишь тогда, когда в 1950-е и 1960-е годы были основаны новые независимые телеканалы.

В то время в Британии стал распространяться более легкий, развлекательный подход к телепрограммам, а также более живой и критический взгляд на текущие события, что привело к всплеску различного креатива, по меркам того времени инновационного и вдохновляющего. Журналисты и продюсеры разрабатывали новые технологии съемки событий по мере того, как они разворачивались, рассказывали личные истории и начинали спорить с позициями «людей, принимающих решения». Это было время первооткрывателей.

В 1970-е годы была установлена «дуополия», то есть монополия двух компаний — ВВС и телекомпания

Майкл Маклэй,
исполнительный директор
партнерства «Монтроуз»,
журналист
(Великобритания)

ITV — отчаянно конкурировавших между собой как на «серьезном», так и на развлекательном направлении и пытавшихся в рамках этой конкуренции выпускать все более и более умные, информативные и красочные информационные программы. Результатом такой конкуренции стал запуск целого ряда передач, ставших легендарными для британцев: «Панорама», «Эта неделя» и «Мир в движении».

Отдельно стоит отметить программу «Новости в десять» на ITV, заимствовавшую скорость и доступность американского новостного телевидения. В этом смысле конкуренция между каналами привела к реальному улучшению качества.

Тогда же ITV установила порог «общественного значения», который должны были преодолевать любые независимые коммерческие игроки, желавшие делать новостные и развлекательные программы на условиях франшизы. Параллельно ВВС установила у себя очень жесткие уставные требования по созданию громких и ответственных передач. В результате обе компании выпустили множество документальных расследований, напрямую затрагивавших интересы власти и бизнеса, расширенных интервью, опускавших политиков с небес на землю, и красочных изображений политической жизни, демистифицировавших «коридоры власти».

Именно в такой обстановке в 1970 году на свет появилась программа под названием «Мир по выходным». Щедро финансируемая, с достаточным бюджетом для производства серьезных киносъемок, перелетов специалистов по всему миру и оплаты оригинальных исследований, она гордилась своими спикерами-тяжеловесами, такими как престижный экономический комментатор Питер Джей и энергичный лейборист Брайан Уалден, может быть, самый замечательный парламентарий своего поколения. Но главной достопримечательностью «Мира по выходным» стала его «миссия разъяснить», принцип, подробно изложенный в свое время в статье Питера Джея и настоящего основателя этой программы, молодого инженера очкарика Джона Берта.

Смелая идея этой программы состояла в том, что в телевизионной культуре, где картинки, казалось бы, рассеивают внимание зрителя, они, однако, должны с помощью строгих последовательных сюжетов отправлять его в интеллектуальное путешествие, объединяющее все эти картинки и придающее им смысл. Середина 70-х стала временем, когда массовая аудитория впервые начала задумываться о связи между политическими событиями, например: арабо-израильская шестидневная война Судного дня в 1973 году — проблемы в энергетике — первый нефтяной кризис — местные британские события (у нас тогда проходили очень серьезные забастовки профсоюзов, которые в конце концов привели к смене правительства). Этот весьма дидактический подход требовал использования графики, заранее подготовленных интервью и круглых столов, целью которых была не поверхностная аргументация, а последовательное просвещение.

После того как эта формула была доработана, «Мир по выходным» развился в экстраординарное аналитическое орудие, еженедельно посвящавшее целый час телевизионного времени какой-то одной теме. Например, подъему монетаризма, сложностям социальной политики,

расцвету левого движения в Латинской Америке или снижению легитимности коммунизма в Восточной Европе. Это были большие, амбициозные темы. На протяжении 16 лет по понедельникам первополосные заголовки большинства утренних британских газет повторяли сюжеты, освещенные в воскресенье днем в «Мире по выходным».

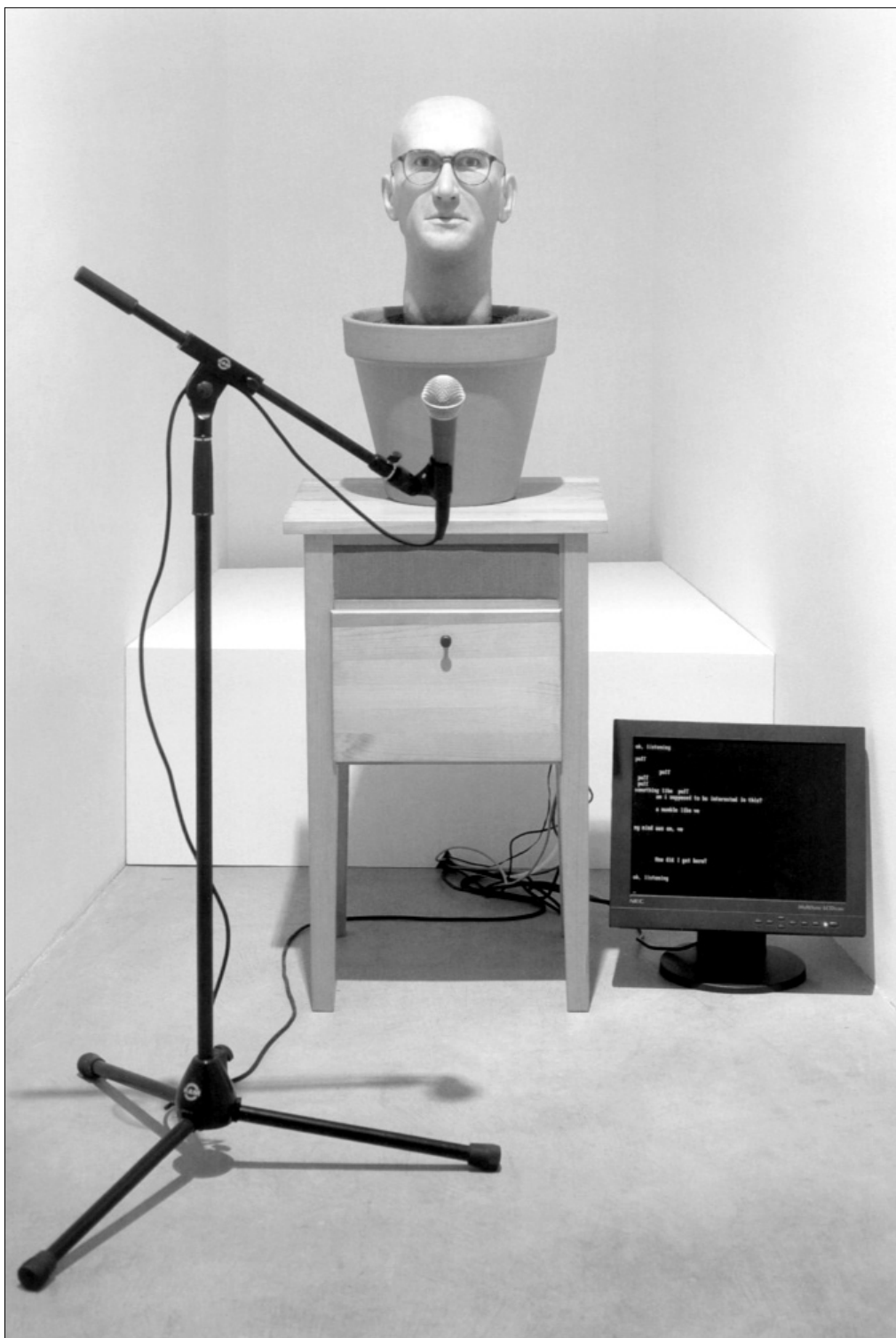
При этом передача продолжала быть столь же образовательной, сколь и оригинальной. Она играла серьезную роль в политике того времени, не в последнюю очередь благодаря фундаментальным интервью со всеми, начиная с премьер-министров.

Для меня было изнуряющим удовольствием работать в этом сумасшедшем доме на протяжении четырех лет в 1980-х. Такая работа требовала наибольшего интеллектуального напряжения из всех работ, которые я когда-либо выполнял. Причина, по которой я посвящаю столько времени описанию «Мира по выходным», заключается в том, что я хотел рассказать о некоторых принципах полностью независимой программы, еженедельно раскрывавшей какую-нибудь новую тему. Программы, задачей которой было постепенное понимание всех наиболее значимых деталей публичной политики. Программы, которая могла вовлекать газеты в общее дело объяснения сил и процессов, изменяющих общество. Средства массовой информации, которое могло заставить «людей, принимающих решения» объясняться перед гражданами.

Конечно, я преподношу немного идеализированную, субъективную версию участника этого проекта изнутри. На самом деле, у этой программы хватало своих слабых мест. У нее была ограниченная аудитория, и она была крайне дорога в производстве. Она выходила на независимом телеканале ITV, где к середине 1980-х годов перестали вкладываться в развитие качества из соображений экономии. Когда же в 1988 году канал был закрыт, это не принесло никому существенного вреда. Большинство журналистов ушли на ВВС, в частности, Джон Берт стал следующим генеральным директором ВВС. Конец «Мира по выходным» подвел черту под периодом, который я назвал «золотым веком».

Причины, по которым этот период закончился, достаточно очевидны. В мире произошли технологические изменения, появилось множество новых каналов и новых сетей, программы начали гораздо быстрее распространяться через кабель и спутник. Взаимоуважительная «дуополия» двух главных телесетей сменилась плюралистическим разнообразием, начало которому положил канал Sky TV Руперта Мердока. Причем, в отличие от старых каналов, новые были ориентированы не только на внутрибританскую аудиторию, но и на весь мир. Помимо технологических изменений широкое распространение получила коммерческая логика, согласно которой нужно стараться максимально уменьшать расходы на съемки, самое главное в программе — размер ее

Хорошие газеты широко используют Интернет, поддерживая и развивая, таким образом, свои бумажные версии

Кен Фейнголд. Ощущение погружения. 2001

аудитории, а количество новостных передач надо сокращать, поскольку они не обладают должным рейтингом. Главным же новшеством стал отказ от идеи лорда Рейта о том, что зрителей надо принуждать смотреть то, что для них полезно. Основным критерием отныне стало мнение масс, и если массы перестали интересоваться серьезными политическими телепрограммами, против этого стало трудно что-либо возражать.

При этом я не хочу сказать, что изменения, произошедшие в британском телевидении, привели к падению его качества. Высококласные серьезные передачи продолжают сниматься, правда, зачастую с участием иностранных партнеров. Новостные программы продолжают выходить, хотя изменился подход к их подготовке: Джон Берг устроил в каком-то смысле революцию на ВВС, призвав в освещении новостных сюжетов руководствоваться в первую очередь соображениями объективности, а не частными мнениями. Однако после того как там стали сокращать частоту выхода знаменитых передач прошлого, таких как «Мир в действии» и «Эта неделя», или урезать их время, как произошло с «Панорамой», сокращенной с 50 до 30 минут, телевидение стало терять свои позиции в качестве живой политической арены. Некоторые нововведения, продиктованные все более и более растущей коммерциализацией телевидения, пошли новостному сектору во благо, как, например, 24-часовые каналы или замечательные новости «Четвертого канала», претендующие на то, чтобы быть лучшим из продуктов, производимых ВВС. Однако основные новостные телепрограммы были смещены в сетке на более позднее вечернее время, а их содержание стало значительно более популистским, более ограниченным, менее международным. Освещение текущих событий по телевизору перестало определять политическую повестку дня, даже несмотря на то что телевидение осталось основным инструментом, через который политики доносят свои идеи до общества.

Забавным образом новая рыночная экономика, распространившаяся на телевидении и требовавшая заменять качество количеством, оказала также очень неплохой краткосрочный эффект на газеты, где развитие технологий позволило запустить несколько новых изданий, таких как «Индепендент». В это время я сам нашел свое место в газетном деле, поработав в редакторской должности в двух новых изданиях. И во многих смыслах этот поздний расцвет британской бумажной прессы продолжается до сих пор. Однако экономика даже такого издания, как «Файненшл таймс», свидетельствует, что газета, ориентированная на читателя только внутри страны, в настоящее время с трудом способна расплачиваться по своим счетам. «Файненшл таймс» имеет наибольший успех как международное издание с богатыми, образованными и «нишевыми» читателями по всему миру. Это хороший бренд, выпускающий несколько других продуктов, к которым я еще вернусь.

В основном же газеты, ориентированные на читателей внутри страны, испытывают сейчас серьезные проблемы. Все главные британские газеты, большие и маленькие, стали гораздо хуже распространяться в последние несколько лет. То же самое мы видим в США, где огромная ме-

диаимперия с богатой историей «Трибьюн», выпускающая в том числе газеты «Чикаго трибьюн» и «Лос-Анджелес таймс», просит защиты от банкротства. «Нью-Йорк таймс» находится не в лучшем положении. В континентальной Европе, от Франции и на восток, газеты также в беде. Нет никакого секрета, почему это происходит. Не из-за бесплатных газет и не из-за телевидения. Причина этого — Интернет.

Конечно, хорошие газеты широко используют Интернет, поддерживая и развивая, таким образом, свои бумажные версии. «Гардиан» и «Телеграф» в Великобритании, к примеру, обладают весьма компетентными и ежеминутно обновляемыми веб-сайтами. Однако никто не разработал правильную финансовую политику для веб-сайта газеты: должен ли он быть исключительно дополнением бумажной версии, или он должен конкурировать с ней, или, наконец, постепенно вытеснять ее? Поэтому все эти издания не уверены, нужно ли им вывешивать горячие новости сразу в онлайн или придерживать их до утра следующего дня, когда выйдет печатная версия газеты, чтобы вся слава досталась ей.

Финансовый прессинг сказывается и на качестве журналистики, потому что большинство газет так и не определилось пока, по какому пути им развиваться. «Дэйли телеграф», одна из наиболее твердо стоящих на ногах британских газет, не так давно потеряла двух своих лучших авторов, чьи статьи серьезно поддерживали уровень покупки этой газеты. На их место пришли значительно менее опытные сотрудники, однако способные выдержать 24-часовой цикл подготовки онлайн-заметок и съемок интернет-видео в дополнение к своей основной работе в бумажном издании. Они довели цифровую революцию до предела, решив (быть может, правильно), что их читатель интересуется исключительно поверхностной оболочкой информации.

Подобным же образом бюджеты газет более не предусматривают серьезного финансирования зарубежных корпунктов. В «золотой век» газет — используем этот спорный термин еще раз — у каждого серьезного издания была большая сеть зарубежных бюро. Больше этого нет. Теперь есть тенденция полагаться на стрингеров — как в случае со взрывами в Бомбее. Половина лондонских газет больше не держит в штате корреспондента в Москве, не потому что он будет востребован меньше, чем во времена холодной войны, а потому, что это стоит слишком дорого и находится слишком далеко. Для большинства целей используются сообщения информагентств. Таблоиды и газеты для среднего класса, ранее должным образом освещавшие происходящее в России, теперь в основном концентрируются на выходках русских олигархов в Лондоне. Увеличившийся интерес к жизни звезд, затронувший все средства массовой информации, означает, что теперь наиболее эффективным будет опубликовать большую фотографию Романа Абрамовича и Дарьи Жуковой в Лондонской галерее, чем детально рассказать, как Абрамович заработал свое состояние.

В то же время большинство «громких историй» в Великобритании до сих пор идет из газет. Однако одним из наиболее очаровательных последствий финансового кризиса стало появление бизнес-редактора BBC Роберта Пестона в качестве ньюсмейкера, не только вследствие его эксцентричных выступлений на экране, из-за которых он стал своего рода зна-

менитостью, но и благодаря его персональному блогу. В нем Роберт Пестон писал репортажи о кризисе до тех пор, пока его сенсационные рассказы действительно не начали двигать рынки. А если пересечь Атлантику, мы увидим, что в американской избирательной кампании по выборам президента чуть ли не все самые важные сюжеты тоже происходили из блогов или другой интернет-активности.

И в президентской кампании Джона Эдвардса, и в обсуждении кровавых высказываний Обамы о белой деревенской бедноте, и в опровержении рассказа

Хиллари Клинтон о том, что она якобы попала под обстрел снайпера в боснийском аэропорту в Тузле, блоггеры опережали бумажную журналистику. Но только во время последней выборной кампании в США Интернет достиг своего совершеннолетия. Эндрю Салливан, колумнист лондонского «Санди таймс» и одновременно один из наиболее читаемых американских блоггеров, как-то сравнил посещаемость своего блога (23 миллиона просмотров за октябрь 2008 года) и посещаемость газеты «Даллас морнинг ньюз» (12 миллионов просмотров). Чтобы понять динамику развития, надо сказать, что еще в октябре 2007 года у Салливана было всего 3,5 миллиона просмотров. Так что люди начинают получать информацию каким-то совершенно новым способом, и новости начинают влиять на политику также по-новому. Упомяну еще эксперта Московской школы Иена Дэйла, наиболее известного и продвинутого из наших блоггеров. Впрочем, и газеты также начинают активно работать в этом направлении. Так, посещаемость сайта «Нью-Йорк таймс» в три раза перекрывает посещаемость блога Эндрю Салливана. А «Файненшл таймс» превратила свою веб-продукцию (сайт, занимающий первую строчку в рейтингах посещаемости, блог, портал вечерних рассказов и пр.) в неотъемлемую часть собственного бренда.

Другим новшеством последней американской избирательной кампании стало активное использование социальных сетей, в частности групп и автономных сообществ в «Фейсбуке», предоставляющих экстраординарные возможности для оперативной мобилизации активистов. Обычно они создавались под конкретных кандидатов или процессы, самым известным из которых стало сообщество my.barakobama.com, однако можно было найти и замечательные сообщества рядовых активистов, такие как Daily Kos или myDD. Создание таких сообществ увеличивало оперативность распространения мыслей и идей, не говоря уже о новых возможностях для сбора средств, организации мероприятий и проведения собственных мини-кампаний в рамках общей кампании, которые предоставляли социальные сети. Впрочем, эти веб-кампании могли быть довольно легко атакованы конкурентами. Поэтому им еще предстоит разрабатывать новые кодексы поведения, определяющие, кто и на каких условиях будет получать право играть те или иные роли в тех или иных сообществах. Но уже сейчас, когда они выходили за рамки своих

Новые возможности донесения информации через блоги и социальные сети стали прекрасной опорной точкой для нашей демократии

сообществ, неважно в виде ли коротеньких историй, появившихся на YouTube, или жалостливых выступлений ветеранов войны в Ираке и людей, лишившихся работы, они демонстрировали потенциал Интернета для развития гражданской журналистики. Точно так же интерактивность стала неотъемлемой компонентой и для телевидения, например для разнообразных ток-шоу, где зрители сами определяют, кто из участников лучше танцует, поет или просто лучше выглядит. Так что избиратели теперь имеют гораздо большее право голоса, чем у них было раньше, когда им приходилось ограничиваться приватными кабинками для голосования.

Мне кажется, что гул новых голосов в Интернете пока еще не может заглушить потребность в повествованиях, сделанных профессионалами. По забавному стечению обстоятельств именно Джон Берт, создатель «Мира по выходным», будучи генеральным директором ВВС, сделал очень большую ставку на Интернет. В результате ВВС стала ведущим игроком на очень большом количестве сегментов Интернет-рынка. Например, основным источником информации для британских студентов, политиков, ученых, бизнесменов и просто граждан сейчас является новостной сайт ВВС, а страницу ВВС в качестве домашней использует самый большой процент британских пользователей Интернета.

Если же говорить о современном телевидении вообще, то даже сейчас, когда аудитория принимает интерактивное участие в передачах, объем зрительского внимания достаточно низок, а передачи типа «Мира по выходным» практически невозможны, вполне реально создавать серьезные и конкурентоспособные программы. Так, например, своеобразный и харизматичный мэр Лондона Борис Джонсон недавно снял интеллектуальный двухсерийник про ислам и Запад, очень симпатичный шотландский профессор Нил Фергюссон — серию тематических передач про роль денег в мире экономики (успев как раз к экономическому кризису), а еще один прекрасный ученый Беттани Хьюз — живые и интеллектуальные передачи про древнюю Спарту. Во всех этих великолепных передачах, как и в некоторых других, можно уловить некоторый общий фактор — это, конечно же, фактор знаменитости, который я критиковал ранее. Изысканный, оригинальный и продуктивный анализ сейчас получается, только если подобрать правильного ведущего, найти подходящий стиль, а также дать зрителю ощущение, что эта передача является «событием» в мире телевидения. Теперь не обязательно в каждом сюжете находить героя, новыми героями становятся сами телеведущие.

И наконец, новые возможности донесения информации о текущих событиях — через блоги и социальные сети — стали прекрасной и обнадеживающей опорной точкой для нашей демократии. Гражданская журналистика производит кучу банальностей, но и здесь можно отыскать много ценного. Мы видим новые политические сети и сообщества, создающиеся вне наших стран. Со временем мы будем видеть все больше и больше русских комментаторов, переворачивающих с ног на голову британские интерпретации американских блогов.

*Перевод с английского
Александра Шмелева*

Децентрализация и формирование устойчивых местных сообществ

*В этом мире ничего не станет
действительным, если оно не станет
действительностью на местном уровне.*

Г. Честертон

Постиндустриальное общество и децентрализация

В эпоху становления постиндустриального информационного общества и глобализации экономики, политики, социальной жизни институты государственного и общественного управления вынуждены приспособляться к происходящим изменениям и искать новые формы и методы работы с местными сообществами.

Выступления экспертов на третьем Летнем университете демократии в Страсбурге показали, что в странах Евросоюза большое внимание уделяется местному самоуправлению и широкому общественному участию в решении местных проблем. В Евросоюзе говорят о «soft and hard power» — о мягкой и жесткой (централизованной) власти. Местное самоуправление (МСУ) — это форма мягкой власти, когда к процессу принятия решений привлекаются жители территории проживания*.

Самоуправление развивается благодаря децентрализации власти в процессе делегирования местным сообществам полномочий по формированию органов управления и регулированию жизни территорий. Интересы муниципальных образований рассматриваются при этом как равноправные, а не подчиненные государственным интересам.

Децентрализация власти дает возможность теснее увязать публичные услуги с местными потребностями и создать более ответственную систему местного управления. Те, кто принимает решения, видят их результат, что позволяет точнее оценивать реальные последствия решений, способствует более эффективному распределению ресурсов и удовлетворению общественных интересов и каждого человека в отдельности, благодаря чему граждане могут увидеть

*Лилия Храмцова,
председатель совета
городской общественной
организации
«В будущее вместе»
(Новосибирск)*

* См.: *Third Summer University for Democracy «Governance, power and democracy»*, July, 2008. Council of Europe, Strasbourg.

непосредственное их воздействие на свою жизнь и получить мотивацию для участия в общем процессе управления.

Негативный момент децентрализации состоит в том, что местное самоуправление часто испытывает трудности в связи с отсутствием достаточного опыта администрирования и из-за слабого контроля со стороны общественности. Кроме того, децентрализация может уменьшить возможности перераспределения ресурсов между разными частями страны.

Тем не менее очевидно, что в постиндустриальном обществе децентрализация власти и местное самоуправление будут развиваться, хотя в российских условиях столь же очевидна необходимость в его структурной модернизации не только для обеспечения действия конституционных принципов организации публичной власти, но и для того, чтобы вовлечь население в решение региональных, локальных проблем.

Роль институтов гражданского общества в формировании местных сообществ и развитии местного самоуправления

Важную роль в формировании и развитии местных сообществ играют институты гражданского общества, являющиеся основой местного самоуправления.

В постиндустриальных странах на принятие властных решений заметное влияние оказывают транснациональные, национальные, местные неправительственные организации (НПО), активно участвующие в решении проблем здравоохранения, общего развития территорий, образования, защиты окружающей среды и т.д. НПО представляют собой организованные группы населения, четко идентифицирующие себя с целевыми сообществами граждан, интересы которых они защищают и реализуют.

Мировая практика показала, что можно резко повысить эффективность местного самоуправления, передав часть его функций некоммерческим организациям. Выяснилось, что это дешевле, проще, качественнее, не говоря уже о вовлечении все большего числа людей в социально полезную деятельность.

Каково же состояние дел в российском обществе? Насколько готовы наши местные власти, местные сообщества, российские НПО к новым реалиям жизни? Что такое местные сообщества в наших российских условиях?

Грустная констатация состоит в том, что в настоящее время в России институты гражданского общества не играют практически никакой роли в модернизации местного самоуправления. Это обусловлено как сопротивлением властей, которые явно не заинтересованы в участии общества в своих делах, так и отсутствием мотивации самих структур гражданского общества. Они слабо интегрированы в процесс принятия решений, и это в немалой степени проблема самих НПО.

Характер российских общественных организаций довольно неоднороден. Например, организации федерального уровня в большинстве своем занимаются анализом федеральных общественных проблем, государственной политики и выработкой соответствующих рекомендаций. Сюда же относятся разные фонды и ресурсные центры, которые являются посредниками между донорами и низовыми общественными организациями. Большая часть сотрудников таких организаций — эксперты из преподавательской и научной среды, бывшие политические деятели и чиновники разных уровней. Такие организации имеют слабую связь с населением, ориентируясь прежде всего на государственные органы власти. Их помощь в развитии местных сообществ может заключаться в разработке методологических мате-

риалов и продвижении нормативно-правовых документов.

К этой же группе можно отнести межрегиональные НПО, которые уже давно не работают напрямую с низовыми общественными структурами и больше занимаются консалтинговой деятельностью. В результате уровень доверия общественных организаций к ним снижается.

Вторая группа неправительственных организаций включает организации регионального и муниципального уровня. Большая часть их занимается социальной работой: помощью инвалидам, больным и т.п., то есть конкретными узкоспециальными вопросами (например, реабилитацией инвалидов). Такие организации, безусловно, выполняют большой объем нужной работы, но едва ли можно ожидать от них решения крупных насущных проблем общества.

В регионах есть организации, созданные по территориальному признаку, — жилищные НПО, товарищества собственников жилья, органы территориального общественного самоуправления (ТОСы) и другие. Они создаются при поддержке местных властей, и их деятельность заключается в представлении и реализации локальных интересов населения (починить крышу, обустроить двор и др.), хотя предполагалось, что через “дворовую” активность люди выйдут на уровень более широкого участия в управлении территорией. Увы, этого не произошло. Для ТОС и иных жилищных НПО главный вопрос — это вопрос кадров. Большинство активистов ТОС — люди предпенсионного и пенсионного возраста, они не обладают необходимыми навыками управленческой работы, мобилизации населения.

Кроме этого, деятельность региональных и муниципальных НПО существ-

венно осложняется из-за истощения источников финансирования по сравнению с девяностыми годами, связанное прежде всего с постепенным уходом из России иностранных фондов и

В России институты гражданского общества не играют практически никакой роли в модернизации местного самоуправления

началом государственного финансирования НПО. В регионах и на муниципальном уровне постепенно развивается опыт грантов и социального заказа. Однако процесс получения бюджетных средств некоммерческими организациями носит недостаточно открытый, коррупционный характер, в него вовлечено незначительное число организаций. Больше других страдают при этом небольшие организации, непосредственно оказывающие помощь нуждающимся людям или способствующие развитию взаимопомощи граждан.

Среди организаций, финансируемых властью, — прежде всего общества ветеранов войны и труда, инвалидов и т.п. Перечисление денег осуществляется на проведение ими в основном организационных мероприятий и предоставление социальной помощи. Контроль за деятельностью этих общественных организаций также затруднен ввиду неопределенности обязательств их членов. В последнее время в регионах создаются организации так называемого общего развития. Их количество невелико и, как правило, они тоже связаны с органами власти. Такие организации создаются прежде всего для получения федеральных и иных финансовых поступлений (например, гранты Общественной палаты при Президенте РФ). Благодаря деятельности таких НПО «построение гражданского общества» превратилось в хорошо оплачиваемый

Моника Сосновска. Входная дверь. 2003

бизнес: надо только иметь хорошие отношения с руководством области и уметь писать заявки.

Негативным моментом существования таких организаций является то, что:

— они стягивают большие ресурсы, которые идут в регионы «на построение гражданского общества и развитие местных инициатив»,

— социальный эффект от их деятельности невелик,

— постепенно возрастает недоверие населения к другим общественным объединениям.

Таким образом, сегодня на местном уровне так и не возникли институты и организации гражданского общества, которые могли бы представлять интересы граждан и мобилизовать население на территории проживания для решения действительно актуальных проблем.

Развитие местного сообщества

Организация местного самоуправления. Оптимальной, на мой взгляд, следует считать такую организационную структуру муниципальных властей, которая позволяет при решении проблем максимально учитывать интересы и мнения местных сообществ.

При этом подчеркну, что территориальное общественное самоуправление не заменяет территориального муниципального управления. Муниципальное управление как деятельность, осуществляемая профессиональными служащими, имеет свою цель — организацию производства, размещения и развития производительных сил. Поэтому имеет смысл развивать общественные структуры на уровне местного сообщества в более широкой форме, которую закон не запрещает. Общественные структуры, которые люди могут сами создавать на уровне местного сообщества, это и есть общественное самоуправление.

Но для этого необходимы радикальные меры, чтобы ситуация повернулась в сторону инициативных граждан и активных НПО. А именно — реорганизация существующих отделов по связям с общественностью и отделов по делам молодежи в муниципальных органах власти, учитывая, что разовые мероприятия, которые они организуют (круглые столы, форумы, конференции), проводятся в основном ради отчетности. Поэтому предлагается закрыть эти отделы, а высвободившиеся ресурсы (помещения, оргтехнику, деньги) использовать для создания Центров местных сообществ, где могут работать представители местных НПО. Для поддержания работы Центра нужны 2–3 ставки. Далее вместо отделов по связям с общественностью и по делам молодежи может быть создан Общественный совет территории, куда включаются представители всех местных НПО, а также депутаты и их представители, который в свою очередь выбирает оргкомитет на оплачиваемой основе на срок не более одного года. Члены оргкомитета — это социальные антрепренеры или модераторы на территории проживания. Их функция — проведение мероприятий с вовлечением населения данной территории, а также выявление местных проблем и внесение предложений по их решению. Совместное планирование легче осуществлять на уровне сообщества, где личному общению или взаимодействию не мешает расстояние. Это позволит полнее учитывать интересы разных групп и, следовательно, повысить качество принимаемого решения. Ежегодная ротация позволит при этом всем представителям местных НПО поработать в оргкомитете, участвуя в проведении мероприятий на уровне местного сообщества и реализуя определенный набор социальных технологий, которыми владеют их организации.

Важно установить процесс, гарантирующий подотчетность и ответствен-

ность оргкомитета перед местным сообществом. Регулярная смена оргкомитета поможет вовлекать в процесс принятия решений все большее число жителей. Оргкомитет должен проводить отчетные встречи и в идеале они должны заканчиваться четким решением по поводу дальнейших действий. Деятельность Общественного совета можно считать эффективной тогда, когда озвученные общественностью проблемы войдут в повестку работы лиц, принимающих решения по бюджету, а заявленные потребности определенных социальных групп будут учитываться при принятии решений.

Важным направлением формирования благоприятной атмосферы для развития общественного самоуправления является создание соответствующей информационной среды: информирование населения о планах и программах, принятых и реализуемых муниципалитетом и Общественным советом, о возможности участвовать в этих программах, планах, проектах. В каждом местном сообществе должен присутствовать минимальный набор информационных атрибутов эффективного информирования: свой сайт, местная газета, наличие «обратной связи» с населением.

Предложения по финансовому обеспечению деятельности местного сообщества. Органы местного самоуправления являются структурой, оказывающей муниципальные услуги населению с учетом разнообразия потребностей данной территории. Практика показывает, что МСУ не может эффективно решать вопросы местного значения, так как должно учитывать социальные и политические факторы.

Между тем муниципальные органы власти могут полностью отказаться от обязательств по предоставлению муниципальных услуг. Управление муниципальными службами (ЖКХ, строительство и т.п.) может осуществляться как

управление коммерческими проектами, что повысит их эффективность. Социальные и политические составляющие работы органов местного самоуправления следует перенести в целевые программы. Сделать это органы местного самоуправления могут с помощью муниципального заказа. МСУ следует оставить за собой право устанавливать стандарты, определять условия, нести ответственность за заключенные контракты. В результате этого снизятся неэффективные траты.

Большую роль в сфере оказания услуг и выполнения социального заказа может сыграть развитие сектора негосударственных организаций социальной направленности, работающих на уровне местного самоуправления. В этом случае социальная политика получила бы шанс осуществляться усилиями большинства граждан, их объединениями и НПО, а не муниципальными служащими при пассивности большинства граждан, как это происходит сейчас. Переход к этому невозможен без внедрения современных методов оценки деятельности социальных служб и внедрения целевых социальных программ в повседневную практику региональных и муниципальных органов власти.

В настоящее время ведущая роль в формировании целевых программ принадлежит муниципальной администрации, поскольку за ней закреплено право отбора проблемы и принятия решений о разработке программы, утверждение заказчика, осуществление реализации и организации контроля над исполнением.

На мой взгляд, решение конкретных локальных проблем возможно через формирование и реализацию целевых программ, разработанных Общественным советом (о чем говорилось выше), который представляет местное сообщество. Целевая программа по решению социальных и иных проблем дан-

ной территории должна стать продуктом «общественного согласия», основанным на поддержке всего местного сообщества. Это позволяет в полной мере использовать интеллектуальный и организационный потенциал муниципального образования, а также обеспечивает легитимность программы, ее устойчивость во времени и независимость от смены муниципальной власти. Целевые программы, разработанные при участии общественности, могут быть важным аргументом и поддержкой для муниципальных властей при получении финансирования из регионального бюджета. Если люди сами разработали программу, то они будут участвовать в ее исполнении, а значит, контролировать финансовое обеспечение программы. Принятые региональные законы «О целевых программах» позволят на основе конкурса вовлекать НПО в реализацию целевых программ.

Для эффективной их реализации необходимо разработать и закрепить решением представительного органа местного самоуправления критерии отбора разработанных программ исходя из оценки их общественной значимости и общественной полезности. Методика отбора проектов может быть основана как на количественных, так и на качественных критериях их оценки.

Решение кадрового вопроса. Кадры решают все, особенно когда стоит вопрос о реальной децентрализации.

Консолидация и общественная активность граждан зависят от хорошего руководства. Лидеры должны уметь справиться с многочисленными задачами: от организации работы на уровне местного сообщества до проведения собраний и лоббирования интересов. Местным активистам нужно внедрять новые формы работы в местном сообществе. Одно из главных направлений — установить каналы коммуникации с населением. Обращение к людям с вопроса-

ми о том, что они думают, что для них важно и что они хотят делать — путь вовлечения людей в процесс. Даже в малоимущих сообществах люди не любят, когда кто-то за них решает, в чем они нуждаются и как они должны думать. Необходим диалог, действия, направленные на расширение общественных полномочий и развитие гражданственности.

Практика показала, что активисты с хорошим уровнем знаний и массовой поддержкой населения являются более успешными специалистами, чем профессиональные служащие. Низкая профессиональная компетентность муниципальных чиновников практически всегда сводит на нет все действия обществественности, так как бюрократия по определению не способна реформировать себя.

Наши предложения:

В муниципальные органы власти надо привлекать молодые кадры, которые имеют опыт работы в общественных организациях. А для этого необходим доступ к вакансиям в муниципальных органах власти для желающих претендентов. Все процедурные мероприятия в процессе проведения конкурса на вакантную должность должны публиковаться на сайте администрации.

Необходимо ввести правило, согласно которому каждый муниципальный служащий обязательно должен отработать 1–2 месяца в год в профильной общественной организации, чтобы он узнал нужды и потребности местного сообщества, что позволит ему в дальнейшем принимать взвешенные решения.

Необходимо проводить кадровую ротацию для органов любого уровня муниципальной власти. Это уменьшит потенциал административного ресурса. Периодичность ротации и все требования как к претендентам, так и к лицам, исполняющим соответствующие обязанности, должны быть установлены законодательно и опубликованы.

Лорд Джастис Мозес,
судья Апелляционного суда,
Лондон

Верховенство права и независимость судебной системы

Начну с того, чем я занимаюсь. Я работаю в Апелляционном суде Великобритании. По своему статусу этот институт чуть ниже палаты лордов. Начинал я адвокатом: выступал в суде, зарабатывал на хлеб тем, что защищал преступников, иногда работал на правительство, иногда против него, защищал интересы пожилых дам, которые, скажем, упали с лестницы или в какую-нибудь яму, иногда работал на страховые компании.

Судьей я стал в пятьдесят лет, когда начал работать в суде высшей инстанции, где вел уголовные и гражданские дела. Сейчас выслушиваю апелляции от судей по гражданскому и по уголовному праву.

Много времени я уделял делам, о которых как раз и собираюсь рассказать. Они имеют отношение к тому, что мы называем судебным анализом, то есть когда судья рассматривает административные решения, принятые исполнительными структурами, — на уровне национального или местного правительств.

Мы, в Великобритании, считаем, что существует три органа управления: парламент, создающий законы, исполнительная власть, которая их реализует, и судебная власть, которая их толкует. При этом судьи, разумеется, могут быть обвинены в том, что они искажают закон, когда его интерпретируют, скажем, кого-то обвиняют за нарушение прав человека. Действительно, те, кто занимается законотворчеством, имеют свои полномочия, а те, кто толкует, — свои. И эти власти должны быть отделены одна от другой. Именно это мы имеем в виду, когда говорим о разделении властей. Границы между властями должны уважать обе стороны. Хотя всегда возникают сложности при обсуждении того, где и как провести соответствующую границу и кто ее будет проводить. Всегда существуют конфликты между избранниками народа, администраторами и судьями. Это представляет собой один из наиболее интересных предметов в современной британской политике.

Кто же эти судьи, которые как бы навязывают стандарты эффективного администрирования? Которые проверяют законность положений, одобренных депутатами парламента, избранными народом.

Парламент интересен тем, что закон может быть принят, а может быть и заблокирован большинством голосов. В Великобритании голос народа услышать очень трудно, разве что раз в пять лет на выборах. Но парламент, по крайней мере в теории, подчиняется людям, он ответствен перед ними, чего нельзя сказать о судьях. Их не избирают и их нельзя забаллотировать или уволить с занимаемой должности. Они никому не подотчетны. Откуда же их полномочия? Ведь нет закона, который гласит, что вы должны подчиняться закону. Как и не существует закона, который говорит, что вы должны подчиняться судьям. Перед законом равны все. Откуда же полномочия у судей?

Я думаю, они проистекают из двух базовых принципов. Во-первых, существует верховенство права. Во-вторых, это верховенство зависит от независимых судей, которые должны воплощать его в жизнь. Независимость судей защищается тем, что им достаточно платят и ограждают от какого-либо вмешательства в их деятельность. От них не отмахнешься. Чтобы их уволить, нужно соответствующее голосование в палате лордов. Но этого никогда не происходит. Им нечего бояться, когда они принимают решение.

Но не нужно слишком этим гордиться. Никто ведь толком не знает, что такое верховенство права. Мы используем это понятие, но толковать его очень сложно. В 2005 году наш парламент принял новое законодательство, касающееся конституционной реформы. В первом его разделе говорится, что оно не влияет на существующие конституционные принципы, связанные с верховенством права. А в третьем разделе — что гарантируется независимость судебной системы, но определения верховенства права нет. Пришлось поэтому обратиться к одному уважаемому профессору, чтобы он объяснил, что это значит. И он произвел очень длинный документ, в котором говорилось о разных принципах, на которых основано верховенство права, и как его опознать. На мой взгляд, наиболее важный из этих принципов, и я уже о нем сказал, это равенство граждан перед законом. Закон применим ко всем, и у всех должен быть равный доступ к закону без дискриминации.

Нам, в Великобритании, еще предстоит многое усовершенствовать, учитывая, что часто только богатые люди имеют доступ к судам.

Еще один важный аспект: правительство и официальные лица на всех уровнях должны законно реализовывать свои полномочия, свою власть, то есть должны действовать в соответствии с нормами и стандартами, которые предлагает им закон. Что это за стандарты?

Прежде всего, люди власти не должны выходить за пределы своих полномочий и обязаны осуществлять их для тех целей, которые были им предписаны. Кто принимает решения, здраво ли действуют правительство и официальные лица? Кто решает, что они действуют за пределами своих полномочий? Судьи! Они проверяют правильность реализации полномочий власти. Они применяют правовые стандарты, и именно их независимость дает им такую возможность. Они вступают в конфликт с политиками и официальными лицами, если это необходимо. Приведу пример недавних конфликтов. В некоторых частях Англии, где случаются насильственные действия, свидетели боятся давать показания против преступников. Свидетели, когда полицейские спрашивают

Кики Смит. Гарзия. 2001

ют их, дадут ли они показания, тут же задают встречный вопрос: это будет анонимно? Полиция гарантирует такую анонимность: не беспокойтесь, вы дадите показания, скажем, искаженным голосом за ширмой. Но в палате лордов заявили, что это обещание анонимности незаконно. Если вы хотите изменить закон, то это не в компетенции полиции, это должен сделать парламент.

Такие и иные конфликты возникают потому, что Великобритания сейчас боится террористов, и правительство справедливо полагает, что его первая обязанность — защита людей. Для этого нужно, мол, ограничить гражданские свободы с тем, чтобы отражать угрозу национальной безопасности.

Более того, оно хочет использовать при задержании подозреваемого в преступлении человека доказательства, которые были получены в результате пыток. Все мы знаем или слышали о взрывах в поездах или в метро. Если, допустим, ваш брат или сестра, или собственный ребенок находился в это время в таком поезде и погиб или был ранен, как вы будете себя вести? Если пытка — единственный способ узнать, где подложена бомба и когда она взорвется, вы ведь тоже будете за применение пыток? Точно так же считают многие политики. А судья говорит: нет, если вы ограничите и скомпрометируете гражданские свободы из-за террористических угроз и кризисов, то приучите людей жить с подобными ограничениями и в мирное время, поскольку правительство редко восстанавливает свободы, которые были утрачены. Не следует, как сказал мне один американский судья, писать законы, когда вы в слезах. Следовательно, судьи обязаны защищать основные свободы, применяя принцип верховенства права, контролируя злоупотребления властными полномочиями.

В Великобритании был философ, который однажды понял это. Понял еще в 1690 году. Это был Джон Локк. Он утверждал: там, где кончается право, начинается тирания. А Томас Пен, тоже англичанин, ненавидевший тиранию, говорил: закон — царь, и другого царя не надо.

Превышение власти, избыточная власть всегда посягают на свободу, что подрывает возможность граждан получить доступ к защите закона и мешает выносить решения независимому суду. Поэтому подлинная независимость предполагает, конечно, прежде всего свободу от коррупции. Именно коррумпированные судьи подрывают верховенство права.

Коррупция может принимать самые разные формы. Порой не столь очевидные, как, например, предложение взятки. Подкуп судьи — это самое простое. Но есть и другие формы влияния, когда возникают опасения, страх, что объективное решение обернется для участников процесса некой угрозой. Все эти факторы, по сути, и лишают человека, на которого возложена ответственность принимать решения, свободы действий, независимости, принуждают его подчиниться воле другого человека и в конечном итоге вообще лишает суды независимости.

Судебная система должна защищать независимость всех, кто наделен правом принимать решения, включая судей. На первый взгляд, после сказанного выше, это кажется очевидным. Я тоже так думал, но ошибался. Сошлюсь еще на один пример.

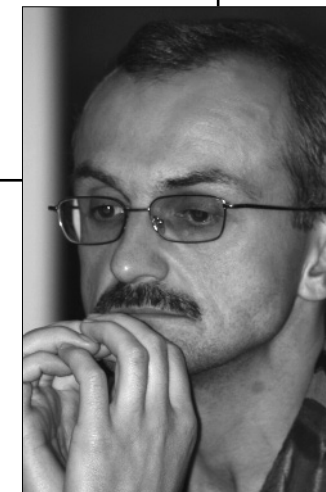
В Англии в свое время был принят закон, согласно которому даже предложение взятки сотруднику другой компании, с которой вы ведете бизнес, является уголовно наказуемым преступлением. Но недавно, а именно в 2002 году, мы вошли в международный договор, по которому наша страна согласилась, что будет применять этот закон и в отношении иностранных государственных чиновников и служащих, а также иностранных граждан. То есть мы согласились проводить расследования и подвергать преследованию этих людей даже в тех случаях, когда Великобритания может понести дипломатический или коммерческий урон. Так вот, директор бюро по серьезным мошенничествам решил расследовать дело, в котором утверждалось, что в британском офисе по авиационным и космическим технологиям была попытка подкупить служащего по происхождению из Саудовской Аравии. Нужно сказать, что эта страна покупает самолеты, которые производятся в Великобритании, и от этого зависят рабочие места и благосостояние многих людей. Но директор бюро тем не менее начал расследование в отношении принца Саудовской Аравии, который был замешан в этом деле, что, естественно, саудовцам не понравилось. И они стали угрожать Великобритании, что не просто не перезаключат контракт о следующей запланированной закупке самолетов, а вовсе прекратят сотрудничество, в том числе и по вопросам разведки. Великобритания же очень зависит от разведанных, которые предоставляет Саудовская Аравия. Короче, когда саудовцы настояли, чтобы расследование было прекращено, одна из организаций, занимающаяся противодействием коррупции, обратилась в суд. Я был судьей в этом деле и сказал, что незаконно прекращать расследование, что Саудовская Аравия не имеет права угрожать нашим прокурорам и судьям. Но я ошибся. Нет, сказала палата лордов, которая иногда исполняет функции Верховного суда, нельзя рисковать тем, что с нами перестанут сотрудничать. Как видите, даже полномочия самого суда иногда ставятся под сомнение.

И еще нечто важное о судьях. В некоторых странах судьями становятся бывшие сотрудники прокуратуры, полиции, службы безопасности. По нашему же мнению, это недопустимо: ни в коем случае нельзя позволять прокурорам и следователям, представителям власти становиться судьями. Наши судьи набираются из числа независимых адвокатов, которые уже заработали репутацию в качестве таковых. А если, скажем, вы работали прокурором, то должны потом много лет проработать в качестве независимого юриста, прежде чем вам разрешат стать судьей. Потому что в прокуратуре, в силовых ведомствах у человека формируется определенный образ мышления, мешающий ему, когда он становится судьей, быть объективным, то есть склонным уважать права человека и его достоинство. Он должен преодолеть в себе обвинительный уклон, сформировавшийся в процессе прежней работы, и научиться уважать презумпцию невиновности. И тогда он получает право на самостоятельность суждений, невмешательство в ведение его дел, доверие общества и государства. И его права защищаются. Только так может быть реализовано верховенство права в интересах всех граждан страны.

Виктор Обнинский и Союз освобождения

Давно мне хочется рассказать об одной забытой организации, сыгравшей заметную роль в истории нашей страны, о людях, стоявших у ее истоков. Речь идет о нелегальной политической организации либеральной российской интеллигенции «Союз освобождения», который был образован 105 лет назад в январе 1904 года в Петербурге. Есть у нее историки: Василий Водовозов и Дмитрий Шаховской, и событие это отделяет от нас XX век, но на пути к нам, сегодняшним, стоял молох лживой и мертвящей советской идеологии да и самой власти. Первого из этих историков эта власть лишила Родины, другого — жизни. Однако память жива, и она сохранилась в названии города Обнинска. Дело в том, что город обязан названием поступку Виктора Петровича Обнинского (1867–1916), который в начале прошлого века отдал безвозмездно часть своих земель под постройку железной дороги. Это поступок человека, желавшего блага своей Родине, чтобы край развивался. Он был дворянином, офицером в отставке, земским гласным, по-нашему депутатом Боровского уезда, крупным землевладельцем, наследником родового гнезда. В то время была в русской жизни большая проблема: талантливый народ, создавший культуру и искусство европейского уровня не допускался к управлению страной. В Европе давно отказались от авторитарного способа правления, а наше самовластие не имело ни границ, ни пределов. Стремление к свободе, либерализм всегда были в земстве. К моменту описываемых событий институту земского управления уже было около сорока лет, и оно занималось «делами, относящимися до хозяйственных польз и нужд каждой губернии»*, как было сказано в утверждающем его указе 1864 года.

Реформы Александра II не были доведены до конца, страна так и не дождалась конституции. Происходил даже обратный процесс: полномочия земств были урезаны. В такой атмосфере в этой среде сформировалось конституционалистское движение во главе с И. Пет-

Евгений Ефремов,
выпускник Школы 2008 года
(г. Калуга)

* Свиридова Т.А. Калужское земство: 1865–1918. — Калуга, 1996. — С. 3.

рункевичем и Д. Шаховским, первый из которых, являясь председателем мирового съезда и гласным черниговского земства, еще в 1879 году входил в контакт с террористами «Народной воли» и хотел, чтобы были остановлены террористические акты, дабы либералы могли предъявить программные требования правительству, но террористы отказались.

Эти люди вступили в контакт с П. Струве, который после эмиграции из России в 1901 году на свой страх и риск основал в 1902 году журнал «Освобождение». Он ставил своей задачей объединение всех сил против неограниченного русского самовластия — самодержавия. Петр Струве был прирожденным редактором, возможно, лучшим, когда-либо жившим в стране. Издание выходило каждые две недели тиражом 7 500 экземпляров. Журнал нелегально ввозился в Россию и достигал самых отдаленных губерний. Его читали, горячо обсуждали и откликались письмами в редакцию.

Существует мнение, что В. Обнинский публиковался там с самого начала. Об авторстве статей можно только догадываться, так как они были подписаны псевдонимами: за распространение сомнений в необходимости именно такой власти в России полагалась каторга. Своим именем подписывался только П. Струве. Этот патриот отдавал себе отчет, что он, возможно, никогда не увидит Россию.

Через год в стране образовались кружки сторонников журнала, и П. Струве предложил объединить их в одну организацию. На предварительном совещании в Швейцарии в июле 1903 года было решено основать в различных российских городах местные советы «Освобождения», которые превратились вскоре в движение «Союз освобождения». Всероссийский съезд движения состоялся 3–5 января (по ст. стилю) 1904 года в Петербурге на частных квартирах. В нем участвовали 48 делегатов от 22 городов. Программа Союза: борьба за демокра-

тию и конституцию. В его Совет вошли земцы: И. Петрункевич (глава), Петр Долгоруков, Д. Шаховской, Н. Ковалевский, Н. Львов и интеллектуалы: Н. Анненский (заместитель), В. Яковлев-Богучарский, С. Прокопович, С. Булгаков и А. Пешехонов. Тактика организации состояла в осаде самодержавия с помощью публичных массовых кампаний.

В. Обнинский вступил в ряды этой организации, но когда точно это произошло — непонятно.

Поначалу «Союз освобождения» не слишком загружал работой своих членов: в основном она заключалась в распространении журнала. Отделения союза назывались по буквам алфавита, скоро их перестало хватать. Одно из них было и в Калужской губернии. Оппозиционную деятельность развернуть было нельзя: сразу после всероссийского съезда грянула война с Японией. Народ поддержал правительство в борьбе против агрессора. Потом атмосфера сменилась на противоположную, а с приходом нового министра МВД П. Святополка-Мирского прозвучало слово «доверие». Этим воспользовались члены в то время еще нелегальной организации Союза, избравшей, однако, открытые методы борьбы. Представители Совета «Союза освобождения» князь Д. Шаховской и князь П. Долгоруков, являвшиеся одновременно членами московского бюро Земских съездов, обратились в это бюро с предложением собраться для выработки общей политики по вопросу о конституции.

Земский съезд проходил легально, правда, под видом «частного совещания» в октябре 1904 года в Петербурге на частных квартирах, но полицейские чины сами показывали дорогу делегатам. Их было 103 человека — выборных от всех сословий: дворянства, крестьянства, купечества и духовенства. Впервые в России такое собрание приняло решение, призывающее к введению конституции и парламента. Произошло событие, сравнимое с французскими Генеральными

штатами. Глава консервативного крыла земцев Д.Н. Шипов познакомил Святополка-Мирского с резолюцией съезда. В результате тот представил царю проект реформ. А «освобожденцы» тем временем осенью 1904 года к 40-летию судебной реформы организовали так называемую банкетную кампанию (для официального собрания необходимо было разрешение) с целью выработки подачи петиций в правительство с требованием демократических реформ. Кампания открылась в день введения судебных уставов 20 ноября гигантским обедом, данным в Петербурге под предводительством В.Г. Короленко. На нем было 650 уважаемых личностей, все поставили подписи под резолюциями «Союза освобождения». История донесла до нас сведения о 120 банкетах в 34 городах, включая Калугу. Вот свидетельство современника об одном из таких банкетов.

«Мы все едим и молчим, — заговорил наконец управляющий банком М., взывая к ораторам. Начались речи, в общем, очень умеренные. Адвокат Г., например, высказал пожелание о восстановлении судебных уставов в их первоначальной чистоте. Я предложил подписаться под заранее заготовленным заявлением с требованием свобод и народного представительства. Начали подписывать заявление и собирать открыто на “Освобождение”*. Калужское земское собрание приняло адрес на имя государя, в котором выражалась готовность работать в представительном органе власти страны, если тот призовет. Тем временем кризисная атмосфера России достигла такой плотности, что стала влиять даже на самых нерешительных и малодушных людей. Такое демонстративное поведение и интеллектуальной, и профессиональной элиты страны, открыто бросающей вызов властям, в данной ситуации оказалось решающим.

Реакцией правительства на кампанию был царский указ от 12 декабря «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», который, вопреки названию, провозглашал самые разные перемены, но только не в политической сфере. Даже весьма скромная политическая мера — пункт о введении выборных от земств и городов в Государственный совет был Николаем II из указа вычеркнут при подписании. Настаивавший на этой мере Святополк-Мирский подал в отставку. Декабрь с его Рождеством не отменил размах политической жизни. Вот что вспоминал Д. Шаховской: «На святках 1904–1905 гг. В. Обнинский вошел в непосредственное личное общение с левым крылом земцев. Он появился на подготовительном совещании в московском доме Ю.А. Новосиль-

* Шацлло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907. — М.: Наука, 1985. — С. 294–295.

цева и сразу внес нечто свое, особенное и обаятельное, своей фигурой, своеобразной манерой говорить, незабываемой интонацией спокойной и проникновенной речи, особым способом ставить вопросы и неожиданно-оригинально, глубоко и убедительно их разрешать. Всякая новая личность... производила особое впечатление не только тем, что она собой приносила, а еще и самым своим появлением извне, поддерживая в нас уверенность, что... конституционалистское движение становится большим общественным делом»*.

Следствием банкетной кампании явился трагический поход рабочих с челобитной 9 января 1905 года. Глава самой большой рабочей организации Петербурга священник Г. Гапон был убежден, что только совместно с представителями других сословий можно добиться своих целей. Для этого он установил связь с «Союзом освобождения» и по примеру банкетной кампании решил подать и свой адрес. Петицию он писал совместно с членами этой организации — неизвестными Е. Кусковой, С. Прокоповичем, а также В. Яковлевым (более известным под псевдонимом Богучарский). Остальное известно, неизвестно только то, что весь просвещенный Петербург считал произошедшее делом рук «Союза освобождения», не отставало от него и правительство: весь состав Совета был арестован.

Репрессии правительства достигли и калужского земства. Демократические взгляды и деятельность нового председателя губернской управы В. Обнинского вызвали недовольство губернатора А. Офросимова. Новый министр МВД А. Булыгин в феврале 1905 года предложил оппозиционеру покинуть свой пост, но не та атмосфера была в стране, чтобы под давлением властей уходить в отставку.

Последствиями возмущения общества и забастовок в январе стали три документа, подписанные царем 18 февраля. Один из них приглашал всех подданных подавать «предположения» «по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства».

То, за что раньше карали, теперь власти разрешили делать открыто, в том числе требовать конституции и парламента. Бюрократия препятствовала распространению этого документа. Земцы обвели ее вокруг пальца, распространяя его в сотнях тысяч экземпляров, напечатанных в своих типографиях.

В Калужской губернии он был опубликован в середине июня под одной обложкой с докладом земскому собранию председателя управы В. Обнинского «О народном представительстве». В нем автор одним из первых в стране знакомил общественность с предлагаемыми принципами устройства первого российского парламента. И хотя доклад прошел цензуру, выступить автору на собрании помешало сопротивление властей.

В результате всего весной 1905 года в Петербург хлынул поток крестьянских петиций. К официальному сроку прекращения подачи «предложений» в начале августа их число составило 60 тысяч. Их итогом стала политизация деревни.

В ходе кампании по сбору мнений либералы создали свою самую мощную все-российскую профессиональную политическую организацию — «Союз союзов». Первоначально это было объединение 14 союзов: адвокатов, медработников, инженеров и техников, профессоров и т.д. Впоследствии он сыграл существенную роль и в создании Крестьянского союза. Он же добился небывалого успеха, учредив Всероссийский союз ж/д служащих и рабочих (осенью 700 тыс. чел.). Дата рождения организации — съезд, собранный «Союзом освобождения» 8 мая, ру-

ководитель — П.Н. Миллюков. В последующие пять месяцев «Союз союзов» практически стал определять ход русской революции.

Либералы наступали по всем направлениям. В апреле 1905 года в Москве земство провело очередной съезд, большинство делегатов которого уже не хотело довольствоваться ничем иным, кроме Учредительного собрания. Свой голос на нем и на всех остальных съездах этого года подавал делегат от калужского земства В. Обнинский. Очередной форум в июле был уже съездом единомышленников. Несмотря на запрещающие циркуляры властей, он собрался на частной квартире. Впервые в истории российского либерализма съезд принял обращение к обществу, в котором призывал: «Соединенными усилиями всего народа надо выступить против государственного разорения, которое от приказного строя умножается и ширится по нашей земле»*.

Через несколько месяцев в ноябре бывший генерал-губернатор Петербурга Д. Трепов, теперь занявший должность в структуре полиции государственной безопасности, докладывал царю и о «Союзе союзов» как о «центральной организации»** беспорядков, и о «Совете рабочих депутатов», созданном им. Старый служака министерства полиции был недалек от истины. Именно «Союз союзов» в критические дни революции в октябре инициировал создание «Совета рабочих депутатов», а меньшевистская молодежь помогла сплотить рабочих в его поддержку. Поначалу эта организация называлась «Стачечный комитет» и была создана для превращения забастовки, начатой печатниками Москвы 17 сентября, во всеобщую.

Царский Манифест 17 октября 1905 года — победа либералов, существенней-

шая часть этого документа — парафраз резолюции Съезда земских и городских деятелей, который проходил 12–15 сентября 1905 года.

Профессор русской истории Гарвардского университета Ричард Пайпс так оценивает роль «Союза освобождения» в процессе либерализации политической системы России: «1905 год ознаменовал вершину русского либерализма — триумф его программы, стратегии и тактики. Ведь именно “Союз освобождения” и его филиалы, земское движение и “Союз союзов” вынудили монархию даровать России конституцию и парламентский строй. И несмотря на последующие утверждения социалистов, и в особенности большевиков, они в этих событиях сыграли лишь второстепенную роль: единственная их самостоятельная акция — московское восстание — закончилась весьма плачевно»***.

С момента создания в октябре 1905 года конституционно-демократической партии «Союз освобождения» прекратил свое существование: большая часть его членов именно ее и образовала, меньшая вошла в «Союз 17 октября» и «Партию народных социалистов». Во время выборов в Государственную думу народ по всей стране отдал предпочтение наследникам «Союза освобождения», из пяти депутатов от Калужской губернии кадетов было двое — В. Обнинский и помощник присяжного поверенного Л. Новосильцев. Партия кадетов, которая к этому времени стала называться «Партией народной свободы», завоевала большинство в первом российском парламенте.

Думаю, что «Союз освобождения» может стать гордостью российского народа, если он вспомнит себя.

* Шацлло К.Ф. 1900 год. — М.: Наука, 1980. — С. 113.

** Высший подъем революции 1905–1907 годов. Вооруженное восстание, ноябрь — декабрь 1905 г. / Под ред. А.Л. Сидорова. Т. 1. — М., 1955. — С. 47.

*** Ричард Пайпс. Русская революция. Кн. 1. — С. 73.

* Шаховской Д.И. Виктор Петрович Обнинский ([знак могильного креста] 20 марта 1916г.) // К 10-летию I Государственной Думы. — Пг.: Огни. 1916. — С. 212.

Фернандо Ламата,
первый вице-президент
Правительства провинции
Кастилья-Ла Манча

Политика как инструмент социальных изменений. Опыт Испании 1975–2008 гг.

Кастилия-ла-Манча — область, расположенная в центре Испании, к югу от Мадрида. Наша столица — Толедо. В регионе 2 млн жителей, которые живут на территории 80 тыс. кв. км. Таков, кратко, профиль региона.

У нас есть модель для политика. Она описана в романе Сервантеса «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский». Этот рыцарь с копьем, восседая на Росинанте, борется с ветряными мельницами, приняв их за великанов. Санчо Панса, его оруженосец, считает, что хозяин сошел с ума. Тогда Дон Кихот обещает ему остров, где тот будет губернатором. Эти две фигуры для нас, испанцев, символичны. Дон Кихот олицетворяет идеализм, утопию, поиск истины, борьбу с несправедливостью. А Санчо Панса — воплощение реализма, практицизма, очень приземленный человек. Политическая деятельность в нашем понимании должна сочетать эти два компонента. Мы должны стремиться к великому идеалу, к утопии, но решать и повседневные проблемы людей, мелкие жизненные вопросы.

Политика всегда и повсюду подвергалась критике. Если вы спросите, какие профессии в Испании наиболее популярны — врач, экономист, журналист, политик, — политик всегда окажется на последнем месте, ему достанется наихудшая оценка. Возможно, потому, что мы плохо делаем нашу работу и постоянно друг друга критикуем и оскорбляем, когда дискутируем на телевидении, на публичных форумах, создавая тем самым негативный образ политика.

О политике есть разные представления. Есть, например, понимание политики как искусства завоевания и удержания власти. Или — политики как искусства говорить ложь, чтобы она казалась правдой. Или — умения проглатывать живую жабу и при этом сохранять прекрасную мину на лице.

Или же это искусство добиваться того, чтобы твои идеи превращались в законы и декреты? Для меня политика, в конечном итоге, это попытка координировать усилия некой группы, чтобы добиться определенной общей цели, что шло бы на пользу всему сообществу.

Политическая деятельность — не только академическое исследование, изучение ситуации, а попытка из-

менить реальность. Но реальность сама постоянно меняется, и политические действия должны соответствовать этим изменениям.

Например, одно дело заниматься политикой до и после 11 сентября 2001 года — никто ведь не мог предвидеть, что самолеты террористов врежутся в башни-близнецы. Впервые США были атакованы в самом своем сердце. Как должны были они реагировать на это? Реакцией становится война в Афганистане, в Ираке, экономические, политические меры. Мы можем обсуждать, насколько они правильны или нет, но реакция, на мой взгляд, была неизбежна.

Другой пример — цена на нефть. Посмотрите, как она взлетела за последние годы. Хорошо это или плохо? Ответ зависит от того, кто реагирует на этот факт. Для России это, может быть, и хорошо, потому что увеличивается поступление валюты в казну. Прекрасный шанс, чтобы выплатить долг Международному валютному фонду, другим кредиторам. Но в нашей стране и в Европейском союзе все наоборот. В Испании нет своей нефти, и мы должны оплачивать ее по все более дорогой цене. От этого страдают компании, мы теряем рабочие места, должны включить наше воображение, совершенствовать наши деловые структуры.

Год назад внезапно начали терпеть крах американские банки, которые давали ипотеку без всякой гарантии, эти деньги не возвращаются, возникают неплатежи, и огромный «снежный ком» их нарастает, сбивает один банк за другим. Не только в самих США. Страдает вся европейская финансовая система. Если год назад у бизнесменов Кастилии-ла-Манчи был простой способ получить кредит для новых линий производства, то сейчас банки не дают им ссуду, и испанская экономика, и европейская начинают снижать темпы развития. Если в Кастилии-ла-Манче мы создавали 50 000 рабочих мест каждый год, то сейчас это ноль новых рабочих мест, а месяцев через шесть начнем их закрывать, и год или два у нас будет сокращаться их общее число. Европейские правительства, Россия, США, Япония принимают меры для восстановления контроля над мировой финансовой системой. Президент России Дмитрий Медведев справедливо заявил, что международные экономические организации показали неспособность контролировать глобальные финансовые процессы и что необходимо задуматься о новых инструментах и принципах финансово-экономической безопасности.

Есть другие проблемы: военные конфликты в различных точках планеты, серьезные миграционные процессы. Из Африки, например, потоки людей направляются в Европу. Происходят стихийные бедствия, и на них мы тоже должны как-то реагировать. Да мало ли что еще? Ситуация меняется постоянно, и политика должна соответствовать этим изменениям.

Мы в Кастилии-ла-Манче стремимся адаптировать нашу стратегию к экономическим и политическим изменениям, к социальным чаяниям общества, стремимся улучшать условия жизни людей. Мы добиваемся, чтобы люди не голодали, жили в условиях мира, в условиях свободы. Для меня это самая простая формула оценки нашей работы. Можно сказать, что сегодня мы добились многого из того, чего хотели, но ни одно завоевание не является необратимым.

Мой опыт и изучение истории разных народов показывает, что ситуация может улучшаться, но может и ухудшаться. В 1936 году генерал Франсиско Франко совершил государственный переворот. Ему помогли фашистские силы Гитлера и Муссолини. Он выиграл гражданскую войну 1936–1939 годов, положив конец республиканскому этапу развития Испании. Испания вступила в почти сорокалетний этап, когда не стало свободы. Полиция арестовывала тех, кто пытался обсуждать политику Франко. Нельзя было создавать политические партии, участвовать в выборах и выбирать своих представителей. Многие люди уехали тогда в эмиграцию, в частности в Советский Союз.

Однако на последнем этапе франкизма, в шестидесятые, в начале 70-х годов, когда Франко уже был старым, начинаются некоторые перемены. Зарождаются общественные движения, профсоюзные, культурные, движения интеллектуалов, и постепенно возникает некоторое пространство, где начинается дискуссия, а с нею процесс перемен. После смерти Франко в 1975 году франкистские кортесы, парламент, избирают главой государства короля Хуана Карлоса I, потому что во франкистской конституции было записано, что, когда Франко умрет, главой государства будет Хуан Карлос. Диктатор, по сути, сам определил главу государства. Испанские кортесы надеялись, что Хуан Карлос станет продолжателем политического режима Франко, но король внес перемены в жизнь страны. Он провел переговоры с лидерами появившихся политических партий, оппозицией и лидерами франкизма. На этом примере мы убеждаемся, как все-таки велика роль личности в политике — и на примере самого короля, и тех, кто вместе с ним формировал политику и жизнь страны на совершенно новых основах. Люди разных политических взглядов научились вести переговоры и вместе управлять страной. Затем старые лидеры ушли, и начинается время Фелипе Гонсалеса, молодого лидера социалистов, также открытого политическим переговорам. Благодаря этим людям стал возможным мирный переход Испании от диктатуры к демократической власти.

Таким образом, в 1975 году в Испании мы были способны организовать сотрудничество министров Франко, лидеров оппозиции, в том числе и лидеров компартии, которые сидели в тюрьме. В национальном масштабе этот факт, этот консенсус позволил выработать Конституцию 1978 года и провести первые демократические выборы. На этих выборах голосовали состоятельные пожилые люди, граждане достаточно бедные, монахини и молодые избиратели, которые впервые шли на выборы. Никто не думал, что все получится. Мы ожидали множество трудностей, но все взяли на себя большую ответственность и проявили готовность чем-то поступиться.

Я вспоминаю первый политический митинг, который соцпартия организовала в Валенсии. Этот митинг проходил на арене для боя быков. Вся она заполнилась людьми, которые сражались за республику, сидели в тюрьмах или были в эмиграции, и они вдруг почувствовали воздух свободы, возможность дискутировать, собираться вместе и были счастливы. Но им надо было отказаться от идей, которые они отстаивали,

за которые сидели в тюрьме, за которые погибли их товарищи. Я видел этих людей, 60–70-летних, у них выступили на глазах слезы. Они радовались свободе, но в то же время им было грустно, потому что надо было отказаться от очень важных для них вещей. То же происходило и с людьми из правых рядов, с франкистами, которые тоже отказались от многих важных для них позиций. Католическая церковь также должна была поступиться многими интересами. Этот общий национальный договор был очень важен. Я думаю, на таких митингах и во время учредительных выборов мы делали ставку на будущее. У нас были мечты, мы надеялись на утопию Дон Кихота, но одновременно у нас был реализм Санчо Пансы. Мы понимали, что надо постепенно идти вперед.

Какие основные перемены стоит отметить? Прежде всего, повторюсь, переход от диктатуры к демократии. Одна из централизованных и диктаторских стран перешла к демократии, где в настоящее время происходят национальные, региональные и муниципальные выборы, есть независимые судьи, независимый парламент, независимые СМИ. Переход от протекционистской экономической системы к рыночной открытой экономике привел к очень заметному экономическому развитию. В стране, где государственные проекты почти не имели финансирования, потому что налоги не платились, были предприняты налоговые усилия, и мы пришли к системе, похожей на системы других стран Европы. Мы значительно отставали от других стран Европы. Но после 1975 года Испания постепенно восстанавли-

вала темпы экономического развития, и сейчас мы сравнялись по этому показателю с европейскими странами. Этому мы смогли добиться благодаря другой очень важной характеристике наших реформ — децентрализации.

Мы создали систему 17 автономных сообществ, или областей. Они имеют значительную власть, полномочия, определенные функции, которые им передает центральное правительство. Политика здравоохранения, например, вырабатывается на региональном уровне. Мы сами решаем в регионе, строить ли нам новую больницу, покупать ли вертолет для медицинских нужд, сколько платить врачам, медсестрам, как управлять здравоохранением. Образование, помощь пожилым людям, сельское хозяйство, градостроительство — большинство государственных полномочий переданы на региональный уровень. Что остается у центрального правительства? У него остаются внешняя политика, политика в области обороны, общеэкономическая политика, установление общих налогов...

Как работают экономические трансферты от центра, который собирает налоги, на уровень регионов, чтобы мы могли проводить нашу политику в социальной сфере, в здравоохранении, образовании и т.д.? Мы обсуждаем с центральным правительством Испании, сколько стоит осуществление тех или иных полномочий, которые нам передали, сколько стоят больницы, школы, дороги, и рассчитываем объемы финансирования на несколько лет. Но вместо того, чтобы делать это за счет налогов, собранных центральным правительством, право сбора необходимых для финансирования налогов передано на уровень регионов. Эта схема, может быть, несколько усложняет управление трансфертами, но она создает совместную ответственность. Регионы всегда жалуются, что им не хватает денег, центральное правительство всегда говорит, что денег больше нет. Поэтому нам приходится вести постоянно переговоры и договариваться.

Есть еще очень серьезная проблема в системе автономных сообществ или регионов — это проблема амбиций. Каталония, например, или Страна Басков хотели бы большей автономии, суверенитета или даже независимости. Не все в Каталонии хотят политической независимости, но 50% хотят, то же самое в Стране Басков, что создает определенную напряженность. В других регионах нет таких настроений, но когда каталонцы получают какие-то дополнительные права, остальные регионы хотят того же. В Кастилии-ла-Манче мы всегда говорим, что не хотим больше других, но не хотим и меньше. Эти дебаты не кончаются, они будут постоянными, поэтому политика всегда состоит в том, чтобы вести переговоры.

Важный фактор нашей политики — вступление в Евросоюз. Испания была изолированной страной, обращенной внутрь себя. В Европе говорят, что Африка начинается за Пиренеями, то есть там, где начинается Испания. Вступление в ЕС помогло нам, с одной стороны, получить европейскую экономическую помощь, но это помогло нам и в демократизации институтов. Мы смогли ускорить этот процесс, интегрировавшись в системы, которые уже работали в демократическом режиме длительное время.

Испанское общество развивается, сейчас это открытое, толерантное общество. Когда мы проводим опросы общественного мнения, спрашиваем людей, например, об их религиозных верованиях: 70% отвечают, что они считают себя католиками, но только 25% являются «воцерковленными», то есть ходят на церковную службу каждое воскресенье. Есть представители ислама и других религий, есть неверующие люди. Открытость, свобода совести помогают нам договариваться между собой в политическом плане. В Испании есть регион, где правит соцпартия, но есть регионы, где правит народная партия, скажем, в Мадриде или в Валенсии, а есть националистические партии в Стране Басков, существуют коалиции между националистическими региональными партиями и общеиспанскими партиями. Эта мозаика позволяет поддерживать определенный политический баланс. И на муниципальном уровне мы видим то же самое разделение. Очень поучительно, когда проводятся в один день выборы в региональные и муниципальные органы власти, мэра и председателя регионального правительства. Избиратель может голосовать за одну партию на муниципальных выборах и за другую партию на региональных, то есть он четко представляет, кого хочет видеть мэром своего города, а кого — губернатором области, и это не только идеологический подход, люди смотрят, кто из кандидатов лучший управляющий.

Наше общество изменилось и в демографическом плане. Раньше Испания был страной эмигрантов, более 4 млн испанцев уехали на заработки во Францию, Швейцарию, Германию, а с девяностого года, мы страна приема иммигрантов. Пять миллионов приехало из различных стран Европы, Латинской Америки и Африки, то есть процесс развернулся в обратную сторону. Иммигранты обогатили нас и в культурном, и в этническом плане.

Есть еще тысячи проблем, которые надо решать. Есть проблемы с безопасностью, с правопорядком. Есть преступность, наркотики... Очень серьезна проблема террористических организаций. Баскская организация продолжает убивать людей, хотя сейчас терактов стало намного меньше. Мы должны бороться с насилием и в семье, обращенным против женщин. Проблема насилия многовековая, но мы обязаны преодолевать это.

Что касается международной политики, считаю нашей общей главной проблемой борьбу с голодом. Сегодня от недоедания в мире умирает 25 000 детей, а завтра еще 25 000, и так каждый день. У развитой части мира есть средства, чтобы решить эту проблему. У нас перепроизводство продовольствия, но нам надо добиться того, чтобы справедливым было его распределение. Богатые страны не должны субсидировать производителей продовольствия, чтобы бедные страны могли с ними конкурировать. Но они пока не готовы с этим согласиться. С этим нужно справляться общими силами. У нас есть для этого производственные и технологические знания, возможности, но проблема в этическом плане, в наших моральных и нравственных устоях, эти препятствия надо преодолевать, учась друг у друга и сотрудничая.

*Перевод с испанского
Александра Казачкова*

Продолжаем знакомить читателя с нашими свежими изданиями, публикуя аннотации и фрагменты текста, дающие представление о книгах.

СВОЕВРЕМЕННАЯ МЫСЛЬ

Бондарь В. Общество против коррупции. Муниципальные программы противодействия коррупции. — М.: Московская школа политических исследований. — 2008.

В российской действительности коррупция сопровождает нас всюду — от роддома до кладбища. Должно ли общество свыкнуться с коррупцией как с неизбежным злом? Может ли общественная система функционировать без взяток и подношений как платы за эффективность чиновничьего аппарата? К чему приведет бездействие в отношении прогрессирующей коррупции? Можно ли ощутимо снизить ее уровень и какие меры для этого нужны? Признанный специалист в вопросах местного самоуправления Вадим Бондарь строит свой анализ социально-экономических, правовых и нравственных проблем коррупции, основываясь на обширном материале судебной практики, на примерах российского и зарубежного опыта создания и реализации антикоррупционных программ, а также на собственных социологических исследованиях, выполненных в 2007–2008 годах. Книга представляет собой важный информационный и методологический ресурс особенно для тех энтузиастов, которые возьмутся за реализацию программы противодействия коррупции на местном уровне.

УМЕНЬШЕНИЕ СФЕРЫ ВЛИЯНИЯ ЧИНОВНИКОВ

Еще один способ противодействия коррупции, который условно можно отнести к антикоррупционному иммунитету — уменьшение сферы влияния бюрократии, то, что экономисты называют «уменьшением вмешательства государства» (напомним, что под термином «государство» в данном случае подразумевается весь публичный сектор, в том числе муниципальный). «Уменьшение государства» — это перестройка общественной системы, перераспределение ролей между различными общественными институтами.

Существует теория, называемая «стратегия сознательной пассивности», сторонники которой отрицают любую активную борьбу с коррупцией, считая, что свободный рынок решит все проблемы сам, «уменьшение государства» лучший способ действий в этой стратегии. Плюсы этой позиции: экономия средств, выделяемых на борьбу с коррупцией, отсутствие перегибов и возможностей для сведения счетов. Минусы очевидны: пока рынок решает проблемы, бюрократия станет бесконтрольной. Процесс уменьшения общественных обязательств — процесс непростой и небыстрый, бездействие за это время может привести к коллапсу общественной системы, а сам процесс «уменьшения государства» потеряет легитимность, если не будет обеспечена его надежная защита от коррупции.

Критикуя односторонний подход стратегии «сознательной пассивности», нужно признать, что уменьшение сферы влияния бюрократии действительно сильное антикоррупционное средство. Выделим три способа действий в этом направлении.

- **Приватизация.** Самый радикальный способ избавиться от коррупции при распределении общественных ресурсов — избавиться от этих ресурсов. Но при этом нужно понимать ограничения: не все можно и нужно приватизировать, процесс приватизации должен быть произведен по-хозяйски. Готовы ли муниципалитеты к валу приватизационных решений? Имеются ли реестры приватизируемых объектов, соответствующая нормативная база, процедура определения цены, описание объектов? Владеют ли чиновники информацией о рынке недвижимости и механизмах ценообразования на нем? Если нет, значит, в наличии все возможности для коррупции, значит, необходимы срочные программные меры по противодействию возможным нарушениям.
- **Частно-государственное партнерство (ЧГП)** — более гибкий по сравнению с приватизацией механизм, дающий возможность привлечь частные инвестиции и управленческие ресурсы, сохраняя при этом стратегический контроль над объектами муниципальной собственности и возможность определения параметров производимой услуги (цена, качество, скорость ввода объектов). ЧГП используется лишь в тех отраслях, где рынок ограничен: в сферах, где существуют локальные монополии (инфраструктурные отрасли — ЖКХ, транспорт и т.п.), либо там, где существуют так называемые провалы рынка, где частнику действовать невыгодно ввиду низкого платежеспособного спроса и/или высоких рисков (социальные отрасли: медицина, образование, культура и т.п.). Поскольку в муниципалитетах существует огромный дефицит инвестиционных ресурсов, особенно в сфере ЖКХ, следует ожидать появления большого числа проектов, реализующихся на принципах частно-государственного партнерства. Но тогда, как и в случае приватизации, необходимо предусмотреть защиту от коррупции процесса внедрения механизмов ЧГП. Например, передача в аренду частной компании объектов ЖКХ в г. Твери при отсутствии соответствующей процедуры и нормативной базы вылилась в крупнейший коррупционный скандал, в результате которого была осуждена почти половина депутатов городской думы.
- **Обеспечение гражданского участия в делах местного самоуправления.** Существует еще один механизм ограничения полномочий чиновников, мало используемый в нашей стране: передача части этих полномочий специализированным общественным институтам. Общественная экспертиза, бюджетные комитеты, наблюдательные советы и другие органы могут стать эффективным механизмом защиты от злоупотреблений бюрократов. В РФ известны лишь разовые (несистемные) примеры проведения гражданской экспертизы. В Чили, например, общественная экспертиза является элементом системы регулирования, она включена в процедуру утверждения тарифов на коммунальные услуги, которые там оказываются частными предприятиями в рамках ЧГП. Благодаря этому процедура стала прозрачной и точной, тарифы корректируются исключительно под действием инфляции, а коррупционные скандалы в сфере ЖКХ практически неизвестны.

Портупея и рубль

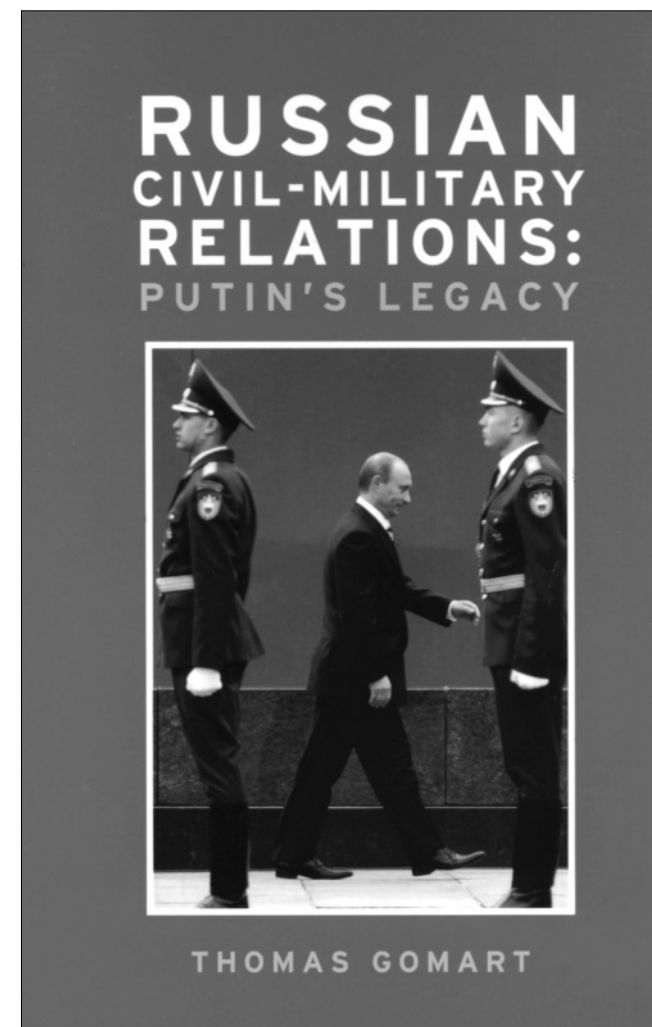
Эта интересная работа, автор которой возглавляет Центр по изучению России и СНГ при Французском институте международных отношений, посвящена одному из наиболее интригующих и вместе с тем ключевых аспектов президентства Владимира Путина. О силовой компоненте созданного этим политиком режима у нас стране говорят довольно часто, но как-то не очень внятно и не слишком вразумительно. Французский специалист попытался обобщить и систематизировать то наследие непростых взаимоотношений людей в погонах со всем остальным российским обществом, которое второй президент России передал своему преемнику. Как и следовало ожидать, картина получилась неоднозначная и не столько снимающая старые вопросы, сколько обнажающая новые проблемы.

Начиная с XVII столетия, отмечает автор, российская геополитическая стратегия основывалась на возможности внешней агрессии с запада, юга и востока одновременно. Именно это обстоятельство стало основной причиной того «фундаментального милитаризма», который был присущ русскому государству на всех этапах его истории (р. 15). За исключением немногочисленных и кратких периодов, оборонное сознание господствовало не только среди элиты, но и в обществе, которое с готовностью подыгрывало любому руководителю, призывавшему неустанно крепить обороноспособность родины. По мнению автора, Б.Н. Ельцин и В.В. Путин в данном отношении почти не отличались друг от друга: просто у первого президента на содержание «человека с ружьем» не было денег, а на президентство второго пришелся, волей судьбы, астрономический взлет цен на нефть. Соответственно, подъем силовиков имеет ярко выраженную экономическую природу: если в период с 1989 по 1998 год ВВП России *сократился* на 44 процента, то с 1999 по 2007 год тот же показатель на 55 процентов *увеличился* (р. 24). В итоге «структуры, обеспечивающие безопасность государства, оказались главным приобретателем выгод от бурного роста российской экономики» (р. 31).

Их нынешнее доминирование в российском политическом пространстве имеет и иную экономическую подоплеку, освещению которой в книге отведено специальное место. Бюджетные ассигнования на содержание специальных ведомств и армии не только выросли, но и на фоне почти полного бессилия парламента стали использоваться практически бесконтрольно. Кроме того, выигрыш корпорации в целом был дополнен множеством частных выигрышей: сегодня работа спецслужб переплетается с экономической деятельностью, то есть с обретением денег, гораздо теснее, чем прежде. Особое внимание в этом контексте автор уделяет так называемому второму поколению силовиков, которое начало карьеру уже при Путине. По его утверждению, эти новые люди в основном ориентированы не

на политическое, а на экономическое влияние. Их главной целью выступает «использование государственных активов для личных выгод», причем подобные устремления «реализуются на фоне целенаправленно алармистских разговоров об угрозах и опасностях, со всех сторон угрожающих нынешней России» (р. 43).

О коммерциализации отечественных силовых ведомств все громче начинают говорить не только на Западе, но и в самой России. При этом, правда, аналитики и комментаторы, рассуждающие на указанную тему, нередко слишком упрощают ситуацию, пытаясь представить едва ли не всех людей в погонах своеобразными коммерсантами. Такой подход не выдерживает критики, предостерегает автор. Сило-

Gomart T. Russian Civil — Military Relations: Putins's Legacy. — Washington DC etc.: Carnegie Endowment for International Peace, 2008. — IX, 115 p.

вые структуры отнюдь не едины и не равны; ФСБ, например, согласно его оценкам, в последние годы получила гораздо больше политических и экономических бонусов, нежели, скажем, вооруженные силы. Между тем «расширяющееся влияние ФСБ может, в конечном счете, оказаться препятствием на пути экономической модернизации и промышленной реструктуризации» (р. 57). Это едва ли удивительно: силовики, приходящие в государственные компании, претендуют на устранение проблем, порожденных олигархическим капитализмом, но сами при этом не очень склонны к каким бы то ни было переменам. «На практике они зачастую используют свои позиции в государственном аппарате для продвижения персональных и финансовых интересов», — говорит автор (р. 58). И российской экономике это не сулит ничего хорошего, особенно в нынешние времена.

Одна из особенностей российского политического быта, закрепляющая доминирование силовых структур и оборонного сознания, заключается в том, что Россия, в отличие от своих европейских соседей, в силу целого ряда геополитических причин не озабочена интеграцией или объединением с кем бы то ни было. «Сохранение Российской Федерации в рамках ее нынешних границ остается приоритетной целью той политики, которую Москва реализует в сфере безопасности» (р. 93). И с этой точки зрения, полагает автор, безоглядное стремление некоторых западных стран скорее включить в состав НАТО Украину или Грузию не только исключительно негативно скажется на взаимоотношениях Москвы с западными партнерами, упрочив ее изоляцию. Реализация подобных планов повредит внутривнутриполитическому климату в самой России, оживив традиционные русские фобии, еще более возвысив людей в погонах и отодвинув перспективы гражданского контроля над спецслужбами и вооруженными силами в несбыточное будущее. Не согласиться с такой постановкой вопроса, нам, российским читателям, просто невозможно.

Андрей Захаров

Региональное книжное обозрение

Кто есть кто в Большой Сибири. Югра. Пилотное изд. — Томск: АМК «Сибирский проект», 2008. — 380 с.

«Кто есть кто в Большой Сибири. Ханты-Мансийский автономный округ — Югра» является первым томом в много-томной серии, представляющей человеческий и корпоративный капитал регионов Сибири и Дальнего Востока. Цель издательского проекта — по словам главного редактора настоящего издания Андрея Главанакова — рассказать о персональном составе сибирской элиты, перед которой стоят задачи нового освоения макрорегиона в XXI веке. Для Сибири это особенно существенно, пишет в предисловии к тому председатель Комиссии по региональному развитию Общественной палаты РФ Вячеслав Глазычев, «поскольку не все еще осознали, что строить новую экономику России следует не числом, а умением. Что сам по себе отток множества людей из малопригодных для жизни мест означает только одно: отсутствие достойной работы и достойных условий жизни до последнего времени было нечем компенсировать... Между тем значение живого примера, значение биографий успеха, определяющих, как правило, и биографию успеха коллективов, для качественного рывка ничуть не меньше, чем суммы инвестиций, которые пойдут в Сибирь в ближайшие годы» (с. 16).

Югорская книга состоит из 6 глав: «Власть и общество», «Гуманитарная

инфраструктура региона», «Промышленный комплекс», «Регионообразующая инфраструктура», «Градоустройство», «Югорские земли», в каждой из которых представители политической, административно-хозяйственной, деловой, интеллектуальной, журналистской, художественной элит Ханты-Мансийского автономного округа (всего 179 человек) рассказывают о своем жизненном и профессиональном пути, что создает вполне реальное пространство встречи читателя с регионом, его проблемами и перспективами.

Известно, что Сибирь, в отличие от Европейской России (или Китая), населена значительно менее плотно, отмечает главный редактор проекта, а потому роль персональной ответственности за дела в регионе здесь видна гораздо лучше. На плотно населенной территории «эта структура как бы размывается, у нас же фигуры этой ответственности заметны и немногочисленны, как кедры в редколесье. В этом смысле областной патриотизм может быть органичным и адекватным воззрением на мир и для молодежи Сибири, потому что в свое время, кроме нее, удерживать регион будет никому».

Эта яркая книга о достижениях автономного округа за последние десятилетия, о людях, которые обеспечили своим трудом эти достижения, об их ответственности и профессионализме.

«Югра, — рассказывает губернатор округа Александр Васильевич Филиппен-

ко, — еще не так давно была лишена многого из того, что является нормой для других территорий. Я имею в виду и социальную инфраструктуру, и — главное — некое интеллектуальное содержание жизни. На это не хватало ни денег, ни времени... Мы добывали нефть, строили дороги, возводили города, но своих детей отправляли учиться в дальние края. Сегодня в округе сформировалась собственная высшая профессиональная школа. Мы не просто можем здесь, дома, научить человека профессии. Это наши интеллектуальные центры, способные давать ответы на важнейшие вопросы: как и для чего нам жить? Ведь мы не для того живем, чтобы добывать нефть и рубить лес. Мы добываем и занимаемся сегодня производством для того, чтобы создавать условия для полноценной жизни. Чтобы человек мог жить так, как он хочет, заниматься тем делом, которое ему по душе» (с. 18).

Гаджи Амирович Амиров, заместитель председателя правительства Ханты-Мансийского автономного округа, директор департамента государственной собственности: «Я бы сказал так. Государство — плохой собственник. Почему? Когда у человека есть личный интерес, он лучше работает... Наше государство — многоголовое существо: одна голова не знает, что делает другая, а на месте отрубленной вырастают три новые. Результат — непродуманная кредитная политика, несовершенное законодательство, коррупция. Мы здесь, на месте, делаем то, что считаем полезным для округа» (с. 22–23).

Кирилл Львович Морозов, заместитель председателя правительства по вопросам инвестиций и инноваций: «Человеческий капитал Югры, помноженный на комфортность проживания, достигаемую проводимой политикой, позволяет сохранять высокую креативность

территории. Здесь масса скрытых резервов, которые еще предстоит оценить» (с. 42).

Наталья Рудегеровна Маслова, председатель Комитета по информационным ресурсам администрации губернатора округа: «В “бумажном” государстве сложно реализовать утверждение “чиновник — слуга народа”, а в “электронном” это реально. Не надо стоять в очередях и ходить по кабинетам — государственные услуги приходят к гражданам напрямую без взаимодействия с чиновниками» (с. 50).

Эти и многие другие высказывания из опубликованных в Югорской книге интервью убеждают, что только разветвленная сеть активных и компетентных граждан современной Сибири способна действительно стать подлинной инфраструктурой удержания и нового освоения региона, как об этом заявлено в проекте «Кто есть кто в Большой Сибири». Что шанс исполниться имеет та единственная стратегия, что основана на ясном видении и волеизъявлении ответственных и сильных людей.

Ю. С.

Политические партии в избирательном процессе: российские и зарубежные сравнения. Сборник статей. — Краснодар: Кубанский государственный университет, 2008. — 326 с.

Даже в нынешнюю эпоху политического оцепенения в России сохраняется нечто, пусть и отдаленно, но все же напоминающее партийную жизнь. Именно такой вывод можно сделать, поставив этот интересный сборник статей, собранный на основе состоявшегося в 2007 году в Краснодаре специального семинара исследовательского комитета Российской академии политической

науки по сравнительной политологии. Речь тогда шла о феномене «новых партий» и о последствиях их вовлечения в устоявшийся избирательный процесс. Можно предположить, что, заявляя столь странную для российского политического ландшафта тему, ученые находились под впечатлением от магического взлета новорожденной «Справедливой России» и от ее успехов на юге нашей страны. Яркое впечатление оказалось обманчивым, но это обстоятельство вовсе не перечеркивает значимость предпринятой тогда исследовательской работы: солидный коллектив специалистов по политическим партиям произвел на свет весьма достойную книгу.

Авторы, представляющие разные научные школы, несхожие исследовательские интересы и различные города, собрали под одной обложкой четыре тематических блока. Первый из них посвящен предпринятой при президенте Владимире Путине масштабной трансформации избирательного законодательства и тому влиянию, которое она произвела на российский электоральный процесс. Во втором блоке в центре внимания оказываются вопросы идеологического антуража современных партий, предполагающие истолкование наличия (или, напротив, отсутствия) у них тех или иных артикулированных идейных предпочтений. Третий блок, разрабатывая модную сегодня тему региональной политической культуры, анализирует причудливые порой метаморфозы федеральных партий в российских регионах. Наконец, в четвертом блоке предпринимается по-

пытка вписать российский опыт партийного строительства в международный контекст, сопоставив его с новейшими тенденциями в эволюции зарубежных партий.

Разумеется, пытаясь рассуждать о партийно-электоральной жизни на фоне той мертвящей стабильности, которая воцарилась в российской публичной сфере за последнее десятилетие, создатели рецензируемой книги не могут не ощущать некоторого смущения. «В сравнительной политологии тема “новых партий” в настоящее время не ушла на периферию исследовательских интересов, — убеждают они читателя (и, вероятно, себя) в предисловии. — Да и в России, по-видимому, процессы формирования партийной системы далеки от завершения» (с. 3). В прошлом году, когда эти слова были написаны, я был склонен воспринимать их с невольной усмешкой: понятное дело, всякому хочется оправдать свою работу, даже если политическая жизнь никак не подтверждает исследовательские предвидения. Но теперь, в разгар тяжелейшего экономического кризиса с непредсказуемыми политическими последствиями, возможно, наши политологи окажутся правы, и партийное строительство в России действительно вступит в новую фазу, разбавив торжествующее ныне унылое однообразие хотя бы намеками на политический плюрализм и партийную конкуренцию. Демократизация под давлением обстоятельств — неужели у нас всегда только так?

Андрей Захаров

Александр Архангельский

Контрапункт

РОССИЯ: ИМПЕРСКОЕ ПРОШЛОЕ

Наследие империй и будущее России / Под ред. А.И. Миллера. — М.: Фонд «Либеральная миссия»; Новое литературное обозрение, 2008. — 528 с.

В дискуссиях о современной политике мы любим бросаться словами: империя, великая держава, нация, Запад. Слова настолько объемные, мощные и всеохватные, что детализация как бы и не требуется: зачем мельчить? В итоге начинают «плыть» не только понятия (это беда еще небольшая, на то они и понятия, то есть плод временной договоренности о представлениях). Начинают «плыть» и наши планы будущего, которые описаны в категориях нерасчлененного прошлого, а значит, внутренне противоречивы.

Нельзя сказать, чтобы всеохватность была чужда авторам сборника статей о понимании империи в России, о становлении (или полноценной осуществленности?) гражданской нации, о том, что такое великая держава: осажденная крепость? часть могучей Европы? конкурент Америки? Названия впечатляющи; настоящий имперский замах. А. Миллер обобщает: «История империй и политика памяти». Н. Тихонова выбирает заголовок: «Наследие империи в общественном сознании россиян». В. Тишков и вовсе обещает объяснить, «Что есть Россия и российский народ». Но эта всеохватность, за некоторыми исключениями, не шапкозакидательская, происходит она не от излишней лихости мысли, а от стремления вывести проблему на предельно общий уровень, заострить ее постановку. А в целом авторы сборника как раз распутывают концы переплетающихся определений, зачищают их стыки, разводят по иерархическим рядам. В результате получается картина дробная. То есть историчная. То есть системная. То есть полезная для работы не только с историей, но и с современностью.

Так, принципиально важно, что здесь разводятся по разным уровням представления об империи в ее российском варианте и о великой державе в ее русской

трактовке. Об этом говорят и А. Миллер, и Н. Петров; И. Нойманн подробно исследует «Российское стремление к великодержавию: как Россия добивалась признания Европы», и достаточно подробно описывает, как империя с ее европеистской установкой постепенно превращалась в узконационально ориентированное и отъединенное от Европы монструозное государство. А Н. Тихонова делает крайне полезное дело, выясняя, каким именно образом, подчас фантастическим, имперское наследие и миф великодержавия преломляются в современном общественном сознании.

Если сузить обширные наблюдения авторов и упростить сложные ходы их гуманитарной мысли, можно сказать, что центральной идеей сборника является идея осторожного движения России от государства-империи и имперского самодостаточного государства к новой гражданской нации, которая учтет опыт прошлого, однако же не будет и держаться за него обеими руками. Великой державой европейского типа наша грандиозная страна может стать лишь в результате совместного гражданского творчества, и никогда наоборот — гражданская нация не может быть производной от государственнической мощи.

С этой сквозной идеей, которую редактор книги А. Миллер аккуратно, но четко тянет через все ее разнородное пространство, резко диссонирует работа В. Тишкова, который убежден, что все уже в порядке, поскольку нация, причем гражданская, была создана именно в эпоху империи, и речь идет лишь о довосстановлении некоторых разрушившихся в советское время институтов. Отсюда расхождение и в оценке последнего периода в истории России: редактор книги полагает, что В.В. Путин успел восстановить работоспособную государственность в первый срок своего правления, а второй срок был потрачен на неоправданное ужесточение государства вместо того, чтобы направить все силы и ресурсы на развитие гражданского общества как необходимого условия формирования самодостаточной гражданской нации, на службу которой поставлены все государственные структуры. Для В. Тишкова такой вывод вовсе не очевиден; он склонен по-гегелевски полагать, что все разумное существенно, все существующее разумно, и В.В. Путин делает все правильно, не сдавливая государством, как медицинскими зажимами, свободный кровоток гражданства, а, напротив, постоянно работает над обеспечением условий для полноценной жизни нации, которая, напомним, с точки зрения известного исследователя, вполне себе существует.

Это очень полезный диссонанс. Не только потому, что полноценный постимперский европеизм немислим без умения услышать оппонента, но и потому, что наглядно демонстрирует, каковы сегодняшние установки интеллектуальной элиты. И с какими философскими (и не только философскими) проблемами нам предстоит иметь дело в обозримом будущем, которое не состоится без полноценной переработки прошлого.

РОССИЯ: ПОСТИМПЕРСКОЕ БУДУЩЕЕ

Тимофей Бордачев. *Новый стратегический союз. Россия и Европа перед вызовами XXI века: возможности «большой сделки»*. — М.: Европа, 2009. — 304 с.

Тимофей Бордачев тесно связан с исследовательскими структурами Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), руководимого Сергеем Карагановым; переключки с известными карагановскими размышлениями и прогнозами здесь легко различимы. Из этого никак не следует, что Т. Бордачев мыслит не оригинально и не самостоятельно. Просто он работает внутри сложившейся научно-практической школы, которая играет заметную роль в организации интеллектуальной и политической жизни России.

И хорошо бы ей играть эту роль еще отчетливей; всем нам жизненно не хватает «своповского» сочетания спокойствия и критицизма, аналитики и прогностики, особенно в осмыслении международной темы, в разговорах о месте России внутри европейских и общемировых процессов. И ядро элиты, и значительная часть обслуживающих ее интеллектуалов страдают близорукостью. Между тем в большой политике необходима дальновзоркость, умение стереть ненужные детали и увидеть проблему в целом, на стыке пространства и времени, в диахронии и синхронии. Иначе мы всегда будем обречены выдавать мелочную тактику за долгосрочную стратегию, а политику мелочного реагирования на обстоятельства принимать за политику больших проектов.

Автор книги обращает внимание читателей на то, что новая Россия и новая Европа образовались практически одновременно, и при всей колоссальной разнице пройденного пути многие проблемы оказались — стадийно — совпадающими. В частности, проблема реагирования на взаимные вызовы; когда друг на друга реагируют устоявшиеся сообщества — это одна ситуация, когда же вызов и ответ на вызов одинаково незрелы, недосформированы, неопределенны, то это совсем иной переплет. Неустойчивость помножена на неустойчивость.

В этом трудность. В этом колоссальный риск, в том числе военный. Но в этом и шанс. Вылепить из возможного желаемое, не следуя устаревшим стандартам, а создавая собственные, новые.

Но сначала надо провести ревизию уже принятых решений, начать работать с современностью как работают с историей. Т. Бордачев четко выделяет три этапа в отношениях России после распада СССР и Европы после образования Евросоюза. Романтическая эйфория неоправданных взаимных ожиданий в 90-е. Это раз. Суверенизация и конфронтация в нулевые. Это два. Надежда на рациональный выход из сложившегося тупика через создание приемлемого стратегического союза, «большой сделки» XXI века — сегодня. Это три.

Про эйфорию все более или менее понятно; тут остается только внимательно читать, вспоминать былое и внутренне поддакивать автору, качая головой: ну как же, как же можно было этого тогда не понимать? Внутри нарастающей суверенизации мы также успели пожить. Понимая вместе с Т. Бордачевым неизбежность этапа превращения России из слабого партнера в сильного конкурента. Наблюдая в то же время,

как подростковое чувство нарастающей силы оборачивалось подростковым же комплексом взрослого дяди; я вам, европейцам, теперь не только равноправный конкурент, но и сомасштабный с Америкой полюс мира. Вспоминая присловье, которое любил повторять А.И. Солженицын: широко шагает, штаны б не порвать. И замечая, что в ответ у европейских институтов все заметней нарастает другой, не менее опасный комплекс пожилого джентльмена (она же молодящаяся дама): навязываться во всеобщие няньки. Туда, куда звали. И туда, куда не звали.

Разговор про сегодня — самое сложное и самое важное, что может предложить Т. Бордачев своим читателям. Он полностью отдает отчет — и себе и нам, что жанр академически строгого позитивного исследования в этом пункте незаметно уступает место жанру пожелательной утопии. Но решается на этот шаг, поскольку уверен: именно холодный анализ существующего расклада подводит нас к определенному набору возможностей, из которого предстоит выбирать наилучший.

Для Т. Бордачева очевидно, что мир, особенно в европейской его части, попал сегодня в зону творческого хаоса, когда прежние правила самораспались, новые не родились. Если в начале 90-х относительно устойчивым был мир, разбиравшийся с последствиями холодной войны внутри системы, этой войной порожденной, а неустойчивыми были наши образования, новая Россия и новая Европа, то сегодня все наоборот. Образования сложились, ролевые позиции определены, а расклад изменился до неузнаваемости; мы движемся в тумане и на ощупь. Послесловие к книге написано по свежим следам грузино-осетинского конфликта с мощным российским участием. Автор показывает, как в одночасье поменялись претензии России на сопредельном ей пространстве: она уже не просто один из игроков второго уровня, но жесткий управляющий процессами, затрагивающими ее интересы. И как в то же время проявилась полная растерянность по обе стороны Евросоюза. Мы растерялись от того, что сделали первый шаг и не знаем, как действовать, куда же двигаться дальше. Они — от того, что не знают, как им реагировать на новую Россию.

И тут, видимо, остается один-единственный вариант. Тот, который предлагает Т. Бордачев. Не выяснять без конца отношения — потому что нет полноценных критериев для этих выяснений — а совместно оглянуться окрест себя, оценить не только те вызовы, которые мы бросаем друг другу, но и те (гораздо более серьезные), которые сопредельный мир бросает нам. И, оценив их угрожающую серьезность, вместе попробовать найти компромиссные обоюдные решения. Объединиться не романтически, а компромиссно; не броситься в объятия друг другу, а заключить «большую сделку» во имя выживания.

В процессе же совместной работы на фоне общих угроз мы неизбежно начнем прорастать друг в друга. Интеллектуально. Институционально. Бюрократически. Политически.

Не навсегда. Конечно. Но ведь и история — не навсегда. Зачем же топить ее самоисчерпание.

*Светлана Бабаева,
шеф бюро «РИА Новости»
в Вашингтоне — специально
для «Общей тетради»*

Америка старая и новая

«**Y**es-we-can! Yes-we-can!», скандируя один из слоганов президентской кампании, толпа медленно двигалась из метро в сторону бульвара Национальный Молл, где должна была пройти главная часть процесса инаугурации нового, 44-го президента США Барака Обамы.

Впрочем, в нынешней процедуре смены власти в Америке крайне трудно сказать, что есть главное, а что второстепенное.

Участники

Обама шел к президентству как народный президент, это была стратегия, тактика, это был принцип.

Во-первых, в кампанию было вовлечено огромное число добровольных помощников, зачастую даже не имеющих отношения к демократической партии. В США это делается легко и оперативно: законодательство позволяет создавать некоммерческие структуры специально под избирательные кампании. Соответственно, люди собирают деньги, устраивают мероприятия, сохраняя верность двум базовым социальным принципам: в устройении жизни должно быть поменьше государства и побольше собственной активности. Это, с одной стороны, вовлекает максимальное число людей в социальную жизнь, а с другой — порождает впоследствии у выигравших выборы особую ответственность перед гражданами.

После победы на выборах в ноябре команда Обамы сохранила верность принципу максимального охвата масс — подготовка к инаугурации велась в том же ключе.

Во-вторых, были минимизированы бюджетные средства, ассигнуемые на церемонию: бюджет финансирует лишь ту часть церемонии, во время которой приносится присяга, остальное — частные пожертвования. Однако принципиальное отличие работы штаба Обамы было в том, что советники не просто сконцентрировались на процессе сбора пожертвований. Они

сделали процесс максимально широким, открытым и «розничным». Получить свой «Билет в историю», как называлась одна из акций, можно было всего за 5 долларов. Пожертвовав на инаугурационные мероприятия эти деньги, можно было оказаться в числе счастливиц, приглашенных Обамой на разные балы и другие мероприятия.

Что это в итоге дало? Прежде всего, это создало у миллионов американцев ощущение, что они действительно причастны к политическому процессу. Причем, рассуждая цинично, можно сказать, что этот ход можно было и не совершать: сама статистика голосования на ноябрьских президентских выборах побилла все рекорды — списки пополнились сотнями тысяч новых избирателей. (В США чтобы проголосовать, нужно сначала зарегистрироваться, дело это добровольное и не автоматическое.)

Наблюдатели еще на выборах отмечали беспрецедентную электоральную активность американцев, то есть база поддержки Обамы была и без того значительна. Однако его команда справедливо рассудила, что необходимо и дальше «держат» тему «народности» Обамы.

В результате церемония инаугурации превратилась в череду массовых мероприятий, в которых участвовали сотни тысяч американцев, съехавшихся со всех страны. Школьный хор той самой школы на Гавайях, в которую ходил маленький Обама; семьи военных, погибших во время несения службы; победители эссе на тему, чего они ждут от президентства Обамы и какой хотят видеть свою страну в будущем. Поэтесса из Йеля, учительница из Балтимора, владелец маленького бизнеса из Калифорнии — все они съехались в 20-х числах января в Вашингтон.

Стоит отметить, что зачастую деньги на поездки таких счастливиц в столицу

тоже собирают всем миром, проводя разные мероприятия в городках, округах, районах. То, что периодически показывается в американских фильмах, есть не голливудский вымысел, а основа жизни в Америке: коллективные действия на добровольной основе, которые поддержат лидеров, но помогут всем, позволив людям гордиться своими достижениями, согражданами, жизнью.

В день церемонии в центре Вашингтона собралось до 2 миллионов человек — абсолютный рекорд. Население столицы в эти дни увеличилось в несколько раз, это было видно по общественному транспорту, магазинам, кафе, просто улицам.

Мотивы

Эффект максимально широкой вовлеченности американцев в выборы президента эксперты оценивают как базовую находку команды Обамы. Более того, пожалуй, впервые происходит институционализация интернет-технологий. И хотя первая инаугурация, появившаяся в Интернете, относится еще к приведению к присяге Билла Клинтона, именно штаб Обамы стал первым, который использовал интернет-возможности так широко и оперативно. Помимо ежедневных рассылок в почту, были задействованы youtube, блоги. Участников призывали отправлять на сайты свои фото и видео, добавляя, что, возможно, именно они попадут в инаугурационный альбом. Снимки простых американцев «висят» на инаугурационных сайтах, на сайтах ведущих телеканалов и газет.

Можно не сомневаться, что подобные «народные» технологии будут использоваться командой нового президента и дальше. Недаром Обаму уже назвали первым интернет-президентом. Однако его популярность объясняется не толь-

ко небывалым использованием медийных технологий.

Во-первых, на фоне усталости от республиканцев в целом и Буша в частности в обществе возник устойчивый запрос на новый тип лидера, который, в свою очередь, станет проводить новый тип политики, что восстановит внутреннюю мощь Америки и вернет уважение мира.

Во-вторых, Обама стал первым президентом афроамериканцем. Как заметил кто-то из наблюдателей, в какой еще стране с преобладающим белым населением такое возможно? И этот факт не просто привел в Вашингтон в день инаугурации сотни тысяч афроамериканцев, поющих и танцующих, несмотря на жуткий холод. Этот факт вселил в них надежду, что действительно «we can» — «мы можем»: то есть каждый может добиться, чего он хочет, а вера в собственные силы — один из столпов американского мировоззрения.

Наконец, эта победа укрепила у миллионов чувство личной ответственности перед страной за этот выбор и за действия своего президента, поскольку — опять же — американское сознание привыкло и свои победы, и свои неудачи относить на собственный счет.

Темы

Последнее чрезвычайно важно в тех условиях, в которых начинается президентство Барака Обамы. С одной стороны, это колоссальные надежды, связываемые с ним, с другой — колоссальные трудности, которые стоят перед экономикой в следующие месяцы, в которые могут последовать дальнейшие сокращения рабочих мест, доходов, трудности по ипотечным займам и т.д.

Надо воздать должное самому Обаме и его спичрайтерам: никаких популистских речей он с момента избрания пре-

зидентом не произнес. Да, он обещает лучшую жизнь, он критикует прежних лидеров, но главное — он вновь и вновь напоминает людям о том, что только все вместе они смогут пройти через эти трудности, и второе: трудности эти не закончатся прямо завтра по мановению волшебной палочки.

Иными словами, делается все возможное, чтобы, с одной стороны, максимально сохранить электоральное доверие, с другой — не обещать избирателям рая земного прямо завтра. Впрочем, это та черта, которая разительно отличает Америку от России: да, надоел Буш, да, наломали дров республиканцы. Но никто не сводит все свои беды и трудности к личности президента. Его резиновую куклу могут забрасывать башмаками и кроссовками (по примеру сделавшего это иракского журналиста), над его карикатурами могут глумиться в блогах, но даже низкий рейтинг лидера не колеблет основы общества. Не справился — переизберем. Президент — лишь некий направляющий вектор, которому можно доверять и которого можно придерживаться, если твои взгляды совпадают с его взглядами. А можно не доверять и не следовать. Президент воспринимается как высокий чиновник, проводящий некую политику, которая служит твоим интересам или нет.

К примеру, некоторые в ноябре проголосовали за МакКейна, а не за Обаму только потому, что демократ Обама обещал повысить налоги для тех, чьи доходы превышают 250 тысяч долларов в год. Так вот этим обещанием он «напряг» ту часть американцев из среднего класса, которые живут в крупных городах и пашут как проклятые 14–16 часов в сутки. Именно представители этой прослойки создают во многом национальное богатство Америки и обеспечивают ее технологическое и интеллектуальное превосходство во многих сфе-

рах. Их всерьез обеспокоило намерение Обамы взять часть денег от них и перераспределить среди менее обеспеченных. И, кстати, Обаме еще придется убеждать эти прослойки, что он не покушается на их доходы, нажитые непосильным трудом в прямом смысле слова.

Программа экономических шагов — приоритет новой администрации, и первые месяцы, тут нет никаких сомнений, будут посвящены именно мерам финансового оздоровления. Пакет мер, стимулирующих экономику, превышает 800 млрд долларов. И, можно не сомневаться, будут весьма горячие дискуссии по поводу трат, которые вознамерится совершить новая администрация, и доходов, которые критически необходимо повышать, поскольку

дефицит бюджета США в 2009 финансовом году должен, по прогнозам, перевалить за триллион долларов, составив 8,3% ВВП. Это будет самым плохим показателем со времен экономического кризиса 1970–1980-х годов, если вовсе не со времен Великой депрессии 1930-х.

Ценности

Еще одной особенностью периода, предшествующего вступлению Обамы в должность, и собственно церемонии было его обращение к новому поколению. Это делалось не в лоб, а достаточно изящно, чтобы не нарушить единение нации, возникшее вокруг фигуры нового президента (хотя его перевес был

значительным, не стоит забывать, что 22 штата проголосовало за республиканца МакКейна). Но вместе с тем эта линия стала как бы антитезой республиканского правления последних лет.

В аналитических текстах, посвященных будущему республиканской партии, об этом говорилось немало. В мягких оценках республиканцам советовалось найти базу для обновления как собственного имиджа в целом, так и центральных фигур в партии; соотнести стратегию с объективным фактом меняющегося мира и занять свою, новую нишу в нем. В более жестких оценках про республиканцев говорили, что они стали отражать настроение самой реакционной части общества, части, застывшей, в лучшем случае, в ранних 1990-х. «Республиканцы потеряли поддержку среди молодых и образованных, — заметил один наблюдатель. — На кампанию Обамы дали столько денег не потому, что ждут от него чудес, а потому, что альтернатива была не только опасна, но и унижительна. Люди не захотели впустить еще раз в Белый дом партию, в основном опирающуюся на провинциальную агрессивность».

В этом, пожалуй, еще одно отличие ситуации в России и в США. В России несколько лет назад возник крен в сторону традиционалистских ценностей, что позволило говорить даже о некоем «консервативном либерализме» как о доминирующих взглядах большинства населения. Объяснялось это примерно так: нужна рыночная экономика с сильным государством и суверенными ценностями, проистекающими из российской истории, религии и культуры. В США же наоборот, потому что базовые ценности свободы и прав человека есть тот компонент системы, который не требует обсуждения. На нем базируется американская нация, и именно согласие по этим ценностям создало американцев.

Шаги

Практически все эксперты сходятся во мнении, что правление Обамы будет все же отличаться от президентства прежних лет. Чем бы ни закончилось его президентство, оно, по всей вероятности, войдет в историю не просто через запятую в ряде других. Ну, а пополнит ли Обама «пантеон великих», покажет время. Сам он, это видно, ориентируется на Линкольна; он — символ, человек, не просто прошедший гражданскую войну, искоренивший рабство и сохранивший единство страны; он — человек, который превратил американцев в нацию. Еще можно заметить параллели с правлением Кеннеди: прежде всего, это ожидание решений, позволяющих избежать мирового противостояния, снизить международную напряженность, восстановить репутацию страны. В экономике некоторые ожидают от Обамы роли Рейгана, реформировавшего экономику и обеспечившего Америке мощный экономический рывок (его вклад в переговоры с Советским Союзом, договор о РСМД все же вторичен: это тема для политологов, обычные американцы думают о внутренней жизни).

Любопытно, что крайне осторожно после избрания Обамы проводятся параллели с президентством Франклина Д. Рузвельта. Его шаги по спасению американской экономики во времена Великой депрессии вызывают опасения у части американцев, потому что, во-первых, он резко увеличил присутствие государства в экономике, чего американцы не любят. Во-вторых, продавил через конгресс законы, которые, собственно, и позволили случиться этому присутствию. Иными словами, Обаме даже особенно активно не нужно работать в этом вопросе с Капитолием — правовая база имеется. Впрочем, как и у Линкольна, все понимают: повторов того,

что сработало 70 лет назад, в экономике XXI века быть не может.

Чего точно ожидают от новой администрации — максимальной открытости ее шагов, инициатив, решений.

Экономические шаги, по общему мнению, станут приоритетом первых месяцев новой администрации. С первых дней в Овальном кабинете Обама начал проводить едва не ежедневные брифинги со своей экономической командой, встречаться с конгрессменами, которым предстоит утверждать множество антикризисных мер. Насколько эти решения сработают? Даже ведущие экономисты опасаются заглядывать далеко вперед по ряду причин. Во-первых, говорят они, Америка столкнулась не с одним кризисом, а сразу с несколькими, например, финансовым и кризисом спроса. Сферы взаимозависимы, однако трудно сказать, какой эффект принесут, скажем, для финансовых бумаг меры по поддержке дорожной инфраструктуры. Во-вторых, в некоторых сферах эффект может быть быстрым, в других почувствуется в лучшем случае к исходу 2010 года. Наконец, третий фактор — не все зависит от США. Американская экономика настолько тесно связана с другими, что нельзя не учитывать, скажем, прогнозы по Китаю, Японии, Европейскому союзу.

Что помимо экономики? Не позже конца марта должны обозначиться приоритеты внешней политики и военно-политической линии США. В начале апреля должны произойти три важных события: 1–2 апреля финансовая «двадцатка» соберется в Лондоне; 3–4 апреля Франция и Германия проведут юбилейный саммит НАТО; наконец, станет понятным проект военного бюджета США, который Белый дом направит в конгресс.

Иными словами, к исходу марта у администрации должно быть понимание в от-

ношении а) Европы (причем как всей Европы, так и ее восточной части); б) болевых точек, таких как Афганистан, Ирак, Иран, Пакистан; в) роли НАТО и ее масштабов (например, в контексте Грузии и

В обществе возник устойчивый запрос на новый тип лидера, который станет проводить новый тип политики, что восстановит внутреннюю мощь Америки и вернет уважение мира

Украины), а также участия альянса в Афганистане; г) России. Причем это должна быть уже весьма рельефная картина, содержащая ключевые элементы международной экономической политики, внешнеполитическую линию, стратегию национальной безопасности и т.д.

Возможности

Что касается взаимоотношений с Россией, то пока понятны лишь их контуры. Первое: вряд ли стоит ожидать дальнейшего охлаждения отношений, по меньшей мере со стороны Вашингтона. Однако и нового «медового месяца» эксперты не предрекают. Они полагают, что нынешняя конфигурация власти в России с двумя ее центрами может вызывать у новой администрации США некоторое замешательство — с кем контактировать? Хотя более оптимистичные эксперты полагают, что Обаме и Медведеву будет нетрудно найти общий язык: они оба принадлежат к новому поколению политиков. Кстати, на это надеется и Белый дом. Сообщая о телефонном разговоре Обамы и Медведева, пресс-офис сообщил: «Президенты согласились, что поскольку оба они лидеры поколения после холодной войны, они имеют уникальную возможность построить принципиально другой тип отношений между двумя странами».

Впрочем, есть очевидные темы, по которым будет происходить, прежде всего, рабочий диалог и в решении которых заинтересованы обе стороны. Так, и Россия, и США заинтересованы в укреплении режима нераспространения; в появлении нового договора взамен СНВ-1, истекающего в декабре 2009 года. Можно ожидать также подвижек в таких болезненных для России темах, как развертывание системы ПРО в Восточной Европе и предоставление плана действий для членства в НАТО Украине и Грузии.

Что касается новой системы ПРО, то демократы давно занимают более скептическую позицию в отношении ее необходимости, чем республиканцы. В Конгрессе планам скорейшего развертывания ПРО противостоит довольно сильное лобби. Отказ в дополнительных расходах на этот проект мотивируют тем, что тесты еще не доказали, что система «технически эффективна». К тому же экономический кризис вынуждает более тщательно анализировать расходы и расставлять приоритеты. Об этом уже сказал и глава Пентагона Роберт Гейтс, при этом не исключив, что по проекту ПРО с Россией «есть потенциал сотрудничества».

Что касается планов по вхождению в альянс Украины и Грузии, то, во-первых, позиции европейских стран, оппонировавших идее, ничуть не изменились. А во-вторых, в команде Обамы личные отношения ни с грузинским, ни с украинским лидером вроде никого не связывают, и для нынешнего Белого дома, скажем, тема Грузии более нейтральна и менее персонифицирована, чем для команды Буша — Чейни.

Но все-таки не стоит ожидать, что Соединенные Штаты резко изменят и свое отношение к ПРО и тем более к постсоветским странам. Во-первых, планы противоракетной обороны в том или ином виде материализуются уже не од-

но десятилетие, и не стоит полагать, что новая администрация их враз свернет. У американцев, будь они республиканцы или демократы, есть устойчивое понимание, что надо защищать себя, а главное, что надо разрабатывать и внедрять новые технологии, которые и обеспечивают Соединенным Штатам мировое лидерство.

Что касается бывших советских республик, то страны Закавказья могут приобрести вообще особое значение, поскольку их рассматривают не только как «пояс безопасности» для Европы, но и как своего рода коридор, по которому можно добраться до Афганистана и далее. А Афганистан — это уже объявлено — становится одним из приоритетов новой администрации наряду с Пакистаном и Ираком.

В Афганистан должны быть направлены дополнительные войска, средства обеспечения, финансирование. В этой связи еще более насущным становится разрешение Москвы на сухопутный транзит грузов в Афганистан, кроме того, не исключено, что Вашингтон поновому взглянет и на отношения с государствами Центральной Азии. Можно не сомневаться, Афганистан станет одной из центральных тем апрельского саммита НАТО в Страсбурге и Кельне. Так вот, если в ближайшие месяцы в отношениях России и США не произойдет никаких непредвиденных обстоятельств, Москва сможет извлечь выгоду из более тесного сотрудничества с американо-европейским альянсом, поскольку ситуация в Афганистане затрагивает и ее интересы.

Основы

Демократы, особенно демократы-«клинтонианцы» (а в команде Обамы немало назначенцев из окружения Клинтона), действительно более кос-

мополитичны, более открыты миру, более толерантны. Они придают большее значение многосторонним коалициям и поиску поддержки своих действий, нежели республиканцы. Они не готовы отправить всех куда подальше только потому, что остальные не хотят поддерживать решение, которое они считают единственно верным.

Но все же стоит помнить: они все — американцы. Американцы самодостаточны и уверены в себе. Американцы исходят прежде всего из собственных интересов и идеалов. Не стоит забывать: об американских идеалах Обама сказал сразу, еще в инаугурационной речи. Американские идеалы предполагают, что все люди достойны свободы и демократии, просто некоторым нужно помочь. Стоит напомнить, что именно во время президентства Клинтона была Югославия. Кстати, «архитектор» Дейтонских соглашений Ричард Холбрук (которого никто не заподозрит в излишней мягкости и покладистости) теперь назначен Обамой спецпредставителем по Афганистану и Пакистану. Не стоит забывать, что и

бывший сенатор, ныне вице-президент США Джо Байден также известен своими достаточно жесткими взглядами на внешнюю политику.

Это к тому, что не стоит ждать, что Соединенные Штаты превратятся в милого партнера, который будет идти на уступки ради того, чтобы остальной мир любил его вечно. Отнюдь нет.

Но все же Америка вошла в новый президентский цикл, выучив некоторое количество уроков. Например, что односторонние действия зачастую приносят самому их инициатору больше вреда, чем пользы. Что мир меняется, и нужно участвовать в создании новых форм экономического функционирования, энергетических проектов, климатических подходов. Что для достижения кумулятивного блага необходимо иногда отказываться от сиюминутной личной выгоды. Что уступка не есть поражение, а подчас, наоборот, — проявление силы и мудрости. Так что ныне качество и глубина диалога между Москвой и Вашингтоном зависят в том числе от готовности к этому диалогу самой России.

CONTENTS

To Our Reader	5
Seminar	
Civil Society and Judicial Authority <i>Lyudmila Alexeeva</i>	7
Theme of the Issue	
World Crisis and Russia <i>Serguei Aleksashenko</i>	18
World Crisis and the World Order <i>Dmitrii Trenin</i>	27
Challenges and Threats	
A Five-day War in the Caucasus: Real and Imaginary Consequences <i>Serguei Markedonov,</i> <i>Andrei Zakharov</i>	32
Discussion	
2003–2008. Results, Side Effects, Lost Opportunities <i>Tatiana Vorozheikina,</i> <i>Lev Gudkov,</i> <i>Nikolai Rozov,</i> <i>Mark Urnov,</i> <i>Victor Sheinis</i>	46
Values and Interests	
One Doesn't Talk about It in Public <i>Maxim Trudolyubov</i>	63
Mass Media and the Society	
Can the Mass Media be Neutral, Objective and Independent <i>John Lloyd</i>	69
From Mission to Blogs, Social Networks and Celebrities of Journalism <i>Michael Maclay</i>	73
Viewpoint	
Decentralization and the Emergence of Stable Local Communities <i>Liliya Khramtsova</i>	81
A Life in the Profession	
Rule of Law and the Independence of the Judiciary <i>Lord Justice Moses</i>	88

From the History of Russian Liberalism

Victor Obninskii and the Union of Liberation <i>Evgenii Efremov</i>	93
Experience from Abroad	
Politics as an Instrument of Social Change. Spanish Experience of 1975–2008 <i>Fernando Lamata</i>	98
Announcement	
Society against Corruption <i>Vadim Bondar</i>	104
Books	
Holster and Rouble <i>Andrei Zakharov</i>	106
Regional Book Review <i>Y. S., Andrei Zakharov</i>	109
Counter-Point <i>Aleksander Arkhangelksii</i>	112
Nota bene	
America Old and New <i>Svetlana Babaeva</i>	116

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема:

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

СЕМИНАР

(Репино, Санкт-Петербург февраль 2009)

Наши авторы:

Людмила Алексеева

Александр Архангельский

Сергей Большаков

Ирина Бусыгина

Даниил Горецкий

Екатерина Жиликова

Андрей Захаров

Евгений Ефремов

Сергей Маркедонов

Эмиль Паин

Владимир Рыжков

Никита Соколов

Дмитрий Тренин

Максим Трудолюбов

Андрей Юров

Квитанция	<p><u>АНО «Московская Школа Политических Исследований»</u> (получатель платежа) ИНН 7709515010 КПП 770301001 р/сч. № 40703810900000020710 в Банк ВТБ 24 (ЗАО) г. Москва БИК 044525716 Сч. № 3010181010000000716</p> <p><u>Подписка на журнал «Общая тетрадь» (4 выпуска 2009 г.)</u> (наименование платежа)</p> <p>Плательщик (ФИО) Адрес: _____ Сумма платежа 800 рублей 00 копеек Подпись _____</p>
Извещение	<p><u>АНО «Московская Школа Политических Исследований»</u> (получатель платежа) ИНН 7709515010 КПП 770301001 р/сч. № 40703810900000020710 в Банк ВТБ 24 (ЗАО) г. Москва БИК 044525716 Сч. № 3010181010000000716</p> <p><u>Подписка на журнал «Общая тетрадь» (4 выпуска 2009 г.)</u> (наименование платежа)</p> <p>Плательщик (ФИО) Адрес: _____ Сумма платежа 800 рублей 00 копеек Подпись _____</p>
Кассир	

Оформить подписку на журнал «Общая тетрадь» можно следующим образом:

1. **Заполните квитанцию.** Укажите Ф.И.О., адрес с индексом, на который будет приходить бандероль с журналом.
2. **Оплатите квитанцию в любом отделении Сбербанка РФ.** Копию оплаченной квитанции отправьте нам по факсу (495)699-01-73 или по эл. почте msps@msps.su
В цену подписки не включена комиссия Сбербанка.
3. **Подписка для юридических лиц оформляется на основании заявки и оплаты выставленного счета.** Оформить заявку вы можете по эл. почте msps@msps.su или по тел. (495)699-01-73.

Подписано в печать 26.03.2009.
Формат 70×108/16.
Усл.-печ. л. 8.
Тираж 999 экз.
Заказ №

Московская школа
политических исследований
127006, Москва,
Старопименовский пер., д. 12/6, строение 1
e-mail: msps@msps.su
<http://www.msps.ru>

ЛР № 00972 от 14.02.2000.
Отпечатано с готовых диапозитивов

